

Семён АГЕЕВ

Подделка

Повесть

Новокузнецк
2019

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Семён АГЕЕВ

Подделка

Повесть

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А 23

АГЕЕВ Семён Артёмович

А 23 **Подделка** : повесть / Семён Агеев ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Компани», 2019. – 104 с.

16+

© Семён АГЕЕВ

АГЕЕВ Семён Артёмович родился 10 августа 1995 года в Новокузнецке. Учился в НГУ на физическом факультете, затем в НГТУ на факультете радиоэлектроники. Работает в магазине «Акустика» продавцом-консультантом. Увлекается музыкой, пишет песни.

В КЛФ «Контакт» пришёл в марте 2018 года. Первая публикация – повесть «Трейлер» в издательстве «Союз писателей» весной 2018 года.

Почему именно сегодня?!

Я дёргал ручку гермовторки снова и снова, но та и не думала поддаваться. Автоматический механизм открытия, похоже, обесточен, а аварийный – на пневматике – пшикнул и затих. Чтоб его! Сегодня. Не завтра. Не на следующей декаде, не в следующем цикле!

И кто заставлял меня тащиться с этими олухами на окраину станции в такой день? Я поступил в лётное училище! Блестяще сдал экзамен, меня отметил сам Генма – капитан в отставке, командовавший двадцать лет тому назад боевой эскадрилей «Железные волки»! Наверняка, молодые кадеты, удостоившиеся такой чести, будут сидеть во главе стола на банкете в честь открытия первого учебного цикла. А я буду здесь. В этом древнем детском комплексе. До тех самых пор, пока родители вместе со службой гражданской защиты не обыщут полстанции и не допросят Шина и Русю – тех самых олухов, которые затолкали меня в вентиляционный тоннель. Сами ведь ни за что не признаются.

Пробовал выбраться тем же путём. Все локти себе сбил, пока пытался влезть по шахте, а потом ведь надо ещё и изогнуться в три погибели, исхитриться взобраться на уступ и проскользнуть через решётку. Вниз было куда проще и быстрее. Если не считать ссадины на лбу и недолгого обморока. И ещё нескольких приступов тошноты.

Я с досадой стукнул кулаком по аварийной рукоятке.

Вот бы гравитонную центрифугу остановили! Но так ведь останавливают только раз в десять циклов и предупреждают всю станцию за две декады. В последний раз ускорение пропало, когда мне было восемь и с того дня внеплановых остановок не было. И даже если вдруг каким-то чудом через час или два объявят «день без тяготения», мне нужно будет протянуть здесь ещё двадцать. Из еды – только шоколадный батончик. Неизвестно, есть ли здесь вода в умывальниках. А уж про туалет вообще отдельная история: в тот самый день нечистоты расплзутся по парку и размажутся тонким слоем по всем поверхностям. И это при условии, что я не умру от обезвоживания. Слава инженерам, воздух здесь, вроде бы, вполне пригодный.

Закончив мучить дверь, я уселся в угол и развернул голограмму скайлинка, вшитого в правую ладонь. Тринадцать часов и двенадцать минут от начала дня. Заряд батареи выше семидесяти процентов – хватит примерно на девять декад. Связи нет. Что за шутки? Не парк, а бункер! Или тюрьма.

Я вздохнул и поднялся на ноги. Не время сидеть на месте. Ещё два часа до банкета. Успею выбраться! Не зря ведь меня отметили. Капитан боевой эскадрильи никогда не опускает рук. Он, стиснув зубы, решает одну проблему за другой до тех самых пор, пока они не закончатся.

Может быть, получится подать сигнал другим способом?

Я снова выбежал в просторный вестибюль, увешанный пыльными бумажными гирляндами, потускневшими плакатами с рекламой мороженого, потухшими разноцветными фонариками и засыпанный конфетти. Открытый огонь – злейший враг космических кораблей. Если устрою задымление, это непременно заметят.

Собрав как можно больше всякого бумажного хлама, я притащил это всё к проёму воздуховода на дальней стене. Сбегав в отдел с игрушками, вытащил из автомата пригоршню фонариков на липучках. Из другого – горсть пластиковых фигурок. Прикатил из ближайшего кафе доску с остатками намалёванного мелками меню, не забыв захватить столовый нож. И принялся за работу.

Бумагу на станции делают из модифицированного льна. Сама по себе она не слишком дымит и быстро выгорает, но вот если обернуть ей в несколько слоёв кусочек пластика – вот это будет дело. Как-то раз в начальной школе мы подбросили такую шашку в туалет для девочек. Как они визжали, выбегая из едкого облака! И как нас потом ругали...

Одним словом, шашки получились что надо. Я сунул в рот указательный палец, поводил перед воздуховодом. Тянет. Это хорошо. Приготовил послание для управляемых дронов-пожарных, расклеив на доске фонарики так, чтобы получилось слово «помогите». Зажёт одну шашку батарейкой, бросил в шахту и придвинул доску поближе, оставив на всякий случай небольшую щель. И довольный собой принялся ждать.

Долго ждать не пришлось. Уже через минуту послышался вой сирен. А потом через щель между доской и краями вентиляции хлынула вода. Очень много воды! Она разливалась по полу вестибюля, подхватывала золотинки конфетти, кружила их и уносила дальше в парк, словно в плаванье. Из неприметных щелей в стенах сразу же выскочили дроны-уборщики и принялись деловито ликвидировать бедствие. Оторопело выпучив глаза, я отодвинул доску. Лучше бы не трогал: едкий дым сразу же потёк из шахты в зал. Сирены завывали второй раз.

Из плюсов: от жажды я не умру.

Из минусов: побег откладывается.

* * *

Чуть позже, добравшись-таки до туалетов, я обнаружил, что всё прекрасно работает. Включая систему накопления отходов и очистки воды. Незачем дымить, чтобы напиться, – это радует. В кафе обнаружился целый склад сухих заготовок в герметичных контейнерах. Залил водой, разогрел – и комплексный обед готов. Думаю, пару декад я здесь протяну. Вот только к выходу из положения меня это вовсе не приблизило. Двери по-прежнему не поддавались, а сигналы о задымлении, похоже, никто не замечал. Я продолжал жечь шашки в вентиляции каждые двадцать минут. Для проформы.

Ещё через два часа шатаюсь из стороны в сторону в раздумьях, я заметил в углу вестибюля на потолке глазок видеокамеры. Сперва страшно

обрадовался, принялся бегать, махать руками, выкатил на видное место доску. Однако потом до меня дошло: если никто не заметил меня за всё это время, то вряд ли заметит и сейчас. Скорее всего, камера давно не работает, как и гермостворки.

Но вот что странно: на двери и системы жизнеобеспечения энергия подаётся в первую очередь. Если отключается основное питание, в каждом кластере станции есть свой резервный генератор, а в каждом отсеке по аккумулятору, рассчитанному на цикл. Воздух здесь не застаивается, иначе я давно бы уже задохнулся от своих же шашек. Температура тоже комфортная. Даже электроприборы в кафе вроде водонагревателей исправно работают! Почему тогда отказали двери? Может быть, контур повредило? Где искать подстанцию? Получится ли у меня хоть что-то наладить?

Мёртвый дрейф.

Нет, о таком даже думать не стоит. Я не инженер, а всего лишь кадет в лётном училище. Который, более того, даже ни разу ещё не сходил на занятия. Что же мне остаётся? Сидеть и тупо ждать спасения?

По крайней мере, нужно здесь как следует осмотреться. И, пожалуй, перекусить.

Приготовив себе фасолевый суп и сочный бифштекс из сушёных заготовок, я уселся за столик в кафе и принялся изучать снимок большой и подробной карты комплекса. Я сейчас в самом нижнем углу, в помещении, обозначенном, как зона отдыха. Вот кафе, в котором я устроил себе обеденный перерыв, рядом комната с автоматами, подписанная как «Подарки Фредди». Чуть выше игровой зал с батутами, мягкой зоной и веревочным парком. Ещё выше зал видеоигр и кинотеатр. А дальше уже интереснее: гермостворки в коридоре у вестибюля, которые я пытался вскрыть, вели вовсе не назад к окраине станции. Там располагались некие «жилые помещения». Притом, в несколько этажей. Столовая, прачечная, складские комнаты – всё как в наших общежитиях. Слева от них громоздился больничный отсек, сверху – учебный, а над ним – отдел регистрации и жилой отсек для учителей. Даже свой собственный отдел инженерного и ремонтного персонала!

Нет, это был не парк. И не бункер. Похоже на изолированный учебный отсек. Полигон для практических занятий, спортзал, бассейн и обсерватория прилагаются. Кого здесь учили? Почему его оставили – из-за катастрофы или он просто перестал быть востребованным? Сколько он уже заброшен? Почему его до сих пор не отстыковали и не переоборудовали?

И что важнее, как именно я здесь очутился? Вряд ли пролетев пару метров по вентиляции можно было бы попасть в такое место. Не могу толком вспомнить, как же это произошло. Может быть, дело в том, что я ударился головой при падении? Помню, что отключился, а очнулся уже на полу в вестибюле.

Странно всё это. Очень странно. Нужно пробраться в жилые помещения. Может быть, личные вещи учеников или журналы дежурных что-нибудь подскажут.

Может быть, даже удастся отыскать выход.

* * *

Не найдя в развлекательном комплексе ничего более подходящего, я отправился в игровой зал. Нашёл там бассейн, полный разноцветных поролоновых кубиков, прыгнул в них и устроился поудобнее. Сколько бы я ни пытался вскрыть двери к жилым помещениям, у меня ничего не выходило. Наверное, можно было бы пробраться туда по вентиляции, но я упёрся в ту же проблему, что и в самом начале – непроходимый вертикальный участок. В итоге, до смерти уставший морально и измотанный физически, я отужинал макаронами, сосисками и сладким пирожком, а затем сразу же отправился искать ночлег.

Двадцать два часа от начала дня. Автоматическая система приглушила свет в комплексе, отдавая дань планетарному распорядку. Поставив будильник на семь часов, я вырыл ямку среди кубиков, нагрёб их сверху, чтоб было теплее, закрыл глаза. Распорядок дня кадета летного училища нарушать не стоит.

Мне понадобятся силы, чтобы выбраться отсюда.

* * *

Два дня я рыскал по всем доступным местам, старался найти хоть одну зацепку, чтоб решить задачу. Парадная форма кадета – строгие шорты до колен, белая рубаша и зелёный галстук – вывозилась в грязь, превратившись в нечто неприглядное. Берет я потерял ещё где-то в вентиляции. А ведь он был так хорошо скроен! Обида на товарищей, вздумавших зло подшутить, поступала к горлу, стоило об этом подумать. Зубы чистить, конечно же, было нечем, не нашлось даже простой жвачки. Вместо этого я грыз мятные леденцы, чтоб, по крайней мере, не пахло изо рта.

Я отыскал служебный вход в зону развлечений – в дальнем конце игрового зала. Осмотрел дверь и электронный замок. Всё было исправным, но не поддавалось: даже для доступа к аварийным рычагам нужно было предъявить пропуск персонала. Гадство!

Чтобы убить время и успокоиться, я составил опись провизии, которую удалось найти. Попытался придумать график, растянуть запасы на как можно более долгий срок. Получились весьма оптимистичные прогнозы: оставшейся еды мне хватит на шесть декад, если урезать рацион до одного комплексного обеда в день. Вот только не ясно до конца – сколько мне предстоит здесь провести. Может быть, ещё пару дней. Может быть, декаду. А что – если всю оставшуюся жизнь?

Я исследовал зал видеоигр и список фильмов в одиночной кабинке кинотеатра, чтобы понять, сколько циклов это место пустует. Самым новым автоматом, насколько я мог судить, оказался «Street Fighter AR», заключённый, как и все остальные игры дополненной реальности в прозрачный плексигласовый короб. Игре было одиннадцать циклов. Одиннадцать! Стоит ли говорить о том, каким старьём было остальное? Если уж у местных завхозов была возможность содержать этот игровой парк, то они

наверняка могли позволить себе регулярно обновлять автоматы. Между тем, последним из добавленных интерактивных фильмов был «Вызов чёрной дыре», отснятый шесть циклов назад. А с момента его добавления минуло около трёх с лишним. Однако система могла обновляться автоматически.

Слой пыли на приборах не давал усомниться: место пустовало очень долго.

На третий день я задумался о том, чтобы штурмом взять вентиляционную шахту. Нарисовал небольшую схему и принялся перебирать варианты. Вот бы найти где-нибудь раздвижную стремянку! Но она могла бы отыскаться только в служебном помещении, или если бы её кто-то забыл туда унести. И если уж я не заметил такую важную вещь за два дня обысков, значит, её попросту нет. А потому следовало сосредоточиться на том, что было под рукой.

Такелаж из верёвочного парка. Стулья и столы из кафе. И столовые приборы.

Через два часа после завтрака я был уже готов опробовать первый способ, пришедший мне на ум. Верёвочная лестница. Ножки от столов очень хорошо подходили на роль распорок, так как были металлическими, лёгкими и имели форму буквы «п». Я придал пластиковым наконечникам ножек подходящую форму, чтоб прочно легли на край трубы в том месте, где она изгибается и переходит в горизонтальную. Лестницу, целиком взятую из парка, надёжно привязал к изгибам готовой распорки. После этого оставалось подготовить пару магнитных присосок с блоками. Магниты я взял из тех же фонариков – очень много, чтобы наверняка, а вместо блоков связал пару верёвочных петель. Выстрелю ими из рогатки, подниму распорку с лестницей, зафиксирую, и вперёд – к свободе!

С грозной миной, как последний оставшийся в живых лётчик перед лицом превосходящего противника, я зашёл на цель. Поднял своё оружие: гнутую вилку и жгут из резинки от трусов. Прищурился.

Первый залп!

Бум!

Второй залп!

Бум!

Можно было бы и поровнее, но и так сойдёт.

Медленно и осторожно я начал поднимать ножки. Казалось, магниты вот-вот отлипнут от стенки вентиляции, и металлическая дура упадёт напрямик мне на макушку. Но вот наконечники заскребли по трубе, сорвались с её края и, легонько качнувшись, встали в нужное положение. Стравив немного, я окончательно уложил распорку в трубе. Несколько раз дёрнул за край лестницы. Вроде бы держит. Тогда я поставил ногу на первую ступеньку и надавил уже посильнее.

Сработало! Я чувствовал себя если не конструктором межпланетных космических кораблей, то по меньшей мере изобретателем ионного двигателя. Не удержался и исполнил победный танец. Правда, быстро спохватился – шорты сползли, а трусами пришлось пожертвовать. Что ж,

прощай, пыльный парк! Прощай, бассейн с кубиками! Здравствуй, лётное училище! Поскорее бы увидеть лица тех двух олухов, когда я буду показывать товарищам по группе видео, которые успел наснимать!

Затянув ремень потуже, сунув в карман столовый нож, я вновь ступил на ступеньку спасительной лестницы. Вперёд. К звёздам! К неизведанным просторам космоса! Я – покоритель лунных равнин! Первый человек на Марсе! Пилот, бросивший вызов чёрной дыре!

Чего?

Стена.

Я пролез через распорку, стоя на последней ступеньке лестницы. Обернулся к тоннелю, ведущему, как мне казалось, обратно к окраинам станции. И наткнулся в полуметре от изгиба вентиляционной трубы на глухую стену. Какого, простите, штопора? Через мгновение до меня дошло, что это автоматическая дверца. А воздух уходит сквозь решётку на противоположной стороне трубы, прямо у меня за спиной. По ту сторону, в трубе гораздо уже, уходящей в непроглядную тьму, обнаружились и датчики задымления, а вода разбрызгивалась из специального венчика, утопленного в обшивку воздуховода над головой. Наверное, при пожаре венчик должен выдвинуться. Но зачем такие сложности?

Я попробовал сунуть нож в щель у края дверцы. Поднатужился. Дверь не поддавалась, зато лезвие с треском переломилось. Нет. Этим путём точно не пройти. Чем бы ни была эта шахта, на вентиляционную она, всё-таки, ни капли не похожа.

Может быть, это грузовой лифт? Например, чтобы привозить в кафе еду и посуду. Но почему он расположен в вестибюле? И как тогда я сюда попал?

На секунду я представил, как еду в тесной кабине с одинаковыми полированными стенами, как теряется тяготение, а потом навстречу несётся гладкий пол. Представил ли? Может быть, вспомнил?

Гадство. Тоже мне, первый человек на Марсе, покоритель лунных равнин!

Одно теперь ясно: мне просто необходимо попасть в другие помещения этого странного учебного комплекса. Отыскать какие-нибудь записи, более подробные планы помещений, где обозначены служебные тоннели. Может быть, они есть в отсеке персонала? Но чтобы туда пробраться следует обзавестись допуском.

Лестницу я решил оставить на месте. Мало ли – вдруг пригодится.

* * *

Спал я беспокойно. Всё время казалось, будто кто-то шуршит у меня над самым ухом, расхаживает по комнате или гремит чем-то за стеной в веревочном парке. Всякий раз, когда такое повторялось, я пулей выскакивал из бассейна, хватал фонарь и обходил все коридоры. Отсек, разумеется, был пуст. Наверное, просто схожу с ума от одиночества.

По-настоящему насторожился я на пятый день. Пропал один из рационов, отложенный на завтра. А ещё пара сладких батончиков и пригоршня мятных леденцов, оставленных в миске на столе. В зале

игровых автоматов тоже нашлись подозрительные признаки: пыль с экрана автомата «Dance like no one sees!» кто-то смёл. На его танцевальной платформе в местах, отмеченных маркерами, виднелись отпечатки босых ступней. Может быть, я не замечал их несколько дней, но всё же! Будь я трижды олух, если кто-то не приходил сюда совсем недавно. А раз сейчас этого кого-то здесь нет, значит, он знает, как выбраться. Или заперся в кабинке женского туалета. Туда я ещё не заходил.

Но даже не смотря на доводы логики, подозрительные находки взбудоражили моё воображение. Может быть, здесь живёт привидение? Дух ребёнка, погибшего от гипоксии за пределами комплекса, так и не нашедший покоя. Или его заперли в туалете сверстники, когда началась эвакуация, и он так же как я сейчас, одиноко бродил по этим коридорам и игровым зонам, тщась найти выход. Так же, как и я спал в мягком бассейне. Может быть, его останки до сих пор там?

В необъяснимом безумном порыве я принялся «осушать» бассейн. Швырял и швырял наружу поролоновые кубики, пока не достиг дна. Только тогда, вспотевший, бледный и с выпученными глазами, я перевёл дух. И принялся с досадой прибирать бардак.

Всё это выдумки. Быть такого не может. Верить в сказки про призраков – глупо.

Рацион вскоре обнаружился в стопке других контейнеров. Похоже, я его сам переставил и забыл. Бумажки от леденцов – в ближайшем к столику мусорном ведре. В последнее время я завёл привычку грызть их, когда размышляю о чём-нибудь. Что до отпечатков... Я ведь не раз прогуливался по залу, осматривая игровые автоматы, а также заходил в кинотеатр. Наверное, сам и наследил. Тем более, что ботинки мне надоели ещё в первый день.

Но полностью подозрения не отступили. На всякий случай я сделал снимок каждого автомата, штабеля провизии и запасов леденцов. Решил делать так перед каждым отбоем, а после завтрака совершать обход.

* * *

– О, великий мастер меча, вы так искусны! Дракон-бедствие, столетиями угрожавшей нашей стране, повержен вашим могучим клинком! Чем же я – скромная принцесса, всего лишь шестая в очереди на престол, могу вас наградить?

– Миледи, вам ни к чему волноваться об этом. Мне достаточно вашей прелестной улыбки.

– Вы искусны не только в фехтовании, но и в комплиментах. Почему бы нам не отужинать вместе сегодня? Только вы и я...

– Вы знаете, мастер меча, я всегда хотела увидеть мир. Вы много повидали в ваших странствиях по далёким королевствам. Может быть, расскажете, как там?

– Я посетил множество разных стран, сразил немало чудищ. Я нашёл верных товарищей и повстречал прекрасных женщин, но наши дороги разошлись...

– Не может быть! Неужели ваше сердце уже отдано какой-нибудь прекрасной даме (с огромным приданым и земельным владением)?

– Вы угадали, миледи.

– О, как печально!

– А что же насчёт вас? Кому отдано ваше трепетное сердце?

– Величайшему герою всех девяноста девяти королевств. Неприкаянному страннику. Победителю множества чудищ...

– Ну же, герой, я желаю знать, всем ли своим оружием вы владеете одинаково хорошо!

– Миледи... Ух!.. Вам не кажется, что вы слишком торопитесь? Йй-а! Может быть, не стоило пить столько вина?

– Не робейте! Когда вы стояли перед драконом-бедствием ваш точёный профиль вызывал благоговейный трепет, а стоило вам попасть в покои к юной красотке, так сразу будто стали ниже ростом.

– Ну раз уж вы наста-А-А-А!.. Якорь мне в дюзу! Бесстыдница!

Я вскочил, разбросав вокруг себя поролоновые кубики. Какой ужасный, кошмарный, мерзкий, развратный... приятный сон! Ещё бы немного – и я вкусил бы запретного вместе с милой, трепетной, хрупкой принцессой-ангелочком под душещипательные звуки фортепиано. Неужели нельзя было проснуться хотя бы чуть-чуть попозже? То есть, пораньше!

Секунду... Музыка. Трогательная мелодия фортепиано продолжала играть в моей голове и казалась смутно знакомой. Не могу вспомнить. Может быть, она из игры? Или из фильма? Или я слышал её в каком-нибудь кафе?

Ещё спустя секунду до меня дошло, где я. Вспомнилось досадное и опасное положение вещей. Не время предаваться фантазиям и истекать слюной. Я глянул на часы. Без четверти час от начала дня. Спать полагается ещё шесть часов. А раз таков порядок...

Музыка. Она играла не в моей голове. Доносилась откуда-то из-за стены зала автоматов. Глухая, почти неслышная. Потому я и не заметил её сразу, а проснувшись, долго не мог отличить от собственных мыслей. Всё-таки, я был прав! Здесь кто-то есть.

Затянув ремень на шортах, я вынул из карманов нож и фонарик и крадучись двинулся на звук. Медленно и осторожно заглянул за угол – в игровой зал. Автоматы всё так же безмолвными истуканами громоздились на каждом свободном клочке. Все, кроме одного. «Dance like no one sees!» был включен, мигал нажимными пластинами левой половины игрового поля, а на правой голографический мачо в старомодном костюме указал на меня пальцем и пустился в пляс. Надпись на экране складывалась в сакраментальное «Нажмите "Старт!"»

На поручне возле игрового поля висела пара больших беспроводных наушников, но музыка шла не от них. Душещипательные звуки рояля уже успели смениться чьими-то незнакомыми голосами. Мужской звучал гулко и низко, отдавался эхом во всём комплексе, а женский был трепетным и высоким.

Кинотеатр!

Ускорив шаг, я миновал ряды автоматов. Медленно и осторожно прошёл через коридор. Пересёк небольшой вестибюль, внимательно прислушиваясь. Звук шёл из общего зала для показа старых двумерных фильмов. Когда я подошёл ближе, герои снова заговорили, но язык был совсем незнакомым. Какая-то космическая тарабарщина! Что там происходит?

Дверь была приоткрыта. Я скользнул внутрь, как кот, стараясь не шуметь, хоть это было и не нужно – звук здесь стоял оглушительный. Вот в моём поле зрения показался экран. Картинка была нарисованной и страшно нечёткой, но я поднялся дальше по лестнице, не обратив на неё внимания. Осторожно заглянул за угол.

Стулья в центре зала были небрежно раздвинуты в стороны. На их месте лежал толстенный надувной шезлонг. А на шезлонге, вальяжно развалившись, расположилось странного вида существо. Маленькое. Чумазое. Босоное. В бесформенной толстовке и коротких шортиках. С торчащими во все стороны тёмными волосами. В одной руке оно держало огромную дымящуюся кружку с подогревом, а во второй шоколадный батончик. Мой шоколадный батончик. Я был просто вне себя.

И пока я старался в себя прийти, существо тоже меня заметило.

– А-А-А! Омаэвамошиндеру! Конаидэ!

Кружка полетела на пол, шезлонг превратился в оборонительное укрепление. Я решил, что лучше всего ответить с не меньшим напором. В случае чего с таким миниатюрным противником я как-нибудь совладею.

– Отвечай! Зачем воруюшь мои вещи?

– Это ты воруюшь! – ответствовало существо. – Здесь всё моё! Чего тебе надо?

– Я тут застрял и пытаюсь выбраться! А ты по ночам влезаеть и шумишь здесь, спать не даёшь.

Существо выглянуло из-за шезлонга. Опасливо и настороженно, будто напуганный зверёк. Рассмотреть в темноте толком не удавалось, но кажется, это была девочка. С пышной и неухоженной шапкой волос, маленьким носиком и огромными раскосыми глазами.

– Как это – застрял? Как ты вообще тут оказался?

– Это я и пытаюсь понять!

– Орья-а-а-а!

Девочка взмахнула рукой, и картинка с бросившимся в атаку мечником замерла. Секунду...

– Это что «Мастера меча онлайн»?!

Огромные глазищи девочки сделались ещё больше.

– Брат... – выдохнула она. – Товарищ. Единомышленник! Чего же ты там стоишь? Живо сюда!

Она мигом поставила на место шезлонг, подняла с земли кружку-непроливайку. С сожалением посмотрела на неё и на недоеденный батончик.

– Прости уж, у меня больше нет. Но зато есть мяконецкая лежанка и уйма аниме! – «существо» изобразило руками фейерверк. – Можно хоть сутками смотреть! Давай, ложись рядышком.

– Во-первых...

– Во-первых, ложись рядышком! – с нажимом проговорила девочка, подвинулась вправо и похлопала ладошкой по тугой плёнке.

Слегка оторопев от её напора, я подошёл ближе и присел на край шезлонга. Потом, медленно сгорая от смущения, улёгся, скособочившись рядом с ней.

– Вот и ладненько, – ухмыльнулась девочка. – Я смотрю в оригинале. Хочешь субтитры или озвучку поискать?

– Давай субтитры, – я неловко пожал плечами.

Сделав одной рукой несколько небрежных жестов, существо запустило видео с начала.

– Подожди-ка. Это какая серия по счёту?

– Десятая. Уже скоро первая сюжетная арка закончится, – пояснила она. И недоверчиво поинтересовалась: – Ты ведь уже его смотрел?

– Ну, вообще-то я только на четвёртой...

Девочка выпучила глаза, потом резко и довольно грубо загородила мне ладонью обзор, и звуковой ряд вновь оборвался. Спустя секунду она, виновато потупившись, сидела передо мной на шезлонге, скрестив лодыжки и теребя верёвочки на толстовке.

– Прости. Надо было сразу спросить. Вот тебе в качестве утешительного приза немного зефирок...

Ни мгновения не колеблясь, она схватила мою пятерню и прислонила к своей груди.

Якорь мне в дюзу!

– Ты что творишь? – воскликнул я, вырывая ладонь из её цепких пальцев.

– А что, разве мальчикам такое не по нраву? – искренне удивилось «существо». – Я в одном аниме видела...

– Это... – я замялся, – весьма спорный вопрос. Но с незнакомцами так лучше не делать. Да и вообще, как можно верить всему, что смотришь?

– Ну... Я вообще-то мальчиков видела только на картинках, – смущённо призналась девочка. – И ещё в книгах читала про отношения полов. Но ведь этого мало, правда?

Вот ведь! Все понимает, а туда же...

– Тебя как звать-то?

– Катля! Шестнадцать лет, свободна! – воскликнула девочка, вскинув ладонь.

Ни за что бы не поверил, если бы не «зефирки»... Бесстыдница!

– Для друзей – Галли. Хотя кого я обманываю? У меня нет друзей. А тебя как?

– Кадет Маркус Вольфганг Фробишер к вашим услугам, – я вскочил и вытянулся по стойке смирно. – Ну, то есть, Марк, шестнадцать циклов, свободен.

– Ого! – выпучила глаза Катля. – Кадет, значит? В лётное училище, небось, ходишь?

– Ну, как хожу... Поступил. Занятия должны были начаться позавчера, но я тут застрял.

– То есть, ты... оттуда попал ко мне и не можешь выбраться?

– Ага.

– И сколько ты тут уже?

– Семь дней.

– Кошмар! – девушка взъерошила себе волосы. – Тебе нужно вымыться, переодеться и поесть нормальной еды! Идём со мной.

Она схватила меня за руку и потащила прочь, забыв о шезлонге и поставленной на паузу серии «Мастеров меча онлайн».

– Подожди-подожди, но ведь из зоны развлечений не выйти! Заклинило гермостворки.

– Верно, не выйти. Если только у тебя нет этого.

Девушка ухмыльнулась, подняв брови, и помахала перед моим носом пропуском медперсонала.

Что здесь вообще происходит?

* * *

Никогда бы не подумал, что буду так скучать по душевой кабинке! По свежей одежде и жёсткой койке! Спать в мягком бассейне было по-своему приятно, но после шести с лишним ночей тело начало ныть. А про парадную форму кадета вообще лучше промолчать. Пусть я и пытался как мог содержать её в чистоте при помощи умывальников, выглядела она весьма скверно.

Так что я швырнул её в автоматическую машину для стирки и глаженья, выбрал себе по размеру серую толстовку как у Катлеи, хлопчатобумажные штаны, футболку и главное – трусы. Без них было очень некомфортно.

После того, как я вымылся и переоделся, странная хозяйка учебного комплекса проводила меня в свою комнату в жилом отсеке и угостила едой. У неё был целый холодильник фруктов, овощей и тофу! После сухих рационов они показались самыми вкусными во всей станции.

– Так ведь гораздо лучше, правда? – улыбалась Катля, сидя за столом напротив меня. – Эти сухари, конечно, очень питательные, но они быстро надоедают. И ещё от них можно растолстеть.

– Откуда у тебя это всё? – спросил я с набитым ртом.

– Ну, есть здесь недалеко отсек гидропоники. Полностью автоматический. Там же делают муку и соевые продукты.

– А ключ медперсонала?

– Стащила из больницы, пока прогуливалась там. Примерно пять лет назад.

– То есть, ты здесь уже пять циклов?

– Семь.

– Как так?

– Ну... Вот так вот! – девушка улыбнулась и развела руки в стороны.

Исчерпывающе.

Я взял стакан с чаем и сделал несколько обжигающих глотков.

– А что это за комплекс? Кого здесь тренировали?

– Точно не знаю. Когда я пришла сюда, он уже был заброшен. Я нашла много старых записей – учебные планы, отчёты учителей и всё такое. Похоже, это была школа для неблагополучных детей или вроде того.

– То есть, тюрьма?

– Скорее, изолированный приют. Ты ведь уже заметил, что здесь не ловит сеть?

– Заметил. Ты помнишь, как сюда попала?

Катля как будто потускнела.

– Как-как? На лифте спустилась, конечно же. Помнишь ту дыру в вестибюле? Это шахта лифта на магнитном подвесе.

Вот, значит, как! Теперь я вспомнил. Те двое завистников засунули меня в кабину, крича что-то про отлучение от общества и мерзко ухмыляясь. Выходит, они об этом комплексе что-то знали и решили таким образом избавиться от отличника лётной подготовки, чтоб не мозолил глаза. Вряд ли, конечно, они думали, что я застряну здесь на всю жизнь, но выговор за прогулы мне бы всё равно выписали.

Я с размаху хватил кулаком по столу, заставив Катлю испуганно вздрогнуть.

– Ты чего? – боязливо и немного обиженно спросила она, вжавшись в спинку стула.

– Прости, – я виновато потупился. – Вспылил просто. Кстати, лифт неисправен. Я сильно ударился головой, когда он резко затормозил. Не могу толком вспомнить, как тут оказался.

– Похоже на сотрясение, – задумчиво проговорила девушка и принялась накручивать на палец непослушную прядку волос. – Тебе лежать надо было и чтоб кто-нибудь тебя с ложечки чаем отпаивал.

– Всё-то ты знаешь! Меня сюда насильно затолкали, чтоб досадить и выставить в плохом свете. Занятия в училище уже вовсю идут. А ты говоришь: «лежать»!

– Ты ведь хочешь пилотом быть? Ну, водить боевой корабль, сбивать с орбит пиратские потрошители...

Я кивнул.

– Тогда тебе в первую очередь о здоровье думать надо! – воскликнула девушка, ткнув меня пальцем в лоб. – Попортишь вестибулярный аппарат – прощайте, перегрузки и скоростные маневры! Дурень ты. Завтра идём в больничный отсек.

– Да всё нормально...

– Никаких «нормально», пока не обследуешься!

В ответ я только вздохнул. Вот ведь упрямая! И какое ей дело до моего вестибулярного аппарата? Лучше бы привела в порядок свои волосы.

Да и вообще, странная у неё внешность. Маленький носик, губки бантиком и эти огромные чёрные глазищи! Сама миниатюрная, низкая – едва мне до

подбородка, ноги длинные, лодыжки тоненькие, а босые ступни большие, почти как у меня. В жизни не поверил бы, что она моего возраста, хотя фигура под бесформенной толстовкой, вроде бы, вполне взрослая.

Не менее странным было и её жилище. Все стены, каждый участок свободного пространства, изрисован маркером, увешан плакатами с персонажами из аниме или фильмов. Везде яркие наклейки, ленточки и разноцветные флажки. На полках уйма каких-то фигурок, шитых кукол и блестящих безделушек вперемешку со старыми бумажными книгами с названиями на непонятных языках. Постель не убрана и лежит в беспорядке. На полу рядом с ней яркий коврик, сплетённый, судя по всему из лоскутов от старых футболок. Рядом со шкафом для одежды, украшенном размашистым неразборчивым рисунком, – электронное пианино. И наконец, старый холодильник с кучей магнитиков, пожилая печь для разогрева еды и стол с двумя стульями. Зачем, спрашивается, ей, одиноко живущей в этом заброшенном комплексе, второй стул?

И всё же, находиться здесь было приятно. Да, я скучал по душевой кабинке, по свежей одежде и тёплой постели, но тоска по удобствам не сравнится с тоской по атмосфере обжитого. По общению. По звуку человеческого голоса, даже такому пронзительному. По лицу – кроме моего собственного отражения в зеркале. Даже с такими огромными глазами.

– Чего? – подняла брови Катля в ответ на мой задумчивый взгляд.

– Ничего, – бросил я в ответ. – Просто немного рад, что ты мне повстречалась.

– Хи-и-и, – щёки девушки порозовели. – А уж я-то как рада тебя встретить! Семь лет одиночества – это вам не шутки! Так и свихнуться можно.

* * *

Я надеялся расспросить девушку о приюте. Подробнее о том, как она попала сюда, о её находках и способах выбраться. Но сразу после еды она не терпящим возражений тоном отправила меня к умывальнику, вручив тубик с дента-жвачкой, а потом открыла для меня соседнюю комнату и уложила в постель. «Это, вообще-то, было крыло для девчонок, но ничего, потерплю», – ухмыльнулась она, лукаво прищурившись.

Помогла мне заправить постель новым бельём, пробежалась вместе со мной влажной тряпкой по полкам, а потом упорхнула прочь, пожелав спокойной ночи и что-то напевая себе под нос. Наверное, оставшееся время отбоя будет шуметь и беситься у себя, или смотреть аниме, а днём – спать.

И всё-таки, кто она? Действительно ли живёт здесь совсем одна столько циклов? Почему до сих пор не нашла выход и не выбралась? Почему так погрустнела, когда я спросил её о том, как сюда попала? Может быть, её тоже завистницы сюда сбросили? Нужно будет как следует с ней поговорить. Хотя бы в качестве благодарности за фрукты и комнату. Неизвестно, во что бы я превратился, если бы не Катля.

А теперь – спать. Распорядок дня кадета... Да какая разница? Я просто вымотался.

Мне снилась какая-то невнятная мешанина из погонь, драк и падений в пустоту. Сперва – два олуха с дубинками наперевес гоняли меня по верёвочному парку. Потом из поролоновых кубиков выбрался грязнуля в кадетской форме, связал меня и принялся разводить костёр. А в самом конце появилась Катлея в строгом чёрном платье, на шпильках и с очень вызывающей боевой раскраской. Она откинула со лба непослушные пряди, вздёрнула острый подбородок, глянула из-под полуприкрытых век и каким-то чужим томным голосом проговорила: «Во-первых, ложись рядышком». И хлопнула себя по округлому бедру.

Проснулся я раньше будильника. Отвыкшие от жёсткого матраса мышцы ныли, но я чувствовал себя гораздо лучше, чем в последние дни. Может быть, дело в настоящих овощах и фруктах, выращенных на старой доброй гидропонной ферме. Или в том, что я снова спал в обычной человеческой кровати. Или в живом общении. Умывшись и натянув вчерашний комплект одежды, я сделал зарядку, чтобы окончательно разбудить тело, и двинулся в сторону столовой. Может быть, там найдётся, что перекусить?

Полки, стеллажи и кастрюли были пустыми и пыльными, как и всё вокруг. Автоматическая система раздачи пищи не функционировала. Я пожал плечами и отправился восвояси. Интересно, взерошенное босоногое существо ещё спит? Разбудить её что ли? Привить ей немного дисциплины?

Но подойдя к своей комнате и открыв дверь, я потонул в воплях, а маленькие ладошки мёртвой хваткой вцепились в ворот моей толстовки.

– Уа-а-а! Маркус Вольфганг Фробишер, болван! – голосила Катлея со слезами на огромных глазах. – Я проснулась, пришла тебя будить, а комната пуста! И постель убрана, да ещё так аккуратно, будто машина постаралась! Я думала, ты мне приснился! Потом нашла твою форму и думала, что ты от меня сбежал! Куда тебя, больного, в такую рань понесло?

– Завтракать! – крикнул я, останавливая бесконечный поток слов. – Куда я от тебя денусь? Мы же тут заперты.

Девушка шмыгнула носом, вытерла слезинки и облегчённо улыбнулась.

– Пойдём, я тебя накормлю. В столовой – шаром покати, она давно не работает. . .

– Да знаю, – буркнул я. – Только что там всё осмотрел.

– Э-э, только сначала умоюсь! – она выпустила меня и умчалась в свою комнату. Вынырнула оттуда через секунду и понеслась к умывальникам. – Подожди меня у себя, я быстро!

То есть, она проснулась, накинула что придётся и сразу пошла меня будить? Может, действительно свихнулась за семь циклов?

Позавтракали мы фруктовым салатом. Катлея беззастенчиво пялилась на меня с довольной ухмылкой. Сперва это смущало, потом начало раздражать, но виду я не подавал. Всё-таки, это её комната, её фрукты, она была гостеприимна и добра. И вообще, её можно понять – день за днём, декада за декадой совсем одна в этой железной коробке! Наверное, я на её месте выглядел бы не лучше дикаря с поверхности старушки Земли.

Вымыв посуду в умывальниках, мы отправились в медицинский отсек. Сперва я был против, но потом расценил это как хорошую возможность осмотреться. Мы миновали коридор жилого отсека, спустились на лифте на его первый уровень, прошли мимо вахты, повернув турникет, и перед нами оказалась дверь в больницу.

– Добро пожаловать, пациент Фробишер, медсестра Катлея к вашим услугам! – девушка нарядилась в валявшийся на столе у регистратуры пыльный белый халат и поклонилась, грациозно выгнув спину как гимнастка. – Идём к медкапсуле.

Она схватила меня за запястье и потащила прочь от регистратуры. Я хотел протестовать, но опоздал на несколько мгновений. Моя новая знакомая, вообще-то, была права. Пусть вела себя немного по-детски, кривлялась и шумела, но в промежутках была рассудительна. И явно заботилась обо мне. Даже неловко было упираться.

Катлея вела меня одной ей известной дорогой между палат, процедурных и отделов для персонала. Атмосфера медицинского отсека, в общем, не отличалась от виденного мной ранее. Много пыли. Аккуратно прибранные столы и кушетки. Потухшие информационные панели на стенах. А сквозь пелену времени проглядывали то тут, то там следы жившего здесь когда-то человека. Брошенная на пол скомканная бумажка. Уголок яркой информационной листовки, торчащий из-под сиденья. Забытая кем-то баночка с таблетками на столе. Тягостное и зябкое чувство давным-давно оставленного жилья.

Девушка открыла пропуском дверь в комнату номер сто двадцать семь и пригласила меня войти.

– Ложитесь в капсулу. Доктор Катлея вас осмотрит, – грудным голосом проговорила она, облокотившись о стену, выпятив грудь и вздёрнув подбородок.

А я, между тем, поймал ощущение дежавю. Кажется, мне что-то такое снилось.

– Ты же минуту назад была медсестрой.

– Ну, это – как его? – повышение квалификации. Ложись, говорю.

Я усмехнулся про себя и залез в раскрывшуюся капсулу, устроился на мягкой надувной подстилке. Та сразу же приняла форму спины. Катлея за стеклом вызвала голограмму управления, закрыла прозрачную створку и запустила процесс сканирования.

– Закрой глаза, иначе ослепит.

Знаю я. Не вчера родился.

С минуту лежал без движения, пока аппарат гудел сервомоторами.

– Так. Признаки сотрясения зафиксированы, но негативных последствий для здоровья не выявлено. Кости целы. Постельный режим не обязателен. Даже ушиб на лбу почти прошёл. Можешь вздохнуть спокойно.

– Слава инженерам! – я рассмеялся, выбираясь из капсулы.

Девушка, между тем, шарила по стеллажам.

– Во! Нашла, – она швырнула мне баночку с красной крышкой. – Витамины группы B. Показаны при ухудшении мозгового кровообращения,

хронической усталости и всё́м таком. Принимай по капсуле в день в течении двух недель.

– «Недель»? Ты что из планетарной эры? И откуда ты вообще такие вещи знаешь?

– Умные книжки читала, – отмахнулась Катля. – Итак, раз ты у нас здоров, мы можем посвятить этот день экскурсии по моим владениям, играм и, конечно же, аниме! Будем смотреть, пока не уснем!

– Эй, а как же...

Но она уже тащила меня прочь по безлюдным коридорам. Мимо тех же оставленных кушеток и столов, забытых на них рецептов и потускневших памяток. Только теперь, глядя на запылившийся пол, я замечал тут и там отпечатки босых ступней. Совсем свежие, будто оставленные пять минут назад, и уже едва различимые. Этот отсек был её личной карточкой больного, написанной на полу следами лёгких девичьих ног.

Обнаружил у себя в мыслях эту фразу и сам удивился насколько слащаво и одновременно грустно, тоскливо она прозвучала.

Перед регистратурой Катля резко затормозила.

– Я на минутку.

И юркнула в неприметную дверь рядом со стойкой. Потом вылетела оттуда уже без халата и, ухмыльнувшись, протянула мне пропуск. Такой же, как свисающий на шнурке с её запястья.

– Добро пожаловать, сосед. Рада, что ты со мной!

Я принял карточку из её тонких пальцев и улыбнулся, глядя в лучащиеся веселостью глаза.

На сердце было тяжело.

* * *

Следующие три с половиной часа состояли из беспрерывной беготни по отсекам и осмотра их особо интересных мест с точки зрения моей бестолковой и шепутной проводницы. Сдержанно отвечая на словесный поток Катлеи, я отмечал для себя важные вещи, чтобы позже занести в заметки и использовать для побега из приюта.

Во-первых, в комплексе существует пять уровней допуска: ученический, обслуживающий, медицинский, инженерный и директорский. Самый ограниченный из них, соответственно первый. Как только я попал в комплекс на лифте, система автоматически присвоила мне статус ученика и сделала пропуск, который нашёлся в отделе регистрации. Обслуживающий персонал, прибиравший помещения, не поддававшийся машинной уборке, имеет чуть больше прав на доступ, который регулируется администрацией отсеков. Медики имеют расширенный допуск в жилые помещения. Инженеры – в служебные тоннели и машинные отделения. Директор вхож везде. Вот бы раздобыть его карточку!

Во-вторых, я выяснил из-за чего гермовторки между вестибюлем и общежитием перестали работать. Катля рассказала, как однажды ночью проснулась от самого страшного звука на космическом корабле – громкого

стука и шипения. Пройдясь по отсекам, девушка обнаружила запертую дверь в бассейн. Сквозь заиндевевшее стекло было видно замерзшую воду и оплавленную пробоину в полу. Должно быть, космическая пылинка прошла огромный зал навывлет и повредила стыковочный рукав, создав между парком и общежитием область вакуума.

По техническим стандартам жилые отсеки отделяются от всех прочих безвоздушными коффердамами для звукоизоляции и предотвращения распространения пожаров. Космический мусор, прошедший под малым углом к таким полостям, отскакивал от бронированных стен и рвал стыковочные рукава в клочья. Стоило пересечься орбитами с каким-нибудь болтом из эры ракетостроения – и целые кондоминиумы вынуждены были ждать, пока инженеры герметизируют все пробоины. С десятков циклов назад коффердамы стали заполнять азрогелем. Это усилило прочность переборок новых кластеров, но старые всё ещё довольно уязвимы. Я козырнул этим знанием перед босоногой всезнайкой, и она слушала меня с распахнутыми глазами, а в конце уважительно покивала.

В-третьих, отдел инженерного персонала строго охранялся. Пробраться туда с медицинским уровнем допуска Катлее так и не удалось. Что уж говорить об учениках – их наверняка даже близко не подпускали. Раз всё так строго, наверное, там что-то важное. Может быть, стоит попробовать-таки туда попасть?

В-четвёртых, в учебном отсеке обнаружился выход в сеть. Я обрадовался, но Катлея со скучающим видом пояснила: местный брандмауэр строго воспрещает попытки доступа к социальным ресурсам и любые контакты с другими пользователями. Зато теперь ясно, откуда у неё столько аниме.

И наконец, оказалось, что некоторые занятия в приюте проходили на специальном полигоне снаружи станции. А это значит, что у них есть скафандры для выхода в открытый космос! Вот это уже напоминает план побега. Заметив блеск в моих глазах, девушка пообещала выгулять меня, если буду хорошо себя вести. Я для неё что, питомец?

Помимо этого, мне досталось очень много записей работников комплекса. В основном, отчётов о рутинных проверках и о небольших происшествиях; учебных планов; описей оборудования и инвентаря и тому подобное. Попытавшись разобраться во всем этом на досуге и найти что-то полезное, я увяз в скучном формальном слогое и совершенно бесполезных списках, после чего окончательно решил отложить изучение документов на потом.

Вернувшись в жилой отсек, мы задумались об обеде. Я решил отплатить Катлее за гостеприимство. В ее холодильнике нашлось много картофеля с желтой кожурой, морковь, перец, томаты и множество пучков душистых трав. Я сгрёб это всё в охапку, строго-настрого запретил ей приближаться к столовой и был таков.

В шкафах поваров нашлось много концентрированных приправ. Перенюхав и перепробовав их все, я собрал букет из более-менее знакомых, и принялся за готовку. Спустя десять минут овощи были вымыты, почищены,

сковорода разогрета. Загрузив все ингредиенты в неё, я убавил огонь, залил немного воды, насыпал специй и накрыл будущее рагу крышкой.

Ничего сложного. Мама работала на гидропонной ферме и часто приносила домой свежие овощи. Я знал этот рецепт наизусть с самого детства. Что могло пойти не так?

Всё.

Разгуливая по столовой и погрузившись в записи и мысли о побеге, я напрочь забыл о готовке. Рагу подгорело. Из-за дыма включилась сигнализация. Меня с ног до головы окатило водой. На звук прибежала взволнованная Катля.

Как же она смеялась! Долго. Громко. И очень заразительно. В конце концов, мы оба бегали под струями воды как под звёздным дождём, роняя стулья, и безумно вопя. Разве такое поведение достойно кадета лётного училища? Что сказал бы Генма?

Но после этого коллективного сумасшествия я ощутил лёгкость. Будто груз проблем и ответственности подающего надежды отличника лётной подготовки вдруг рухнул с моих плеч. Будто я снова стал счастливым маленьким сыном добрых и работающих родителей, живущих в кондоминиуме средней руки и довольных своим положением. Будто всё снова было хорошо.

Оказалось, рагу ещё можно было спасти. Презрев опасность, Катля попробовала его, и её глаза округлились от восторга. Мы переделались, поделили уцелевшую часть блюда напополам и устроились в её комнате. Порции получились не очень большие, но что уж тут поделаться?

– Катля.

– Чего?

– Зачем у тебя в комнате два стула?

– Ну, иногда мне хочется сидеть у левой половины стола, а иногда у правой. И чтобы постоянно не переставлять стул, я притащила ещё один.

Ожидал чего-то подобного, но не выдержал и прыснул.

– А если серьёзно, мне просто было одиноко, – девушка взглянула на меня с грустной улыбкой. – Я смотрела на этот несчастный стул и видела в нём себя. Потому и решила, что нужен второй. Так, сидя за столом, я могла представлять, что друг просто ненадолго вышел и скоро снова его займёт. И вот ты здесь!

Я почувствовал, что краснею. И что на неё нашло?

– Для друзей – Галли, – девушка тронула меня за плечо. – Забыл?

– А чем плохо твоё имя? Зачем придумывать прозвище?

– Оно девчачье, – Катля недовольно насупилась. – Был раньше один род орхидей, в названии которого всего на одну букву «т» больше, чем в моём имени. Знаешь, что орхидея обозначает на языке цветов?

Откуда мне знать? Пилотов такому не учат.

– Любовь, нежность и утонченность!

– Да, если судить по последним дням, это точно не про тебя, – хмыкнул я.

– Вот именно!

Странно. Думал, она разозлится.

– Но знаешь, твоё имя очень мелодичное. Мне нравится, как оно звучит. Так могли бы звать какую-нибудь принцессу-воительницу из фэнтезийного романа или аниме.

– Серьёзно? – изумилась девушка, снова широко распахнув глаза.

– Да. И ещё эта принцесса наверняка была бы из эльфов.

– Уговорил! Зови Катлеей.

До чего же эта девушка иногда напоминает маленькую девочку! Как бы она ни называлась, на принцессу точно тянуть не будет. Что за принцесса станет по космическому кораблю босиком разгуливать?

Мы вымыли посуду, я отнёс сковороду на кухню. А когда вернулся, она встретила меня в дверях своей комнаты, поднялась на носки босых ног и обхватила за шею.

– Спасибо тебе большое! Никто никогда не готовил еду только для меня.

Я снова почувствовал, что краснею.

После обеда мы устроили сончас. Спать, конечно же, никто из нас не лёг: я снова занялся своими записями и строил планы побега. Увлёкшись попытками выяснить в какой стороне находится ось станции, я не сразу услышал звуки фортепиано из-за стены. Конечно, пианино в её комнате наводило на мысль, что Катлея умеет играть, но я благополучно забыл о нём и не вспоминал, пока не услышал. Кроме того, даже если у человека есть инструмент, никто не заставляет его практиковаться каждый день.

Девушка играла очень хорошо. Я отвлёкся от размышлений слишком поздно, чтобы как следует её послушать; никто не назвал бы меня любителем музыки, но даже моих скудных познаний хватило, чтобы восхититься её игрой. Надо же... Смотрит аниме в оригинале, подкована в музыке, знает кое-что о медицине. Сколько же у неё увлечений?

Спустя минуту после того, как я прислушался, резко наступила тишина. Потом послышался шорох, глухие удары, невнятные восклицания, и наконец, всё стихло. Чем она там занимается?

В дверь постучали.

– Открывай! Комендант пришёл!

Я вздохнул.

Девушка была взъерошена ещё больше обычного. В одной руке у неё был матрас, а в другой – огромная подушка и одеяло.

– Можно я у тебя сегодня с ночёвкой останусь? – поинтересовалась она с лучезарной улыбкой.

– А комендант не против? Я ведь парень.

– Я уже с ним договорилась, не волнуйся.

– Аниме? – усмехнулся я.

– Ага!

– Ну, заходи. Давай помогу.

Вместе мы втащили матрас на середину комнаты, подоткнули простыню и постелили сверху одеяло. С довольным видом увенчав всё это подушкой,

любительница древней поп-культуры открыла голограмму своего скайлинка и принялась подключаться к пользовательскому узлу моей комнаты.

Глядя на одноместный матрас, единственные одеяло и подушку, я остолбенел. Что если она скажет своё «во-первых, ложись рядышком»? Кто знает, какие странные мысли у этого ребёнка с телом молодой женщины на уме, а уж я точно всю ночь спать не смогу!

Увидев, как я в спешном порядке спускаю матрас на пол и кладу неподалеку от первого, Катлея довольно ухмыльнулась.

– Мысли мои читаешь, сосед. Аниме нужно смотреть, лёжа на мягком!

И вот мы стянули толстовки, оставшись в футболках и шортах (я неловко отвернулся от бесстыдницы, ожидая худшего), согрели чай, залезли под одеяла и устроили марафон «Мастеров меча онлайн». Начиная с четвёртой серии, на которой я остановился. Развернули голограмму прямо поперёк комнаты, а звук вывели на динамики оповещения.

Девушка утверждала, что смотрит это аниме уже в пятый раз, но всё равно следила за каждым действием персонажей, не отрываясь и с очень одухотворённым лицом. Шмыгала носом во время душеспитательных моментов смерти героев второго плана; негодовала из-за бесчестных поступков злодеев; умоляла шёпотом одуматься, когда протагонист на сюжетной развилке должен был свернуть не туда. В конце концов, я заразился её настроением, не отрываясь наблюдая за событиями, вынуждающими простых школьников, работяг или геймеров сражаться за жизнь в выдуманном и очень опасном мире. Сюжет местами казался избитым, местами глупым, герои – излишне пафосными, но для меня это было частью шарма таких вот простых и незамысловатых романтических историй.

Несколько раз мы подогревали чайник. Ходили за вкусностями в соседнюю комнату или отлучались в уборную. А под конец вечера, уже много позже отбоя, я взглянул на Катлею и обнаружил её сладко спящей. Свернулась калачиком, сунув под подушку обе руки. Лицом ко мне. Такая тихая и умиротворённая, словно ангелочек. Не то что днём!

Я выключил свет, убрал с матраса её любимую кружку, смахнул фантики от конфет и крошки печенья. Осторожно укрыл её одеялом. Под конец серии, которую я досматривал на минимальной громкости, она уже всю сопела, вытянув ноги. И тихонько чему-то улыбалась.

* * *

Утром её уже не было. Ни её, ни постели, ни мусора на полу. И как ей удалось незаметно вытащить свой тяжеленный матрас из моей комнаты?

Я быстро оделся, привёл в опрятный вид свою кровать, сходил до умывальников и принялся делать зарядку. Не успел дойти даже до поясницы, как в дверь постучали. И чего ей опять надобно? Игровые автоматы? Догонялки? Гляделки? Аниме?

За дверью стояла незнакомая девушка. В чёрном спортивном топе под горло и чёрных же шортах до колен с ярко-красными полосками по бокам, обтягивающих округлые бёдра. Волосы цвета глубокого космоса были

зачесаны назад, поверх них на лоб незнакомка повязала красную бандану. На шее у неё висело белоснежное полотенце. Жилистая. Подтянутая. Талия, конечно, не осиная, но изящная. Глядя на это всё, я просто остолбенел.

– Утречка, – улыбнулась она и протянула мне свёрток одежды. – Физподготовка через пятнадцать минут.

Но я продолжал молча смотреть в ответ. Босые ступни. Дружелюбная улыбка. Маленький носик. Огромные глаза. Мышцы как тугие канаты! Как такое может быть? Разве Катлея не затворница с дисциплиной кошки и разумом маленькой девочки?

Дружелюбная улыбка медленно сползла с её лица. В глазах появились настороженность и забота. Веки дрогнули. Потом она глянула вниз, на свой наряд. Снова на меня. Щеки порозовели.

– Не пялься!

Свёрток полетел мне в лицо.

Через десять минут я переоделся, как штык стоял возле её двери и стучал кулаком по гулкому металлу.

– Выходи, иначе в спортзал не успеем добежать!

– Ты опять глазеть будешь! – донеслось из-за двери. – У тебя взгляд был как у... Как... у хищника.

– Да я просто не ожидал от тебя такого! Ходила передо мной в бесформенных балахонах, дурачилась, а тут на тебе: «Физподготовка через пятнадцать минут!»

Дверь открылась, и Катлея уставилась своими широко распахнутыми глазами прямо в мои.

– Ну и как тебе, а? – требовательно спросила она, подступая ближе. – Ну, то, на что ты там пялился. Как тебе?

Я отпрянул, изумлённо подняв брови.

– Ты в хорошей форме.

Несколько мгновений это невозможное существо пыталось сдерживаться, а потом прыснуло и громко рассмеялось.

– Я тебе, значит, тут решила фансервис устроить, а ты!.. – онаostroила постную мину и передразнила: – «В хорошей форме».

– А разве большая часть откровенных сцен не должна содержаться серии в шестой? Ну, пляж, купальники, игра с мячом, прогулки по безлюдным местам...

– Уж прости, выходные у меня закончились. Теперь у тебя семь дней подряд по утрам будет фансервис, – девушка заперла дверь и дёрнула меня за запястье. – Идём уже, иначе завтракать будем в обед.

В спортзале было куда меньше пыли, чем во всём остальном комплексе. Видно было, что его регулярно посещают. Катлея привела меня к раздевалкам, достав по пути из обувного шкафчика новенькие кроссовки, потом помогла выбрать обувь и мне.

Начали мы с разминки и растяжки, поработали над каждой связкой. Девушка пояснила, что после длительного перерыва лучше всего разминаться

аккуратно, но подробно. Затем была пробежка на стадионе. Не слишком быстрая и не очень долгая. В кадетском корпусе спортивная программа была весьма обширная, так что выносливость у меня до сих пор на высоте. После пробежки, мы переместились в соседний зал. Я принялся работать на тренажёрах и снарядах. Сперва Катля суежилась вокруг меня, показывала, как правильно обращаться с каждым из них. Вскоре до неё дошло, что я не новичок, и она ушла заниматься гимнастикой в другой конец спортзала. Насколько я мог видеть, растяжка у неё очень хорошая. Она гибко, ловко и грациозно выполняла все стойки и упражнения. Невольно залобуешься.

Тренеры и врачи следили за состоянием каждого кадета, составляя для нас персональные программы тренировок, чтобы мы были крепкими, широкоплечими, осанистыми, но не слишком тяжёлыми. За диетой, разумеется, тоже строго следили, но здесь это было невозможно: на одних фруктах, овощах, бобовых и тофу далеко не уедешь. Потому я повторял упражнения комплекса, который давно знал наизусть, просто чтобы не потерять форму. Катля в перерывах между упражнениями наблюдала за моими движениями и уважительно кивала.

Закончив, мы немного отдохнули и вернулись на стадион. Моя спутница глянула на часы и объявила пятнадцатиминутный кросс. Я взял привычный, довольно быстрый темп, но она не отстала. Казалось, даже сдерживается. Впрочем, если вспомнить её беготную по отсекам, удивляться нечему. Вот откуда в маленьком тельце девушки столько энергии.

– Ты меня удивила, – улынулся я.

– А что, ты думал, я просто затворница, которая сидит взаперти, гоняет чай и смотрит аниме сезон за сезоном? – Катля коротко рассмеялась. – Только три дня из десяти, а не всегда.

– Зачем же тебе этим заниматься?

– Затем, – девушка снова развела руки в стороны и лучезарно улыбнулась.

– Странная ты, – изумился я. – Мне нужно быть здоровым и крепким, чтобы выдержать перегрузки. Если бы тут были центрифуги, я бы ещё и в них повертелся. Стану пилотом, чтобы приносить пользу обществу. А ты живёшь здесь совсем одна. Общество о тебе не подозревает. Ты свободна! Так зачем поддерживать своё тело в такой форме, если это не нужно?

– Я странная, а ты – несчастный, – грустно улыбнувшись, ответила на это Катля. – Если решил стать легчиком только чтобы приносить пользу, значит, не ты этого хотел, а другие. Будешь трудиться до седьмого пота, не получая удовлетворения, и в конце концов просто угаснешь, как спичка, а на твоё место придёт другой ты. Я понимаю: обществу нужны лётчики. Нужны лаборанты, агрономы, прачки, механики и учителя. Особенно здесь, в космосе, где каждые руки на счету. Но это не повод приносить жизнь в жертву своей профессии. Нужно оставить немного времени и для себя. Для близких. И главное: постараться приносить пользу, получая удовлетворение.

Её слова заставляли задуматься. Я ведь решил стать пилотом не просто так. Меня вдохновляли фильмы про отважных покорителей глубокого

космоса. Про защитников станции и яростные сражения с пиратами за пояс Кларка. А ещё меня вдохновляла реальная история Генмы – самого молодого в истории командира боевой эскадрильи. Ему было всего восемнадцать лет, когда он возглавил прожжённых «Железных волков» и в серии битв вытеснил с геостационарной орбиты злейший пиратский клан.

Но поводом, тем самым щелчком пальцев, разделившим жизнь на мечты о знаке отличия и стремление к званию пилота, стала смерть отца. Его задело космической пылинкой, когда он вместе со своей бригадой латал пробоину в реакторном отсеке. Остались только сапоги да рукавицы. Он был инженером-ремонтником. Важнее этого человека в космосе только старший по реактору. И когда отец умер, я решил пойти в кадетский корпус, чтобы матери дали льготы. Чтобы в старости у неё были деньги на сухой паек. Так что же в этом решении от меня, а что – от общества?

– Ты чего такой грустный? – с заботой в голосе спросила Катля.

Я улыбнулся, отгоняя тяжёлые мысли.

– Не обращай внимания. На чём мы остановились? Точно. Ты живёшь здесь совсем одна. Питаешься фруктами, которых вырастает великое множество, овощами, которых так же в достатке, и иногда тофу. Занимаешься спортом. Читаешь умные книжки. Играешь в игры и смотришь аниме. Так скажи, что в этом списке лишнего?

– Все, кроме аниме! – рассмеялась девушка.

– Именно. Ты могла бы есть всё, что нравится. Не спать после отбоя, а днём валяться в постели. Часами танцевать со старомодным мачо. Но вместо этого ты отрасли кубики пресса на заднице!..

– Чего? – девушка залилась ещё громче.

– ...Играешь на пианино...

– Слышал, значит?

– И смотришь свои аниме в оригинале на полумертвом языке! Сколько её языков знаешь? Признавайся!

– Ну-у... – отшельница-полиглот начала загибать пальцы. – Всеобщий. Английский. Японский. Русский. Немного французского. Пара слов по-немецки. И ещё кэлькойнвортойн эн эсперанто.

– Кошмар! – воскликнул я. – Ужас! Тебе шестнадцать, ты живёшь одна в целом учебном комплексе и при этом можешь подрабатывать синхронным переводчиком в клубе любителей фильмов планетарной эпохи! Зачем? Зачем ты всё это в себя затолкала?

Катля притормозила. Я удивлённо обернулся, переводя дыхание.

– Зачем, спрашиваешь? – она потупилась, как провинившаяся непоседа, укрывая конфету. Грустно улыбнулась и уселась прямо на грубое и жёсткое покрытие стадиона, скрестив тонкие лодыжки. – Затем. Я здесь живу семь лет. В огромной одиночной камере. Сколько по уставу станции заключенные могут содержаться в строгой изоляции?

– Два декады.

– Верно, – её голос сделался тихим и ломким. – Конечно, карцер у меня побольше, чем в тюрьме; есть, чем заняться, есть даже связь с внешним миром, пусть и односторонняя... Но даже две декады полного одиночества – пытка. А мне было девять лет.

Голос дрожал, но Катля продолжала улыбаться, изучая свои маленькие ладошки.

– Я читала книги. Училась. Занималась спортом. Играла в автоматы и на пианино. Смотрела кино и аниме. Затем, Марк. Чтобы не тронуться головой. Чтобы не вспомнить ненароком, что я просто маленькая девочка. Маленькая и одинокая. *Одинокая. Лоунли. Сабиддэдс. Дезэрте. Айнзам. Солэса.*

Из её глаза выкатилась крупная слезинка, пробежала по щеке и свесилась с подбородка.

Вот уж не думал, что это шумное босоногое существо, вечно полное веселья и сладостей, может вот так плакать сквозь улыбку и дрожать всем телом, сидя на жёстком шершавом полу. Что же делать? Что мне ей сказать? Я ведь просто кадет, все силы без остатка вкладывавший в учебу и тренировки.

Сам не зная, что делаю, уселся напротив, коснувшись своими коленями её коленок. Положил руки на вздрагивающие плечи. Глянул в огромные глаза, прикованные к пустоте.

– Да, ты маленькая. Роста в тебе – метр со шлемом... – я вздохнул, вспоминая все душещипательные моменты просмотренных фильмов. – Но ты вовсе не девочка. У тебя взрослое, сильное сердце.

– Ты что, цитируешь Станислава из «Звёздных странников»? – не поднимая глаз, всхлипнула Катля.

– Ну, да, наверное, – я замаялся. – Не подумай, знать пять с лишним языков в шестнадцать лет вовсе не плохо. Это попросту невообразимо. Ты единственная в своем роде.

– А это из «До Каллисто и назад», – девушка шмыгнула носом и улыбнулась чуть шире.

– Помолчи, я тут с мыслями собираюсь.

– Прости.

Я прочистил горло.

– Да и вообще, раз уж у нас тут фансервис, можно, наверное, поиграть в спортивные игры. Теннис. Футбол. Волейбол. Баскетбол. Фрисби. Догонялки, наконец! Теперь у тебя есть я, и ты можешь попробовать что-нибудь новое.

Глаза Катлеи распахнулись шире. Она ответила на мой взгляд, подняв брови.

– А ведь ты прав. Решено! Вызываю тебя на дуэль! Выбери мяч.

* * *

Я выбрал баскетбол. И вовсе не из-за своего преимущества в росте. Просто это была одна из моих любимых спортивных игр. Разумеется, девушка отлично бросала мяч в корзину, но раньше всегда играла без

соперника, так что я победил два раза подряд с разгромным счётом. Под конец Катлея начала оказывать мне ощутимое сопротивление и как следует испортила несколько хороших бросков. Скоро она составит мне конкуренцию у кольца – и вот тогда я взвою!

После мы вымылись, переоделись в чистое и пошли готовить завтрак. На часах было девять от начала дня. Мы поджарили на сковороде кусочки сыра тофу, перемешав с приправами и тушёными томатами. Блюдо вышло весьма странным, но очень вкусным и сытным.

Я решил пока не спрашивать о побеге. После того разговора на стадионе, Катлея прямо лучилась весельем, портить ей настроение снова не хотелось. Не знаю, как она оказалась здесь, почему до сих пор не вернулась на станцию – не смогла, или не захотела – но эта тема для неё очень болезненна. Я глядел в её огромные смеющиеся глаза и задавался вопросом: какой она была до того, как мы встретились? Так же вприпрыжку носилась по коридорам? Так же напевала себе под нос что-то неразборчивое? Или, быть может, она была лишь тенью себя нынешней, с фарфоровой маской вместо лица и потухшими глазами? Об этом известно только ей самой.

После завтрака девушка объявила учебное время, вывалив на пол в своей комнате гору старых книг. Уселась на коврик перед кроватью и принялась их перебирать, раскладывая в стопки. «Война и мир» в оригинале. Учебник математического анализа на русском. «Старик и море». Краткая история планетарной эпохи местного издания. «Властелин колец». Справочник лекарственных растений. Что-то на японском. Шекспир. Сборник этюдов Шопена. У меня волосы дыбом встали от этого набора!

Затем она развернула голограмму с планом на декаду. Волосы встали дыбом снова. Как она всё это успевает? Каждый день не меньше двух часов посвящено математике, физике или астрономии, не меньше трёх – музыке, и не меньше четырёх – чтению и практике языков. Когда эта пытка кончается, дым должен идти из ушей, но потом наступает время «внеклассного» чтения и длится до самого ужина. Правда, немного подумав, Катлея убрала эту строчку из расписания, и размашисто написала на её месте: «Общение!»

– Мы должны проводить время вместе хоть иногда, чтобы не заскучать до следующих выходных, – пояснила она. – Ну, и ещё нужно добить «Мастеров меча онлайн»!

Я решил не сидеть без дела, потому спросил, нет ли в стенах этого комплекса какого-нибудь руководства по взлому электронных замков. Невинное дитя глянуло на меня ангельскими глазами и отправило на мой скайлинк целых шесть книг, описывающих их устройство и прошивку. Говорила, что сама пыталась в них разобраться, но потом нашла в больнице универсальный ключ, и всё благополучно забросила.

И я начал штурм, подхватив знамя из её рук. Кое-какие знания о программировании электронных компонентов у меня уже были – взял предмет факультативом в прошлом цикле. Вот только книги Катлеи были

написаны весьма путанным и сложным языком, и каждая начиналась фразой: «Как вы уже, вероятно, знаете...». А дальше находилось нечто совершенно заумное. Чтобы восполнить пробелы в знаниях, я провёл в электронной библиотеке комплекса едва ли меньше времени, чем моя соседка за пианино, а остальное посвятил написанию программного кода и практике взлома.

Если не справлюсь с этим, то что говорить о побеге?

* * *

Час шёл за часом. День за днём. Каждое утро она приветствовала меня фразой: «Фансервис через пятнадцать минут!» И лучезарной улыбкой. Мы шли в спортзал, выматывались до седьмого пота, а потом вместе готовили завтрак. На третий день девушке удалось обыграть меня в баскетбол, и после этого она начала регулярно одерживать верх. В качестве награды за первую победу я погладил её по растрепанным волосам («Хи-и-и!..»).

Проведя несколько безмолвных часов каждый за своим занятием, мы обедали. Готовили по очереди, стараясь удивить друг друга. Я снова ухитрился «немного передержать» тушёные овощи, после чего за мной закрепилась кличка «Угнетатель Еды». Катлея утверждала, что слово «еды» – это такая редкая фамилия.

Я по-прежнему проводил очень много времени за изучением технических документаций. Пошарив в подсобке общежития, даже нашёл несколько сломанных модулей от замков, изучил их вдоль и поперёк. Иногда желая развеяться после усердной умственной работы, девушка приходила ко мне в комнату, в столовую или подсобку и наблюдала за моими упражнениями. Удивлялась сосредоточенности и предлагала заняться чем-нибудь другим, ведь, по её словам, если часто менять род деятельности, то не успеешь устать. Но я был целеустремлён и непоколебим. Всегда работал пока не получал какой-нибудь заметный результат. Усталость наваливалась только в конце занятий, когда мы оба могли расслабиться и поболтать.

После каждого ужина Катлея оказывалась у моей двери с матрасом и подушкой, мы грели чай и разворачивали огромный экран нашего маленького кинотеатра. В конце концов, она вовсе заявила, что будет теперь спать в моей комнате и отказалась двигать матрас с места. Я пожал плечами: если не смущается меня, пусть себе спит.

Ближе к концу семидневного учебного периода при помощи скайпинка я успешно взломал замок бесхозной комнаты. Программа, рождённая мной в муках изучения всех доступных материалов по теме, сработала быстро. Я чувствовал себя великим и неуловимым хакером, которому нипочём любые фаерволы. Быстренько собрал простую графическую оболочку для приложения и настроил запуск управляющим жестом. А потом на глазах Катлеи разгуливал по общежитию и вскрывал все двери на своём пути небрежным движением руки, достойным самого Оби-Вана Кеноби.

– Кру-у-уто-о... – в конце концов протянула она. – А мне так можно? Сделай мне! Сделай!

Ну как тут было отказать? Довольная соседка тоже вскрыла пару замков, потом с новыми силами вернулась к своим книгам. А я пошёл один разгуливать по комплексу, чтобы как следует наградить себя за труды. А заодно и поискать выход.

Первым делом я направился в жилой отсек учителей и персонала. Разумеется, в мои планы входило найти и обчистить комнату директора, но всё было не так просто. Оказалось, что программа не может справиться с замками ни на двери его жилища, ни на двери кабинета в школе. Похоже на ещё одну странную меру предосторожности вроде усиленной охраны инженерного отсека. Его, кстати, вскрыть тоже не удалось. Здесь нужно было что-то похитрее.

Обшарив в качестве компенсации парочку запылившихся и неубранных комнат учителей и инженеров, я стал обладателем нескольких маленьких фарфоровых статуэток манеки-неко, блестящей заколки для волос и широкого металлического браслета с простым, но красивым геометрическим орнаментом. Кое-кто будет очень рад этим вещам. Даже если они – просто краденые безделушки давно ушедших незнакомых людей.

А ещё мне открылась дверь в зону практических занятий. С медицинским допуском через главный вход было не пройти, но очень хотелось побольше разузнать про открытый полигон. И вот теперь у меня появился шанс.

* * *

Этот отсек, казалось, был покинут куда раньше всех остальных. Воздух застаивался, слипаясь в комнатах вязкими клейкими комьями, проникал в лёгкие, но не приносил свежести. Голова очень скоро набрякла. Но эти трудности были мне вовсе не заметны.

Я искал шлюз. Выход на внешнюю палубу комплекса. Карта у стола администратора подсказывала, что лифт, ведущий к нему, в самом дальнем конце отсека.

Проходил мимо дверей классов, мимо гравированных металлических табличек, поросших пылью и известковым осадком от увлажнителей воздуха будто инеем. Взметал позади себя позёмку из невесомых ворсистых катышков, она опадала и отмечала мой путь в полутьме коридора.

«Электроника»... «Стендовый моделизм»... «Литература»... «Театральная постановка»... Поворот... «Фотография и видеосъемка»... «Домоводство»...

Я замер. Холодно.

Дверь в этот класс была покрыта хлопьями снега.

Мне не хотелось подходить к ней, но ноги сами понесли. Не желал заглядывать, но рука сама потянулась и стёрла иней со стекла иллюминатора. Я знал, что там увижу.

Некоторые лампы уцелели. В их тусклом свете можно было различить непоколебимые ряды кухонных столов. На ближайших сохранились заготовки какой-то стряпни в стеклянных мисках, недорезанные овощи на досках. Одна из печей была приоткрыта. Когда по ушам хлестнул вакуумный удар, дети как ни в чём не бывало готовили какое-то блюдо.

А потом их настигла тишина. Смертный холод. Они остались там, все до единого. Лежали на полу, покрытые мельчайшими кристалликами льда. Нетронутые. Будто спящие. Прямо рядом с гермовторкой лежало окоченевшее тело маленькой девочки.

Из пробоины в потолке рвался в полумрак тонкий и яркий огненный луч, чертя концом по стене.

Жители станции не верили в земного бога. Они полагались только на свою собственную несгибаемую волю. Отпугнули мёртвую тишину и смертный холод, отгородились бронированными стенами отсеков. Потому что по-другому было нельзя. Тщась утолить свою неугасимую жажду, мы убили нашу древнюю всепрощающую защитницу, и глеч от её разлагающегося тела начал медленно пожирать нас. Роняя в ржавую едкую пыль кровавые слёзы, мы проложили дорогу к звёздам.

Космос вечен. Против него прочнейшая броня станции не толще фольги. А человеческая жизнь перед холодной безразличной бесконечностью – как мимолётная тусклая искра.

– Не уходи безропотно во тьму. Будь яростней пред ночью всех ночей... – выдохнул я, и слова инеем осели на стекле.

Мы не отправляем молитвы за упокой, как наши далёкие предки. Но в уплату дани традициям мы хороним павших в сражении с космосом с почестями. И читаем над их телами стихи, написанные давным-давно Диланом Томасом, английским поэтом планетарной эпохи. Как мрачное и пронзительное напутствие от ушедших оставшимся.

* * *

– Ну как, нашел что-нибудь? – улыбнулась Катля, высовывая нос из-за Шекспира.

– Ничего особенного. Пробился в отсек практических занятий. Бывала там?

– Несколько раз, – её плечи дрогнули как от озноба. – Есть обходной путь по служебному тоннелю через жилой отсек персонала. Видно, детей туда пускать перестали, но взрослые ходили за какими-то учебными материалами. Жутко там. Зябко.

Девушка сгорбилась и подтянула колени к груди.

– Видел их?

– Ага.

– Бедные, бедные дети... Я, когда в первый раз туда заглянула, несколько дней не могла спать. Думала, вот сейчас в стену ударит пылинка. Раз – и всё.

Я присел рядом. Стиснул её плечо.

– Мы все этого боимся. Просто иногда забываем. Не уходи безропотно во тьму...

– ...Будь яростней пред ночью всех ночей, – подхватила Катля. И благодарно улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ.

– Закрой глаза и вытяни руку вперед.

– Чего? – она негромко хмыкнула.

– Ничего. Руку – вытяни. Глаза – закрой.

– Что-то странное задумал?

Я защелкнул на её запястье замочек браслета.

Катля сразу же уставилась на него.

– Ого, какой блестящий! – заголосила, любуясь игрой света на гравировке орнамента. – Мне ещё такие не попадались! Спасибо.

Руки девушки на мгновение обвили мою шею, а потом она снова принялась изучать браслет.

Вот дурень! Мог бы и догадаться, что эта непоседа уже везде всё обшарила. Тоже мне...

– Чего это ты вдруг?

– Ну, это меньше, чем я могу отплатить за доброту. Если бы не ты, я бы, наверное, уже свихнулся или повесился где-нибудь в веревочном парке. Так что... Спасибо.

– Хи-и-и... – её щёки порозовели.

– Я вот тут ещё котиков нашел и заколку... – я замялся. – Но у тебя, наверное, уже такие есть.

– Дай посмотреть! Ох, миленькие!..

Вскочив с коврика, Катля пересекла комнату и направилась к подвесным полкам с фигурками и старыми книгами. Встала на носочки босых ступней и потянулась вверх. Несколько раз подпрыгнула.

Ну видно же, что не достанешь. Дурында. Сейчас всё рухнет прямо тебе на голову.

Я подошёл к ней, присел, крепко стиснул её талию между предплечьями и грудной клеткой, а потом легко поднял тоненько пискнувшую девушку под потолок. Она смущённо похихикала, пошуршала чем-то на полках, потом скомандовала:

– Вниз!

А оказавшись на земле, протянула мне бронзовую фигурку, изображающую ботинок космического скафандра.

– За добросовестное исполнение обязанностей правой руки коменданта кадет Маркус Вольфганг Фробишер награждается этим символом... Символом чего? Подожди. Сейчас-сейчас... А, не важно! Считай, что это твой личный знак моего особого к тебе расположения!

– Этот ботинок? – я поднял брови.

– Ага.

– Блестяще.

Мы рассмеялись.

– Во! Придумала. Я, Катля, вручаю этот Ботинок покорителя лунных равнин Маркусу Вольфгангу Фробишеру – первому человеку, оставившему след в моей душе.

Я изумлённо замер, уставившись на подарок в её ладошках. Чувствовал, как краска понемногу начинает жечь мои щёки, а сердце сдавливает железной

пятерней. Эта фраза была достойна по меньшей мере лёгкой и немного грустной мелодрамы, выжимающей своей неизменно счастливой концовкой из девушек нашего возраста ручьи слёз. Слышать её вживую, да ещё от сумасбродной и непоседливой Катлеи было очень непривычно и неожиданно. И что на неё вдруг нашло? Может, в книжках своих вычитала?

– Вручаю в обмен на миленьких манеки-неко, разумеется, – ухмыльнувшись, уточнила она.

Я вздохнул.

– Ладно! Давай сюда свой Ботинок.

– Не мой, а покорителя лунных...

– Да-да-да.

Отвернулся и вышел прочь из её комнаты. Чтобы не увидела, как дрожат мои вспотевшие ладони.

Что же со мной происходит?..

* * *

А потом начались выходные. Первые выходные, которые мы от начала и до конца провели вместе в этом брошенном и забытом приюте.

Катлея снова стала прежней собой – босоногой затворницей с растрёпанными волосами, обожающей аниме и бесформенные толстовки. Вернее, стала той собой, которой я её нашёл. Мы целыми днями шатались по зоне отдыха, ели мятные леденцы, играли в автоматы и смотрели кино одни в огромном зале.

За последние семь дней мы досмотрели первую арку «Мастеров меча онлайн» и остановились в паре серий от середины второй. Сезон кончился в первый же выходной, и мы сразу взялись за следующий. Он мне, откровенно говоря, понравился куда меньше первого. Вместо мучительного и яростного сражения за жизнь режиссер и сценарист предлагали претензию на детектив. Романтике и по-хорошему пафосным моментам отвели от силы полчаса из двадцати с лишним серий по двадцать минут каждая.

Чтобы как-то отвлечь меня от этого, Катлея предложила довольно забавное и интересное научно-фантастическое аниме под названием «Ковбой Бибоп». Охотники за головами на звездолётах гоняются за преступниками по всей солнечной системе, тем самым зарабатывая себе на жизнь. Старушка Земля давно оставлена. Учёные в колониях на Марсе ставят безумные эксперименты. Через Главный пояс космические фуры возят грузы между Венерой и спутниками Юпитера и Сатурна. На Каллисто стоит город с полностью мужским населением. На Ганимеди ловят рыбу! На Плутоне – исправительная колония! И все это в две тысячи семьдесят первом году по планетарному календарю!

Вот бы нам такой технологический прорыв... Не смотря на бегство с поверхности, мы всё ещё не накопили достаточно ресурсов даже для колонизации Марса. Пьём земную воду, дышим очищенным земным воздухом, а станцию достраиваем, поднимая с поверхности металлолом и цепляя с орбиты захоронения отслужившие спутники. Грызёмся в стычках

с пиратами за относительно безопасный пояс Кларка, но всё равно регулярно страдаем от пробоев. А между тем, станция завершает свой сто шестьдесят седьмой цикл с того дня, как её металлический скелет по частям подняли с Земли и сварили уже на орбите.

Это было в далёком две тысячи сорок втором году, на закате планетарной эпохи. Мы бросили все силы на спасение человечества, но потерпели слишком много неудач.

Нас осталось слишком мало.

В общем, аниме мне понравилось. Оно было воплощённой на экране мечтой каждого, кто жил и умирал в космосе.

Ещё я в первый раз наблюдал, как Катлея играет в «Dance like no one sees!» Зрелище было то ещё – она с огромной скоростью перебирала босыми пятками, старательно выдерживая ритм, но при этом нисколько не заботилась о том, как это смотрится со стороны. Вот уж и вправду: танцуй, будто никто не видит. Но я не мог не отметить, что даже на самых сложных и скоростных участках девушка ни разу не схватилась за поручень. Никто из моих знакомых не мог похвастаться счётом выше, чем у неё.

Мне самому всегда больше нравились файтинги и лётные симуляторы. Я выиграл в стеклянном коробе «Street Fighter AR» несколько стычек с голографическими Гайлом и Рю, надев специальный костюм, облегчающий тело и позволяющий чувствовать удары противника. Катлея следила за мной, прижав свой носик к стеклу и восхищённо сверкая глазами. Да, смотрите на меня, безумные фанаты, грейтесь в лучах моей славы! Завидуйте и преклоняйтесь! Я – мастер единоборств, неоспоримый король уличной драки! Вне всяких сомнений человечество изобрело «проекторы плотного света» и покорило гравитоны только ради видеоигр. Вот бы ещё без костюма быть способным на такие прыжки.

Спали мы по-прежнему в моей комнате. В метре друг от друга, разделённые полосой холодного пола. Я мог, свесившись с края своего матраса, дотянуться до её плеча. А она в ответ на неуклюжие шутки пихала меня пяткой и тихонько смеялась, уткнувшись в подушку. Катлея часто шептала мне в темноте. О понравившихся героях книг и девчачьей манги, которой она несмотря ни на что зачитывалась в свободное время. О том, что яблоки, которые я для неё почистил, были очень вкусными. О том, как сердце выпрыгивало из груди, когда она впервые одержала победу надо мной у кольца. О том, какой я дурень, раз забыл захватить из гидропонного отсека немного редисок на завтрашний салат. Но никогда – о своём прошлом. И никогда – о нашем будущем.

И каждый раз Катлея засыпала раньше меня. Я мог видеть её умиротворенное как у ангелочка личико в свете от голограммы скайлинка. Всегда обращённое ко мне. Какие она видит сны? Что заставляет её так улыбаться? Почему делится со мной всеми своими чувствами, если знает: рано или поздно мне придётся уйти?

И почему каждый раз, закрывая глаза, я продолжаю видеть её лицо?

– О чём задумался?

Я вздрогнул и взглянул на Катлею в фартуке и огромных рукавицах, несущую к столу завернутый в полотенце штрудель. Мы успели приготовить множество разных блюд из нашего ограниченного набора продуктов, но это было просто вершиной. Она безоговорочно победила в соревновании по готовке. Запах яблок с корицей стоял просто сногшибательный.

Вторая декада со дня нашего знакомства подходила к концу.

– Мне так и не удалось попасть в ту комнату.

– В какую?

– Ну, для практических занятий. Где скафандры и шлюз к внешней палубе.

Катлея глянула на меня потухшими глазами.

– Это особо охраняемая зона. Туда не пройти без допуска инструктора, а его карточка, наверное, в кабинете директора.

Вот так новости.

– Тогда как ты собиралась меня выгуливать за хорошее поведение?

– Ну, я соврала. У меня самой ни разу не получилось туда попасть, – девушка опустил голову, уткнулась взглядом в пол. – Прости.

– Это всего лишь означает, что мне нужно придумать программу похитрее, – я улыбнулся, тронув её за предплечье. – Не бери в голову.

Улыбнувшись, Катлея принялась резать пирог. Я сбегал в кухню и через несколько минут вернулся к столику в столовой с полным чайником свежего чая. Мы принялись за еду.

Словами невозможно описать, как это было вкусно. Пять слоев джема из тёртых яблок с корицей перемежались тончайшим мягким тестом. Даже не смотря на полное отсутствие животных продуктов, оно получилось достойным какого-нибудь ресторана в дорогом кондоминиуме. Не скажу, что хоть раз там бывал, но на похвалу всё же не поскупился.

– Хи-и-и... – зарделась девушка. – Это тебе мой подарок. Я очень-очень тебя ценю!

– Я тебя – тоже. Можно просьбу?

– М?

– Пожалуйста, больше не лги мне, Катлея. Ладно? – я взглянул в её огромные глаза и положил сжатый кулак на грудь. – Обещаю, что всегда буду честен с тобой и расскажу о себе всё, что спросишь. Слово кадета.

Её улыбка угасла. Во взгляде распахнутых грустно-удивлённых глаз сквозило отчаяние. Эта непоседливая девочка-ракета, обычно занимающая собой чуть больше, чем может вместить любая комната, вдруг сделалась маленькой. Будто загнанной в угол. Я уже пожалел, что попросил, и хотел было обратить всё в шутку, но она тихим, почти неслышным голосом ответила:

– Хорошо. Но прежде чем я принесу тебе клятву, ты должен кое-о-чём узнать.

Короткий жест маленькой ладошкой. Мой скайлинк зажег иконку входящего сообщения.

«Срочные новости! Отличник лётной подготовки, кадет Фробишер пропал без вести! Куда с космической станции исчезают дети?»

«Пропавший кадет Фробишер до сих пор не найден! Мать безутешна. Подозреваемыми по делу о похищении проходят два студента лётного училища».

«Делу о похищении Фробишера дали ход! Подозреваемые так и не признали свою вину».

«Неоперившийся птенец: откровение матери погибшего кадета. "Он так хотел летать!.."»

Будто ведро ледяной воды обрушилось на плечи. Сердце сдавило раскалёнными клещами. Горло проржавело.

Мать погибшего кадета безутешна. Я – погибший!

В глазах Катлеи застыли слезы.

– Ты знала обо мне, верно? Знала, кто я. Первая статья вышла на пятый день после моей пропажи. Кадетов ведь готовят не только в лётчики. Думал, ты просто угадала про училище.

– Знала, – всхлипнула она, не отводя глаз.

Во мне будто внутри перегревшегося парового котла закипал гнев.

– Скажи мне, отсюда есть выход?

Девушка тряхнула головой, глотая слёзы.

– В инженерном отсеке. Сброс отходов в перерабатывающую систему станции. Служебный вход в приют для персонала. Запись учителя Анны Михеевны Пасечко номер тридцать два. Там всё написано.

– И ты молчала, зная обо всем?

Её плечи задрожали.

– Что ты хотела делать со мной? Как представляла себе будущее? Мы что, должны были до старости нарезать круги по стадиону, готовить бесчисленное множество блюд из овощей и смотреть аниме по вечерам?

– Я не знаю! – в отчаянии воскликнула Катлея, обхватив себя руками.
– Может быть... мне бы этого хотелось.

Уплотнительный болт паропровода сорвало с резьбы.

– Моя мать думает, что я умер! Все считают меня погибшим! А я здесь, трачу с тобой своё время!

Об пол грохнул стул. Катлея съёжилась, обхватив голову руками. Это зрелище заставило меня опомниться. Наверное, я был страшен. Особенно в глазах маленькой и одинокой девочки.

– Я нужен ей, понимаешь? Кроме меня у неё никого не осталось. Заболит – будет лежать дома одна. Постареет – нечего будет есть.

– Но ведь я здесь тоже совсем одна! – взмолилась девушка, снова взглянув мне в глаза. – Я одна целых семь лет! Мучилась от болезней совсем одна! Плакала от голода совсем одна! Тряслась от страха в уголке совсем одна! А потом пришёл ты, и нас стало двое! – она схватила меня за ворот и яростно затрясла. – Ты мне нужен! Ты должен остаться!

Прежде чем мысль успела за движениями тела, руки сами оттолкнули её прочь. Катлея взглянула на меня глазами, полными кромешного, глухого отчаяния.

– Я должен выбраться отсюда. Идём со мной.

Но она будто не слышала. Её слёзы остановились, рыдания стихли. Словно кукла на ниточке, девушка распрямилась. Её взгляд был пустым и мутным, как запылившееся стекло иллюминатора.

– Игровой автомат номер двести тридцать два: «Карута ста поэтов». Сыграешь матч без единой отданной карты – получишь билет Леонова. С ним можно без инструктора. Удачи. И прощай.

* * *

Нет, она не исчезла без следа. Не лишила себя жизни. Просто перестала меня замечать. Перестала будить по утрам с лучезарной улыбкой. Перестала стучаться вечером, чтобы устроиться на ночлег рядом со мной. И это было худшим, что могло случиться.

Молча, как бестелесный фантом, Катлея ходила по коридорам, следуя своему распорядку. Когда мы сталкивались у умывальников или в столовой она сторонилась, уступая мне дорогу. Никогда не старалась избегать, просто не обращала внимания. Несколько раз я пытался заговорить с ней, но ответом было молчание.

Что же я наделал?.. Правильно говорили в кадетском корпусе: «Горячая голова – враг навигатора». И пилота. И инженера. И всех твоих близких друзей. Я понимал, почему она хотела держать всё в тайне, почему грустила каждый раз, когда речь заходила о побеге. Понимал самого себя, но простить не мог. Не понимал, почему Катлея до сих пор не сбежала отсюда, если знала, как. И ещё: зачем же она рассказала мне о тех статьях? И обо всём остальном? Знала ведь, что я на неё разозлюсь. Хотя, скорее всего, поступив так, она была права: рано или поздно я бы узнал, а держать меня здесь насильно ей, наверное, казалось неправильным.

Я пытался читать, что журналисты писали обо мне, маме и тех двоих, что затолкали меня в этот комплекс. Не получалось. Уже на втором предложении тянуло бежать отсюда со всех ног, царапать ногтями дверь в инженерный отсек или на полигон практических занятий. Или на худой конец штурмовать автомат для игры в каруту.

Интересно, почему именно этот реликт планетарной эпохи сделали тем единственным, что позволял лучшему игроку выйти в открытый космос? Игра карточками с японскими стихотворениями была настолько древней, что на станции её истоков, наверное, уже никто и не вспомнит. По правилам противники садятся на татами друг напротив друга и раскладывают перед собой пятьдесят из ста стихотворений – по двадцать пять на стороне каждого. Автоматический чтец в случайном порядке и с равными интервалами читает все сто стихотворений. В режиме одиночной игры противником служит специальный андроид в голографической оболочке, изображающей миниатюрную красавицу в длиннополом кимоно. Играют только одной

рукой: система строго следит за нарушениями и штрафует бесчестного. Взял стих со своей половины, игра продолжается после возвращения на места остальных карточек. Выбил с чужой – одну из своих отдаёшь взамен. Ошибся – получи от противника карту. Первую игру против девушки-андроида я именно так и проиграл – все стихи за исключением взятых машиной оказались на моём поле.

Задача усложнялась тем, что первую строфу читали на японском. И карточки, где вторая – тоже были написаны иероглифами. Даже учебная колода, где согласно инструкции для новичков, помечены первые слоги каждой поэмы, была практически бесполезна. А ещё нужно было запомнить раскладку на поле. А если противник по ходу игры что-нибудь передвигал, нужно было всё забыть и запомнить снова! А ведь чтобы получить заветный билет я не должен отдать противнику ни карты! Это значит, всегда первый без единой ошибки!

За простотой правил скрывалась невероятная сложность игры. От неё скрипели зубы и вскипали мозги. Сохранять предельную концентрацию в течение полутора часов пока идёт чтение, максимально быстро реагировать на звук отличительного слога и безошибочно выбивать, полагаясь на память, – настоящая пытка для рассудка. А от непривычной позы ныли стопы, колени и спина. Задача казалась невыполнимой.

Чтобы отдохнуть от заучивания стихов и карт (их запоминал как картинки), я совершенствовал свои программы. Пытался взломать двери в инженерный отсек. Нашёл кое-какие инструменты, забытые ремонтниками в подсобках и каждый день резал, скрёб и ломал обшивку гермовторок. Старался добраться до управляющих контуров. Безрезультатно. Металл был настолько толстым и прочным, что не давался даже алмазной циркулярной пиле, а чего-то более мощного под рукой попросту не было.

Зато поддалась ремонту заклинившая дверь в обсерваторию. Огромное круглое помещение находилось в том же отсеке практических занятий, в самой его середине, и занимало собой большую часть пространства. Я надеялся рассмотреть получше окрестности приюта, наметить заранее, как идти по внешней палубе, когда добуду тот злополучный билет. Но прочный купол, окружённый по периметру гравитонными отбойниками для отражения космических пылинок, был направлен совсем в другую сторону. Если распахнуть защитный кожух, над головой ярко сияла безжизненными просторами пустынь и ржавыми океанами старушка Земля, окружённая бесконечным и безразличным ко всему звёздным простором.

Маленькая и одинокая.

* * *

Дни комкались в плотный вязкий студень. Я учил стихи, играл, снова учил, снова играл, а когда выбивался из сил – падал на брошенный тут же матрас, спал тяжёлым сном, оставляющим после себя усталость. И всё повторялось. Взломать автомат не вышло – он попросту был слишком

древний. Будто какие-то сумасшедшие приверженцы традиций подняли его когда-то прямиком с поверхности старушки Земли.

Сердце захлёбывалось, пропускало удары. Тело сделалось тяжёлым и негнущимся, будто его накачали ртутью. Иногда я на мгновение терял равновесие на ровном месте, будто вестибулярный аппарат переставал отвечать на запросы. Глазомер тоже стал подводить: параллельные линии казались выгнутыми или перекошенными, прямые углы – неровными. Текст перестал отпечатываться в голове. Всё из-за этих стихов. Всё из-за них. Из-за каруты. Девушка-андроид в кимоно продолжала приветливо улыбаться и кланяться. Безумно хотелось её разбить. Разломать в мелкую ржавую труху.

Мне по-прежнему снилась Катлея. Каждый раз, как я отключался, видел её лицо, перекошенное и мокрое от слёз. Её глаза, полные холодного и безмолвного отчаяния. Будто сам космос смотрел на меня из их глубины. Так хотелось, чтобы она была рядом! Глядеть на неё, смеяться вместе с ней, готовить странные блюда... А потом в нашем маленьком клочке темноты, отнятом у Вселенной металлическими стенами медленно отходить ко сну под её негромкое сопение.

Я не встречал её уже декаду. Или две? Сбился со счета. Чем она занимается? Хорошо ли ест? Вдоволь ли спит? Не болеет ли? Очень хотелось пойти в жилой отсек и увидеть её снова, но я знал: если передо мной вновь предстанет её бледная тень, станет только хуже. Я чувствовал, что истончаюсь. Тону в кипящем котле. Непокколебимая уверенность в собственных силах, привитая в кадетском корпусе, становилась всё эфемернее, уже готова была проломиться.

Семь лет! Она выдержала здесь семь лет совсем одна. Какой же я дурень! Бессердечный эгоистичный слабак!

Я вернулся в свою комнату. Когда вошёл – уже не мог вспомнить зачем. Память тоже понемногу отказывала. Здесь было пыльно. Пусто. Проведя рукой по полкам, невольно вспомнил, как мы вдвоём прибирались после отбоя в первые часы нашего знакомства. Как Катлея суетилась вокруг меня, как это смущало. Снова вспомнил, хоть никогда и не забывал, такие близкие, но такие далёкие вечера, когда мы разворачивали здесь свой личный киноэкран. Как пили чай и негромко болтали в промежутках между сериями аниме, как молчали после самых пронзительных из них.

В этом молчании было нечто неопишное. Нечто значимое. Мы оба не могли этого осознать и выразить внятыми словами, даже Катлея с её познаниями в языках. Но оба понимали. И знали, что понимаем одинаково.

Рука наткнулась на холодную угловатую тяжесть. Фигурка. Взял её и повертел в руках. «Я, Катлея, вручаю этот Ботинок покорителя лунных равнин Маркусу Вольфгангу Фробишеру – первому человеку, оставившему след в моей душе». Помню слово в слово. Каждое движение её ресниц в тот сокровенный момент. Как ужасно смутился из-за этих слов, но не понимал до конца почему.

Что-то горячее текло по губам и подбородку. Солёное и едкое. Кровь. Похоже, усталость окончательно добила меня. Тяжёлые красные капли барабанили по полу, чертили по толстовке багровые дорожки, щетинящиеся алой бахромой по краям.

Оказавшись в туалете, я принялся умываться. Снова и снова нырял в пригоршни ледяной воды, она окрашивалась алым и журча исчезала в сливе. Кровь не останавливалась.

Катля говорила, что ценит меня. Заботилась обо мне. Следила, чтобы я правильно питался, был всегда одет в чистое и вовремя ложился спать. Конечно же, дисциплина кадета не давала ей поводов придрататься, но она честно старалась быть внимательной. Готовила такую вкусную еду! И всё ради того, чтобы сегодня, в этот самый день я, разбитый и уставший, потерявший голову от одиночества, тоски и сожалений, смывал кровь со своей бледной физиономии в эту раковину. Чтобы мои потускневшие глаза с красной сеткой сосудов глядели в это пыльное зеркало. Чтобы я сорвал ногти до локтей, пытаюсь вскрыть двери в инженерный отсек. Чтобы через несколько дней помер от истощения возле того автомата прямо на глазах у железной девицы! Какая глупость! Дрянная, дурацкая шутка! Как же я ненавижу это место! Ненавижу каруту! Ненавижу космос! Ненавижу, презираю себя!..

Глаза застилала едкая пелена. Голова кружилась. Моя дрожащая рука потянулась к зеркалу и вывела на нём в пыли одно единственное слово.

«Прощай».

* * *

Сквозь сон я почувствовал, как кто-то потряс меня за плечо. Это не может быть правдой. Мне померещилось. Ведь я здесь совсем один. Сжался в комок, стараясь закрыть глаза от света.

Что-то сильное сбросило меня с матраса. Голова больно стукнулась о твёрдый пол. Я вскочил на четвереньки, готовясь отразить нападение.

Катля. Сразу узнал её, хотя глаза почти ничего не различали.

Очень злая. С дорожками слёз на выпачканных щеках и в перемазанной чёрной пылью футболке.

– Проснулся, наконец? – бросила она.

Я вперил в её живот невидящий взгляд. Этого не может быть. Мне мерещится. Наверное, это просто сон.

Но она подошла ко мне, рывком вздёрула меня на ноги и, как следует размахнувшись, врезала мне по щеке. Я снова рухнул на пол.

– Дурень! – голосила Катля, стоя надо мной. – Какое ещё «прощай»?! Помирать собрался? Когда ты исчез, я думала, у тебя получилось! Была так за тебя рада, что аж разрыдалась! А потом эти кровавые следы на полу возле твоей комнаты и эта надпись на зеркале! Как увидела, бросилась тебя искать по всему приюту, облазила каждую щель, а ты здесь лежишь и дрыхнешь! Бледный, худой, грязный и с огромными синяками под глазами! Во что, во имя звёзд, ты себя превратил?!

Мне наконец удалось подняться. После оплеухи в ухе звенело. Голова кружилась. Она глядела мне в лицо снизу-вверх и тяжело дышала. Злая. Вымотанная. Вымазанная в пыли и саже. Какая же прекрасная!

Я уже открыл рот, выпуская эти слова наружу, но девушка не дала мне издать и звука.

– Ты же кадет, Маркус Вольфганг Фробишер! Ты отличник лётной подготовки! Ты силён, умён и дисциплинирован и прямо как герой манги никогда-никогда не сдаёшься! Сам Генма выбрал тебя своим преемником! Как ты посмел стать этим?!

Она бросилась ко мне на шею и уткнулась носом в грудь. Я с трудом устоял, опершись о стену, и гладил её по спине. Вдыхал запах её волос. Наслаждался её близостью, теплом её миниатюрного тела. А она всё плакала и плакала. Моя грязная, заскорузлая от крови и пота толстовка насквозь пропиталась слезами.

– Прости... – выдохнул я в её спутанные пыльные космы.

– Молчи, – всхлипнула Катлея. – Мы оба хороши. Оба эгоистичные олухи. Беспросветные, безнадежные дуралеи. Я ведь знала, что ты хочешь уйти, но молчала. А ты, бессердечный, улыбался мне и всё прощал. Мне было так совестно! Но так хорошо! Но так совестно! Потому, когда ты попросил меня быть честной и поклялся, я просто не смогла больше держать это всё в себе...

Она отпустила меня и медленно отошла, глядя в пол. Огромные глаза припухли, губы были искусаны. Щёки всё ещё блестели от слёз. Я спустил один рукав толстовки на ладонь и вытер её лицо. Но она снова расплакалась.

– Почему у нас всё так сложно? Не могли родиться на поверхности и ходить в одну школу, как все нормальные герои аниме? Обязательно нужно было появиться на свет в космосе и встретиться в заброшенном изолированном приюте, откуда не выбраться! Автор, что с тобой не так?!

Теперь уже я прижал её к себе, а она обхватила меня поперёк груди. Мы стояли так, пока слёзы Катлеи не иссякли. Очень долго. Но мне всё равно показалось мало. Я бы простоял так всю жизнь. Отстранившись второй раз, она утёрла слёзы тыльной стороной руки, шмыгнула носом и улыбнулась. Не так, как всегда. Благодарно и очень тепло.

– Я знала, что языки и стихи – не твоё. Взламывать – вот это по тебе. Отпирать замки. Чинить электронику. Мастерить безделушки. Драться. Носить тяжести. Доставать вещи с верхних полок. Водить космический корабль. Остальное оставь мне, ладно?

– Ладно, – я счастливо улыбнулся ей в ответ.

– А теперь давай покажем этой девчонке! У тебя есть клейкая лента?

– Зачем это?

Улыбка Катлеи сделалась ещё шире.

– Увидишь.

Клейкая лента нашлась среди инструментов в подсобке общежития. Прежде чем возвращаться в игровой зал, девушка переделалась в спортивную

форму («Небольшой незапланированный фансервис, не обращай внимания!»), затем на мгновение заскочила в прачечную и взяла оттуда самую просторную и длинную толстовку, которая только там нашлась. Всё это время я старательно умывался. Тело вдруг осознало, сколько на нём грязи – сразу же захотелось как следует отскрестись мочалкой, но Катлея решила, что это подождёт. Затем мы вернулись к автомату каруты, и началось странное.

– Возьми и ничему не удивляйся, – девушка протянула мне огромную толстовку, усадив на матрас. Вздохнула, собираясь с мыслями. – Я сама вне себя от смущения, так что хотя бы ты виду не подавай, хорошо?

Я молча пожал плечами.

– Фух... Ладно.

Катлея уселась позади меня, придвинулась ближе, и очень скоро я обнаружил её лодыжки скрещёнными на моем животе. Чего?..

– Этот автомат не разрешает играть вдвоём, – смущенно проговорила она. – А если я выиграю одна, то билет выпишут на мой регистрационный номер. Я ведь тоже числюсь здесь учеником.

– А если у тебя будет моя карточка?

– Не выйдет. Я смотрела записи с камер видеонаблюдения. Автомат как-то понимает, что перед ним другой человек, – Катлея просунула руку у меня подмышкой и указала на андроида, терпеливо ждущего своего часа. – Один из учеников попросил другого так сделать, у них не вышло.

– Но, судя по всему, обмануть его всё-таки можно, верно?

– Ага. Те двое нашли способ.

– И ты собираешься за ними повторить?

– Да. Свяжи мне ноги. Хорошенько свяжи, будто... – девушка промычала что-то и смущенно затихла.

– Что-что?

– Будто хочешь, чтоб я так всю жизнь повисела! – крикнула она мне в самое ухо. – Дурень.

Катлея влезла повыше, обхватила руками мои плечи. Я тем временем обматывал клейкой лентой её лодыжки, тихонько посмеиваясь. Через несколько минут всё было готово: связывать людей так, чтобы не сбежали, в кадетском корпусе тоже учили. Подвигав ногами, заказчица удовлетворилась результатом.

– Теперь несколько раз вокруг грудной клетки. Давай сюда, я сама.

Держась на мне одними коленями, она пропустила клейкую ленту у себя за спиной и несколько раз обвязала поверх своего топа и моей футболки. Что-то мягкое прижалось к моей спине. Вернее, я точно знал, что именно, но решил не заострять на этом внимания.

– Готово. Теперь надевай толстовку. Ай! Аккуратнее! На меня тоже надень.

Я набросил огромный бесформенный балахон. Катлея просунула голову в ворот и глядела из-за моего плеча.

– Слушай внимательно, Марк. Ты будешь моими ногами, торсом и левой рукой. Я – твоими глазами, ушами и правой рукой, – девушка

высунула ладошку из рукава толстовки и принялась его закатывать, помогая из-под подола второй. Я понял её замысел, сделал то же самое с другой стороны. – Придерживай меня за коленку, чтобы я не упала в самый ответственный момент. За картами бегай осторожно, иначе не удержусь. Вместе у нас получится. Главное – стать одним.

– А это из какого фильма? – не удержался я.

Катлея хмыкнула.

– Из «Падшего ангела». Там инопланетяне напали на Землю, а люди дрались с ними, в парах управляя огромными роботами...

– Да знаю. Готова?

– Ага. Не забудь накинуть капюшон, когда андроид поклонится. Только не слишком глубоко, иначе я не смогу видеть всё поле.

Я осторожно встал, просунув локоть под правой коленкой Катлеи. Та обхватила меня левой рукой за плечо. Потоптался на месте, прошёлся пружинящей походкой, проверяя свои возможности.

– Я тяжёлая?

– Нет, нисколько. Ты миниатюрная.

Катлея вздрогнула.

– Скажи еще раз.

– Что? Миниатюрная?

– Хи-и-и...

Странная она. Комплимент ведь весьма сомнительный.

– Не отвлекайся, – попросил я.

* * *

И вот, объединившись в теле гиганта, прямо как в том пресловутом «Падшем ангеле», мы шли на битву с врагом всего живого. Вот только вместо боевого робота у нас была безразмерная толстовка, а «враг всего живого» был всего лишь миниатюрной голографической девушкой, облачённой в традиционные одежды планетарной Японии.

Я уселся в знакомую позу, взглянул в глаза голографической красавице. Катлея дышала мне в затылок. Фальшивая японка окинула меня взглядом раскосых глаз, задержала его на моём лице. Значит, вот так она распознаёт игроков? По лицам? Удовлетворившись проверкой, андроид коснулась кончиками пальцев татами и поклонилась, достав лбом до костяшек. Я левой рукой натянул капюшон и поспешно последовал её примеру. Когда мы оба распрямились, девушка улыбнулась мне всё той же лёгкой полуулыбкой и извлекла из складок кимоно колоду карт. Изящным движением перемешала и разделила на две равные стопки. После повторила то же самое с одной из них.

Мы с Катлеей молча наблюдали за ней из-под капюшона.

Наконец, мерцающая ладонь подвинула в нашу сторону одну из стопок. Я подался вперёд, и девушка сгребла её пятерней, пододвигая к себе.

– Наклонись ниже, я не достаю, – шепнула она мне на ухо.

Сделано.

Катлея принялась раскладывать карты, отсчитывая полосы на татами. Даже если в её действиях и была система, я её не замечал. Надеюсь, она знает, что делает.

На противоположной стороне поля машина в человеческой оболочке не спеша раскладывала свою часть колоды.

Как только все карты заняли свои места, прозвучал сигнал к началу запоминания. Я боялся даже сглотнуть, не то, что пошевелиться. Чувствовал напряжённое внимание своей напарницы, прямо слышал, как гудит в её голове охлаждение для процессора, как попискивает зуммер, подавая сигналы азбукой Морзе.

Наконец, громкоговоритель возвестил о начале игры. Андроид снова коснулась пальцами татами и поклонилась. Я согнул спину одновременно с ней и проговорил скороговоркой: «Йорошикуонигайщимас!» Это, видимо, значило: «Хорошей игры!»

– Нанивадзуни-исакуяконо-ояна-а фуюгимори-имаво-охарубето-осакуяконо-охана-а!.. – произнёс нараспев сильный и мягкий женский голос. Первый стих – вводный стих. – Имаво-охарубето-осакуяконо-охана-а!..

Пауза казалась вечной.

– Му...

Молния промелькнула перед моими глазами, разметав стройные ряды карточек. Спустя секунду до меня дошло. Это была карта, берущаяся с первого слога. Катлея... Ты просто монстр.

– ...расаменоую-у момадахину-у маки но ха ни-и...

Даже девушка-андроид подняла тонкие брови и в изумлении изящно прикрыла рот кончиками пальцев.

Пока я бегал за карточкой, чтец закончил стих, дважды повторив последнюю строфу. Вернувшись на место, принялся собирать левой рукой остальные карты, чтобы потом моей второй половине проще было их разложить. Взятую карту она положила справа, неподалеку.

– Пригнись ниже. Сядь чуть левее. Вот так, хорошо. Продолжаем!

Я послушно следовал её подсказкам. Теперь, когда на моих глазах Катлея показывала своё мастерство, мне не на что было жаловаться. Наверное, если бы я смотрел поединок между двумя миниатюрными девушками из-за стекла, то был бы похож на неё саму, восхищённо прижимающуюся носом к коробу автомата «Street Fighter AR».

Она выбивала карту за картой. Даже многосложные, блестяще выполняя блоки ладонью. А уж на первый слог всегда брала молниеносно пусть и сидела у меня на спине. Почему же эта игра ей так нравится? Наверняка ведь потратила на каруту уйму времени, чтобы добиться такого мастерства.

– Юра но то о-о ватаруфунабито-о каджи о таэ-э...

Ещё одна карта наша.

Катлея шмыгнула носом и потянулась утереть слезинку.

– Что случилось?

– Прости... – всхлипнула она. – Этот стих такой жизненный!

Дело в смысле! Я пытался механически заучить последовательность звуков, предшествующие взятию, а сами карты запоминал как картинки. Потому ничего и не выходило. За таким способом стоял пустой и необъяснимый рефлекс. Но для её трепетного сердца каждый стих был особенным. Легко запомнить карты, привязывая их к переживаниям. Поэтому она не ошибается. Ну, и ещё у Катлеи тренированные руки. В особенности пальцы. Всё-таки, карута – очень странная игра. У неё две стороны. Одна – чувственная, изящная и возвышенная, заключённая в строки и строфы; другая – механическая, инстинктивная, постигаемая через кровотокающие мозоли на стопах и правой руке.

Время шло. Поле пустело. Слогов в игре становилось меньше, и темп увеличился. Мы приближались к развязке. Путь нам подпортило прочтение многосложной карты, которую девушка с превеликим трудом вырвала из-под защиты железных пальцев, чуть было не соскользнув с моей взмокшей спины. Сил на эту атаку в дальний левый угол поля противника было потрачено немало. Коленки саднило. Мышцы поясницы и в районе лопаток звенели от напряжения. Левое плечо горело как под раскалённым железным прутом. И всё же. На нашей стороне осталось всего три карты. Остальные по большей части были взяты, а те, что не были, – переданы. Победа так близко! Всего лишь в трёх метках ударах!

Сможем ли мы её вырвать?

– Ашибикино-о ямадорино-о ношидарионо-о...

Катлея снова всхлипнула.

Две карты.

– Ама но хара-а фуресакимиреба-а Касуга нару-у...

Одна карта. Последняя. Все решится в течение нескольких минут.

– Цукимиреба-а чиджинимонокосо-о канашикере-е...

Катлея дёрнулась, но притормозила, так и не нанесла удар. Девушка-андроид не шевельнулась.

Мёртвая карта.

Стих отзвучал, оставив после себя тягостные, бесконечные секунды тишины.

– Мичинокуно-ошинобумочидзури-итареюэни-и...

Ещё одна! Вот пакость! Всё может решиться в любой момент, а тут такое!

Левая рука Катлеи и её коленки уже давно дрожали. Она истратила почти все силы на эти бешеные рывки.

Пожалуйста, прочти уже, наконец, односложную!

– Чи...

Молния рассекла поле от угла к углу. Карточки разлетелись в разные стороны. Конец скоростного замаха пришёлся прямиком на левый верхний угол, в карту, которую – я помнил! – Катлея несколько стихов назад передала противнице твёрдой, решительной рукой. Передала, а потом приложила стиснутый кулак к губам, будто мысленно зывала к кому-то.

– ...хаябуру-у камиёмокиказу-у тацутагава-а...

– Спасибо тебе, Чихая... – прошептала Катля у меня над ухом. – Спасибо тебе огромное!..

– Кто?

– Потом расскажу. И покажу, если понравится.

Опять какое-то аниме?

Поединок был окончен. Победа за нами! Девушка всхлипнула от восторга и прижалась ко мне щекой. Крепко обняла обеими руками. Наверняка, со стороны это смотрелось очень странно и смешно, но разве мне было дело до мнения какого-то андроида? Ведь рядом настоящая, живая, тёплая и счастливо смеющаяся девушка, которая вцепилась в меня железной хваткой.

Мы вернулись к нашему месту на татами и поклонились, передав противнице последнюю карту. Распрямившись, японская красавица одарила нас широкой улыбкой. Она и не подозревала, что её жестоко надули. Так тебе и надо, жестянка!

Мерцающие пальцы скользнули в складки кимоно. Из-под них как в замедленной съемке показался позолоченный прямоугольник пластика. Девушка-андроид в глубоком поклоне преподнесла его нам на раскрытых ладонях. Я подошёл ближе и взял билет. Повертел перед глазами. С одной стороны было изображено улыбающееся лицо первого космонавта, один на один сошедшегося с мерцающей бездной, что окружала нас сейчас. С другой автомат выбил номер из шести цифр.

Мой идентификационный номер.

– Твой билет домой, Марк, – шепнула Катля, несмело дотронувшись до моих пальцев своими, тонкими и холодными.

Всё благодаря тебе.

Я хотел сказать ей то, что пришло на ум во время нашей встречи после долгой разлуки. Хотел похвалить, осыпать тысячей комплементов. Но язык будто опух, а в горле застрял шершавый комок скрипучих чешуек ржавчины. Пульс стучал в ушах неровно и рвано.

И всем, что я смог сказать этому несуразному, но прекрасному босоногому существу, этой единственной в своем роде девушке с сердцем героя эпического фэнтези, стала пустая и безвкусная фраза, произнесённая осипшим голосом.

– Ты лучшая.

Дурень! Олух! Тряпка! Бесхребетная размазня!

Катля в ответ только вздохнула.

Я уселся на матрас. Через наши головы стянул толстовку. Пошарил вокруг в поисках ножа и разрезал ленту, стягивающую ноги девушки, а затем перевязь на груди. Она медленно отлепилась от меня – пока играли, мы вымокли до нитки. Пошевелила пальцами на ногах, размяла затекшие ступни. Осторожно встала и взглянула на меня с грустной улыбкой.

– Пошли что ли домой, потерянный, – отвернулась к выходу. Немного помолчала и прибавила, усмехнувшись: – Такой момент испортил, режиссёр бы с тебя три шкуры спустил...

Вспыхнув где-то около солнечного сплетения и устремившись к кончикам пальцев, по моему телу пробежал электрический разряд. Я вскочил, не отрывая взгляда от её затылка. Схватил за плечо. Развернул. И прежде чем мысль успела за порывом, прижал её губы к своим. Запустил пятерню в растрёпанные волосы. Её невесомое тело обмякло в моих руках, дыхание сделалось частым. И когда я отстранился, стиснув её плечики, когда взглянул горящими глазами в её широко распахнутые от потрясения, усилием воли заставил высохшие связки звучать твердо:

– Вот тебе твой момент. Довольна?

Катлея глядела на меня, глотая вдохи. Я глядел на неё, чувствуя, как горят щёки и лоб. Это всё же случилось. И как теперь быть?

Её маленькие и тонкие губы, которые несколько мгновений назад я целовал в безумном порыве, медленно и несмело растянулись в улыбке. В глазах зажглись тёплые искорки. Она глупо и негромко хихикнула. Потом чуть громче.

Мы счастливо смеялись, соприкоснувшись лбами. Я гладил её волосы, ерошил их ещё больше. Катлея стиснула в кулаки футболку у меня на спине. Вскоре наши ноги подкосились, и мы рухнули на колени, держась за плечи друг друга. Обнимали, прижимая как самое сокровенное. И смеялись, смеялись, смеялись!

А когда совсем сбили дыхание, эта яркая и норовистая девушка-кошка оседлала мои бёдра и целовала, прильнув всем миниатюрным телом. Глотая воздух, громко шмыгая носом, но не отрываясь. Да мне и не хотелось её отпускать. Не отпустил бы ни за что во Вселенной!

Твои вечно растрёпанные волосы. Твои босые ступни. Твой маленький носик. Твой переливчатый смех. Твои детские капризы и выходки. Твои взрослые знания и навыки. Твои огромные искристые глаза, эти глухие и бездонные омуты далёкого космоса. Я больше не смогу прожить ни дня без всего этого! Ни единого часа! Ни одной заваливающей минуты!

– Ты – мой воздух.

* * *

Я наконец-то вымыл слипшиеся в сосульки волосы. Отскрёб кожу жёсткой мочалкой. Насухо вытерся душистым полотенцем. Переоделся в свежую после стирки одежду. Снова человек. Снова среди живых. Живее, чем когда-либо!

Ведь перед дверью в мою комнату меня ждала босоногая девушка с мокрыми волосами. В мягком махровом банном халате. Такая же воспрянувшая и посвежевшая, будто молодой росток на гидропонной ферме, омытый нежными каплями влаги.

Она обняла меня крепко-крепко, ткнулась носом в волосы и тихо шепнула:

– С возвращением.

Всё благодаря тебе.

Катлея без умолку рассказывала о переживаниях героев девчачьей манги, о недавно открытой звезде в секторе Большого Пса, о том, как

сложно решать дифференциальные уравнения – обо всякой чепухе, не прерываясь ни на миг. А я слушал музыку её резкого голоса, держа в руках дымящуюся кружку, и счастливо улыбался. Её плечико касалось моего. Голова лежала на моём плече. И через эти прикосновения, через сплетённые ладони в меня понемногу проникало её тепло. Оно было пряным и терпким, как глоток вечернего чая. Пронзительным и глубоким, как японская поэзия.

Две с половиной декады. Вот сколько я провёл в иступлённых попытках выбраться. Всё это время мы могли бы провести вот так. Сидя на её постели плечом к плечу. Слушая долгие рассказы друг друга вовсе не для того, чтобы что-то понять, а ради музыки голосов. Наслаждаясь нашим общим теплом и медленно сливаясь воедино.

Было далеко за отбой. Чай остыл. Все слова были сказаны, оставив после себя тёплое, значимое молчание. Древние в фильмах заполняли его потрескиванием камина, когда у них ещё были деревья, или шипением грампластинок, пока они ещё были в моде. Наше молчание заполнял шёпот вентиляционных люков. Гул холодильной камеры. Гудение и перещёлкивания дронов-уборщиков за стеной. Мы были детьми глухого, замороженного космоса. Но детьми живыми. Чувственными. Такими же, как рождённые под ласковым солнечным светом на груди у всепрощающей защитницы.

Наконец, сон начал брать своё. Пусть мы и хотели подольше оттягивать этот момент. Мы вымотались после поединка с голографической девушкой, после всех потрясений последних дней. Но когда я поднялся, пожелав Катле спокойной ночи, подражая её манере, и уже собирался двинуться к себе, она схватила меня за рукав. Посмотрела с мольбой и тоской в глубине огромных глаз и тихим голосом попросила:

– Ложись рядышком.

Как тут было отказать?

Я быстро сбегал за одеялом и подушкой. Когда вернулся, девушка уже забралась под своё, укуталась с ног до подбородка. Банный халат висел на спинке стула. Это будоражило воображение. Выключив свет, я быстро разделся и лёг рядом, кое-как уместившись на краешке кровати. Укрылся и принялся смотреть в потолок.

А потом, удивляясь собственной смелости, подвинулся ближе. Повернулся на бок – лицом к ней – и обнял лежащую ко мне спиной Катлею, положив голову на её подушку.

– Хи-и-и...

Высунув ладошку из-под одеяла, она снова сплела наши пальцы.

И когда я лежал вот так рядом с ней, погружившись в омут мыслей и пряный запах её волос, ощущая тепло маленькой и хрупкой пятерни под своей, моё безумное, неистовое желание выбраться, чуть было не выдавившее жизнь из меня самого, наконец дало трещину. Жить здесь вместе с ней. Держать её за руку. Впитывать её, вдыхать и растворяться в ней каждый

день. Какими бы несбыточными и по-детски наивными ни казались эти чаяния, они были так прекрасны! Это разрывало меня на две половины.

Снова и снова в голове проносилось стихотворение, процитированное Катлеей в переводе на всеобщий. Проносилось, пока всё вокруг не окутала теплая пелена дремоты.

По стремнинам Юра
Правит лодку свою перевозчик.
Сломалось весло.
О, дороги моей любви!
Плыву, не знаю куда...

* * *

– Проснись, соня, – ласковый шепот над ухом. – Уже полдень. Долго же ты спишь!

Я шумно вздохнул и открыл глаза.

Катлея. Какое наслаждение видеть утром её улыбающееся лицо! Не медля ни секунды, она поцеловала меня очень нежно и ласково. Отстранившись, отошла на середину комнаты и показалась мне целиком.

Свободное и лёгкое платье глубокого и чуть холодноватого зелёного оттенка. Шею обхватывал изящный тонкий обруч, к которому ткань крепилась спереди, скрывая зону декольте, но оставляя открытыми плечи и спину до поясницы. На правом запястье красовался браслет, который я, казалось, давным-давно ей подарил. Волосы! Они были аккуратно подстрижены и убраны металлическом ободком поверх идеально ровной чёлки. Каре обрамляло лицо девушки, подчёркивало линию высоких скул.

И когда только успела?.. Впрочем, я ведь спал до полудня.

– Ну, как тебе? – казалось, даже её голос сделался мягче и мелодичнее. Катлея повертелась передо мной, взметнув подол платья.

– Ты прекрасна.

– Хи-и-и... – она спрятала лицо в ладошки и потупилась, но даже так был заметен румянец.

Кое-что всё же осталось неизменным. Она по-прежнему ходила босяком.

– Зачем же такой наряд? – спросил я, садясь на кровати. – Есть повод?

– Конечно есть, – ответила моя красавица. – Первый день наших с тобой отношений! Приказом коменданта объявлен выходной. Самое время позвать девушку на свидание, тебе не кажется?

Я рассмеялся.

– Что, прямо из-под одеяла? Дай хотя бы одеться...

Её взгляд, задержавшийся где-то в районе моего солнечного сплетения, почти ощутимо кольнул кожу. Не мигая, Катлея коснулась приоткрытых губ костяшкой указательного пальца.

– Не пьйся.

Девушка вздрогнула, испуганно посмотрела мне в глаза и отвернулась, спрятав лицо в ладонях. Её плечи затряслись в беззвучном смехе.

Я поспешил надеть футболку и хлопковые штаны. Подошёл к ней, нежно и осторожно обнял. Она прижалась ухом к моей груди и погладила по спине.

– Ну и как тебе? Ну, то, на что ты там пялилась, – усмехнулся я, отстранившись и взяв её за ладошки.

Катлея смущённо улыбнулась и снова покраснела.

– А... Можно потрогать? – и протянула руки к моим бокам и животу.

– Нет.

Она взглянула на меня грустно-удивлённо, почти жалобно. А потом смутилась ещё больше.

– Ну... Может быть, позже, – тоже чувствуя себя ужасно неловко, пробубнил я.

– Ага, – кивнула она, пряча улыбку в прядях искристых волос.

Я умылся и привёл в порядок волосы, глядя в пыльное зеркало в туалете. Совсем неподалеку, в двух шагах от меня виднелась та самая надпись, сделанная дрожащей рукой. Последнее послание отчаявшегося, выбившегося из сил человека. Недолго думая, я сунул полотенце под кран и стёр его. Принёс туалетной бумаги и насухо отполировал стекло. В моей жизни больше нет места унынию. Только не рядом с ней.

После я заглянул в свою комнату, пошарил в шкафу для одежды и озадаченно уставился на свою парадную форму. Она была заботливо заштопана и отглажена, словно ждала моего возвращения. Туфли стояли здесь же, немного потёртые, но чистые. Лучшей одежды для свидания у меня всё равно нет, а идти рядом с Катлеей в толстовке и хлопковых штанах – даже просто в ту же столовую – не позволяла совесть. Она ведь так старалась выглядеть не как всегда – растрёпанной и взъерошенной. Даже подстриглась.

Жаль, нет больше моего берета!

Так что девушка, ждавшая меня у дверей своей комнаты, увидела выпускника кадетского корпуса в увольнении домой, без погон и форменного головного убора. Зато при изумрудном галстуке, который по цвету очень подходил к её изящному платью.

– Ну, как тебе? – снова ухмыльнулся я, повторив её слова.

– Все девушки без ума от военной формы, – рассмеялась Катлея. – Даже если это всего лишь кадетский выходной костюм.

– Спасибо, что позаботилась о нём.

– Так я коротала вечера, когда думала, что ты ушёл, – девушка потупилась с грустной улыбкой. – Чтобы потом положить форму в твой шкаф и иногда заходить в комнату протереть пыль. И немного повспоминать.

– Ну что ж, я снова здесь. Давай сделаем себе ещё немного воспоминаний.

– А, это из... подожди-ка... – Катлея задумалась. – Да практически из любого аниме, где есть романтика или школа! Ты превзошёл себя, эта фраза – самая заезженная из всех, что я слышала.

– Тогда вот тебе ещё одна: «Куда леди хочет пойти?» Ты не дала мне времени составить какой-нибудь план, потому давай думать на ходу.

– «Леди», хи-и-и... Ну, сперва давай пообедаем. То есть, позавтракаем, – она ткнула меня локтем в бок и ухмыльнулась. – Платишь ты.

Мы медленно двинулись в сторону столовой.

– У меня нет денег, – притворно возмущился я. – Почему бы тебе не отработать мытьём посуды?

– Каков нахал! – подыграла Катля. – Сам позвал, а отрабатывать мне!

– Тебе ещё повезло, – буркнул я.

И мы оба весело рассмеялись.

– А если серьёзно, я никогда не водил девушку на свидание, – смущённо потупился и признался, наконец. – Даже не знаю, что нужно делать.

– Да расслабься! Мы с тобой столько времени вместе прожили, засыпали рядом, успели поссориться, помириться... Считай, что это самый обычный выходной. Только мы как два идиота вырядились в лучшее, что у нас есть.

– Ну уж нет, так дело не пойдёт, – я решительно помотал головой и потянул Катлю за локоть, прочь от двери в столовую. – Я был идиотом слишком долго. Пора исправляться. Идем в жилой отсек учителей. Ты достойна лучшего, чем эта помойка.

– Хи-и-и... Ладно.

* * *

Столовая для персонала тоже не отличалась фешенебельностью, но, по крайней мере, здесь было просторнее. Вместо жёстких стульев с прямыми спинками и скамеек вдоль стен, рядом с круглыми столиками стояли небольшие креслица. На дальней стене висел огромный экран, изображающий множество разноцветных деревьев. Земля была усыпана опавшими, высохшими листьями.

Удивившись такому, я задался вопросом: зачем было вешать в столовой картину давнего техногенного катаклизма, уничтожившего зелень на старушке Земле. Но Катля, рассмеявшись, пояснила: раньше кроны деревьев желтели и осыпались каждый год. Это время называлось *осенью*. А скопление деревьев, как на картине, – *лесом*. Во всем не было таких слов, потому Катля произносила на русском. Я знал обо всём из детских книжек и по маминым рассказам, но забыл, постепенно взрослея.

Мобилизовав все свои познания, почерпнутые из фильмов, я старался вести себя как старомодный джентльмен. Отодвинул для девушки сиденье. Помог сесть, мягко придерживая за локоть. А потом в гордом одиночестве ушёл на кухню греметь посудой. Среди запасов обнаружилось несколько сухих комплексных обедов весьма экзотического содержания: спагетти карбонара, борщ, бефстроганов, том ям, лапша по-флотски, плов и лагман. Было даже несколько известных десертов. Быстренько составив меню, я вернулся в зал, перекинув через локоть сложенное полотенце.

– Карбонару, тирамису и зелёный чай, – улыбнулась зардевшаяся Катля. – И не забудьте про «комплимент от шефа».

– Ваши глаза бездонны и глубоки как великое звёздное море, – смущённо пробормотал я.

Она тарашилась на меня, обомлев и постепенно всё больше краснея, а потом громко рассмеялась. Я что-то сделал не так? Смутился ещё больше и в задумчивости побрёл на кухню.

Позже, когда мы оба, вымазавшись в соусе, уплетали карбонару, «леди» объяснила мне, что такое «комплимент от шефа». Посмеялись уже вместе.

– Но знаешь, – тихо проговорила Катля, смущённо улыбаясь, – эти слова были самыми прекрасными, что я слышала за свою короткую жизнь.

Я был ужасно доволен собой.

Помимо прочего в кладовой обнаружилось несколько бутылок вина. Ничего не понимаю в алкоголе, но пометку в уме всё же сделал. Ближе к отбою нужно обязательно предложить девушке выпить. Это наверняка будет отличным завершением дня.

После обеда мы немного прогулялись по коридорам общежития, любуясь репродукциями картин на голографических экранах. Леса. Водоёмы. Маленькие деревянные домики. Высокие горы, покрытые белой коркой ледников, облаканные лучами солнца. Города, сверкающе стеклянными гранями, зубчатыми профилями вонзающиеся в лазурь. Эти пейзажи, наверняка, вызывавшие у первых жителей станции слёзы тоски и отчаянной ностальгии, казались мне фантастическими. Будто никогда и не было на старушке Земле таких зелёных просторов. Будто небо никогда не отливало синевой, а океаны – ультрамарином. Будто деревьев никогда не росло столько, чтобы можно было выстроить дом.

Я невольно вспомнил слова Катлеи. Что было бы, родись мы там, среди всего этого богатства и благоденствия? Кем бы мы стали? Повстречались бы? Полюбили бы друг друга?

– Марк, – позвала девушка, тронув меня за ладонь. – Расскажи мне побольше о себе.

– Я мало могу рассказать. Только про дурацкие выходки в школе. Как забросали дымовыми шашками туалет для девочек. Потом, кажется, была петарда на уроке у сонного учителя музыки. Ещё мы случайно порвали поваренную книгу в кабинете домоводства. И разбили уйму пробирок на химии... А на физике учитель по моей вине схлопотал электрический разряд. У него волосы встали дыбом прямо как в мультиках.

– Ты был тем ещё хулиганом, – рассмеялась Катля. – Что же с тобой стало?

– Отец умер.

Её ладошка еле заметно дёрнулась в моей.

– Прости.

– Ничего. Я тоскую о нём, но очень горжусь. Он ушёл как герой, а его бригада спасла станцию от неминуемой катастрофы. Та авария восемь циклов назад. Помнишь?

– Так твой папа Вольфганг Фробишер – тот самый Вольфганг Фробишер? Ничего себе! Ему ведь Орден Героя посмертно присвоили! О нём слышал каждый ребенок. Ты – сын легенды.

Я вздохнул.

– Прости. Ты, наверное, подумал: «И что с того?»

– Если чтобы стать легендой обязательно нужно погибнуть, то лучше бы отец был рядом с матерью.

– Понимаю, – Катля грустно улыбнулась и обняла меня, ткнувшись головой в плечо. – А твоя мама? Кто она?

– Агроном. Её зовут Алиса Уткина, и она выращивает деревья в космосе. Знает о них больше всех на станции и любит всем сердцем. Её работа тоже очень важна. Без озеленительных кластеров кислород иссяк бы за несколько дней.

– Как же они с твоим папой познакомились?

– Ну, по рассказам, он пришёл в такой кластер вместе со своей бригадой чинить водопровод. В процессе ремонта сломали какое-то высокоточное оборудование. Мать на него накричала. А на следующий день их видели в ресторане в соседнем кондоминиуме, мило болтающими.

– Надо же, прямо как в кино! – восхитилась Катля, смахнув слезинку.

– По-моему, у нас всё вышло более неуклюже, но куда интереснее, – я улыбнулся и погладил её по щеке.

Мы немного помолчали, прогуливаясь по коридору. Выставка картин кончилась. Вместо этого на противоположной стороне открылось голографическое окно в космос. Млечный путь перечёркивал его сияющим звёздным облаком. Ярко сверкали альфы созвездий, складывались в знакомые с детства фигуры. Старушка Земля, повернувшись к Солнцу каменистой щекой, грелась в его лучах. А вдалеке, немного выше и левее, жёлтым пятнышком виднелась Луна.

– А кем были твои родители, Катля? – спросил я. – В кого ты такая? Наверное, твоя мать играла на пианино. А отец был потомком древнего японского дома, последним хранителем традиций. Я угадал?

Она снова потупилась. Улыбнулась и шмыгнула носом.

– Прости, Марк. Сама иногда гадаю, кем же они были... Я росла в приюте, похожем на этот, только нам разрешали выходить и гулять по станции.

Вот дурень! Расстраивался здесь и горевал о том, как мне одиноко!

– Это я должен просить прощения...

– Нет, – Катля поднесла к моим губам указательный палец. – Не вздумай. Твоя боль – такая же, как и у всех. У тебя есть право горевать об ушедших, а если кто-то скажет, что ты легко отделался, он просто бесчувственный.

Я молчал, не зная, что на это ответить. Девушка отвела взгляд и продолжала, лоя глазами звёздный свет.

– Мы жили недалеко отсюда, почти на самой окраине. Только девочки, из нас, никому не нужных, хотели воспитать прислугу для кондоминиумов. Я была несуразной, странно говорила, а за мои глаза и ступни меня дразнили «Голлумом». Никто не знал, кто это, но всем казалось очень обидным. Я носила огромные шерстяные носки и очень длинную чёлку, почти ничего не видела. Тогда стали обзывать «гномом». Но худшее было впереди...

Её плечи задрожали. Голос сделался ломким от слёз на щеках, но слова не останавливались. Я смотрел на неё, не в силах пошевелиться, потому что от следующей части рассказа волосы на загривке встали дыбом. От термоядерной ярости.

– ...К директрисе приходили странные люди. Они прятали лица и носили одинаковые чёрные плащи. Обычно приходили по ночам. А уходя, забирали с собой несколько девочек постарше. Они возвращались. Некоторые – с дорогими подарками. Другие – со следами побоев. Одной девочке так сильно покалечили руки, что она неделю не могла есть ложкой. Я была слишком маленькой и не понимала, что происходит, но мне было жутко. Стали сниться кошмары, как люди в плащах с длинными руками-щупальцами вытаскивают меня из постели и забирают в непроглядную тьму. Днём кошмары происходили наяву. Меня били. Обливали краской. Резали на мне одежду. Подбрасывали в обувь битое стекло. Я стала объектом вымещения злобы для тех девочек, кто пострадал от рук неизвестных. И не могла понять, почему же меня так ненавидят. А потом, когда я уже почти перестала разговаривать и пугалась каждого шороха, один из людей в плащах указал на меня пальцем, проходя мимо. Директриса оценивающе осмотрела меня и покивала. Я подумала: моя жизнь кончена. Что-то во мне отказывалось это принять, гнало меня прочь, пока была возможность. Ускользнула, пока никто не видел. Долго плутала по тоннелям и коридорам, пока не наткнулась на тот лифт. И оказалась здесь. Одна. Совсем, как раньше, только страшнее. Но одиночество меня больше не пугало. Я решила, что теперь буду жить здесь. Кому сдался этот большой мир, если в нём так тоскливо? Перестала носить обувь и шерстяные носки. Перестала прятать глаза. Училась. Занималась спортом. Смотрела кино, читала книги и удивлялась – оказывается, в мире существуют мальчики. Оказывается, дружба с ними может кончиться чем-то большим. Чем-то прекрасным. Мне всегда хотелось ощутить подобное, окунуться в тот мир, что рисовали авторы книг, но я никогда не верила им до конца. А потом пришел ты...

Я обнял её, прижал к себе крепко-крепко. Обхватил за талию и поднял над полом. Моя маленькая и прекрасная босоногая сладкоежка. Моё сокровище. Мой воздух! Как же жизнь была к тебе несправедлива...

– Идём со мной, – шепнул я ей в самое ухо. – Ты больше не одинока. Никогда не будешь одинока. Давай вернёмся вместе! Моя мать всегда хотела дочку, ты ей понравишься.

– Но я не хочу быть твоей сестрой, – всхлипнула Катля.

– Только на бумаге! Мы будем жить в одной комнате. Спать рядышком. Мать поймёт. Пожурит, но точно поймёт. Я буду ходить в лёгкое училище, получу свой знак и смогу нас обеспечить. Ты можешь подрабатывать переводчиком древних памятников культуры. Уже сейчас ведь всем этим очкарикам фору дашь в языках!

– Хи-и-и...

- А в промежутках между работой будешь играть на пианино в ресторанах.
- Всегда мечтала сыграть на концерте!
- Или озвучивать старые аниме. У тебя ведь такой голос!
- Я – сейю? – изумилась девушка.
- Кто?
- Японский актер озвучки.
- Да. Будешь сейю. Если захочешь. Идём со мной!

Я опустил её на пол и взглянул в заплаканные глаза. Утёр слёзы своим носовым платком.

– То, что ты говоришь, прекрасно, Марк, – всхлипнула Катлея, глядя в ответ. – Я мечтала о том, что вернусь с тобой, каждый день, пока мы были вместе. Сама не понимала, о чём думаю, а когда вдруг поняла, ты пропал... Ну, помнишь, что тогда случилось, – она потупилась и шмыгнула носом. – Но я боюсь большого мира. Боюсь людей. Я прожила здесь семь лет, можно сказать, выросла. Как бы мне ни хотелось пойти с тобой, я не могу решиться. Дай мне время, чтобы ещё раз всё обдумать.

– Хорошо. Как скажешь, – я нежно коснулся её тонкой шеи. – Только не думай слишком долго. Ладно? Я тебя здесь не оставлю, но хотелось бы поскорее навестить мать. Наверное, ей сейчас очень тоскливо и одиноко.

– Ладно, – Катлея снова всхлипнула и улыбнулась сквозь слезы. – Ты – мой самый-самый дорогой человек в этом мире!

* * *

В итоге свидание закончилось тем же, чем и все остальные выходные – мы развернули голографический экран и стали смотреть аниме. Я даже не успел предложить Катлее вина. Ну и ладно. Не велика потеря.

Куда важнее события, предшествовавшие финалу. В конце нашей пешей прогулки мы вернулись к себе и переоделись в домашнее. Девушка выбрала себе толстовку по фигуре и обтягивающие хлопковые лосины. Браслет и ободок, впрочем, остались на местах. Как и шикарная прическа. По достоинству оценив её новый гардероб, я, наконец, поинтересовался, зачем же было так стараться.

– Ну, а вдруг ты встретишь другую и она тебя у меня уведёт? – как будто объясняя великому ученому таблицу умножения, ответила она.

– Кто? Та железная девица? – прыснул я. – Тебе не о чем волноваться. Помнишь, в каком виде мы были, когда целовались в первый раз? Вряд ли что-то с этим сравнится! – смущённо насупилась и продолжал: – Тем более что твоя, ну... обычная внешность всегда казалась мне очень милой.

– Хи-и-и...

Потом мы поужинали. Нормальной едой, приготовленной плечом к плечу, совсем как раньше. Да, это был всего лишь поджаренный с томатами сыр тофу, но он был приготовлен её руками. И потому был в тысячу раз лучше любых ресторанных блюд.

Вернувшись к себе в комнату, Катлея как обычно принялась сгребать в кучу матрас и одеяло, но я попросил её оставить всё как есть. Сбежал до

подсобки за инструментами. Разобрал свою кровать, перенёс по частям в её комнату и собрал уже там, вплотную придвинув к её кровати. Поняв, что я задумал, девушка кинулась ко мне и заключила в крепкие объятия. А потом запрыгнула на огромную постель и развалилась там звездой. Так же в комнату вернулся «Ботинок покорителя женских сердец», как я в шутку окрестил его про себя. Теперь он гордо стоял на тумбочке поверх билета Леонова.

И только после всего этого мы согрели чая, принесли миску со сладостями, забрались под одеяла и включили первую серию «Вайолет Эваргарден». самого милого и одновременно с этим самого пронзительного аниме из коллекции Катлеи. Наблюдали за тем, как голубоглазая красавица с роскошным шлейфом белокурых волос и механическими протезами вместо рук медленно постигает тайны человеческих эмоций. Как превращается из бездушного орудия войны в милую и добрую девушку с трепетным сердцем.

Правда, меня всё подмывало спросить: как же она такими руками заплетает себе косы? Наверняка волосы застревают в шарнирах.

А ещё в этом аниме была пышногрудая и фигуристая тёзка моей миниатюрной и ласковой возлюбленной. Меня подмывало отпустить на эту тему несколько шуточек, но настоящая обладательница самого милого мне имени и без того дулась, с завистью глядя на нарисованную. Потому я просто крепче обнял её и уложил голову на своё плечо.

Катлея снова уснула раньше меня. Так же как и вчера, отвернувшись к стенке. И так же, как прошлой ночью, я обнял её и положил голову на её подушку. Зачем, спрашивается, было перевозить кровать из соседней комнаты, если спим мы всё равно на одной половине?

Затем.

Улыбнувшись этой мысли, я провалился в сон, утопая в аромате её волос.

* * *

После продолжительного фансервиса и завтрака я нашёл в подсобке швабру-пылесос, налил в её резервуар чистой воды и отправился в отсек практических занятий. Пыли здесь было очень много – работы не меньше, чем на четыре часа. Начал я с коридора. Не слишком углубляясь в погоню за каждым катышком, ведь потом предстоит отмыть ещё и классы. И главное – обсерваторию. Это гигантское помещение с подмостками и десятками раскладных кресел.

Каждый день до обеда я занимался уборкой. Комнату за комнатой. Метр за метром. Упорно. Зачем? Была у меня одна идея.

После обеда и сончас Катлея снова погружалась в учёбу и чтение, а я развёртывал купол обсерватории и наблюдал Землю. Старался выверить идеальное время, когда она зависала над станцией во всей своей красе. Рисовал эскизы. Смотрел старые голографические записи, копируя некоторые фрагменты и объединяя вместе. Потом шёл в школу и шарил в сети.

Подготовку к побегу было решено ненадолго отложить. Билет был бессрочным, так что время не поджимало. Нужно было ещё много чего

успеть, пока мы здесь. И главный мой замысел скрывался за повседневной уборкой, наблюдениями и рисованием. Это был мой сюрприз.

Катлея тоже что-то от меня прятала. Мы хитро поглядывали друг на друга во время общих часов, болтали и попутно пытались вывести друг друга на чистую воду. Пока что мне удалось вывести, что в первой половине дня девушка пропадает в общежитии для учителей. А она как-то раз застучала меня за уборкой. Но ни то, ни другое не позволило нам продвинуться в наших расследованиях достаточно далеко. Было очень весело оберегать друг от друга тайны, которые в конце концов предстояло открыть в подходящий момент. И попутно пытаться разгадать тайну партнера, подловить, заставить проговориться. Пожалуй, лучшим временем, что мы провели вдвоём в брошенном приюте, были именно эти дни.

В конце концов, моя подготовка была закончена. Оставался только самый последний этап. Самый сложный и опасный. Сразу после завтрака я отправился на поиски гравитонной платформы для перевозки тяжестей. Глупо было надеяться, что кто-то из персонала просто оставил её на самом видном месте. Я осмотрел каждый служебный тоннель. Каждую подсобку. Каждую комнату, где её могли бросить попользовавшись. Наблюдая за мной, бегающим по всему комплексу, Катлея только пожимала плечами. В конце концов, платформа отыскалась в спортзале, в кладовке с тренажёрами. Изобразив победный жест, я покати её в отсек практических занятий.

А если быть точнее, то в музыкальный класс.

Катлея уже взяла кое-что из этой комнаты, заставленной стульями и пыльными футлярами с инструментами, шкафами со старыми нотными сборниками и увешанной портретами великих композиторов планетарной эпохи. Её электронное пианино. И теперь я пришёл сюда за тем же самым. Только в несколько большем масштабе.

Огромный чёрный лакированный монстр на трёх ногах. Концертный рояль.

Вкатив под него платформу, я включил её и принялся настраивать. Автоматическая система распознала груз и включила «генератор невесомости» – инструмент оторвал колёсики ножек от пола и медленно, почти незаметно поплыл вверх. Когда он оказался на высоте нескольких сантиметров, я зафиксировал его гравитонным захватом. Настежь распахнул гермовторки и покати платформу с роялем к выходу.

Управляться с такой тяжестью в одиночку было непросто. Даже несмотря на то, что большую часть работы выполняла платформа. Рояль весил немало, и, чтобы придать ему ускорение, нужно было приложить большое усилие. Но у меня в запасе было несколько часов времени, так что я катил его медленно и аккуратно, чтобы не поцарапать о косяки.

Наконец, приблизилась заветная цель: двери в обсерваторию. Осторожно провёз рояль внутрь. Поднял на подмости по пандусу, выкатил на их середину. Отошёл подальше и, удовлетворившись результатом, вернулся назад, чтобы выключить платформу.

Оставалось только настроить инструмент. Давние экземпляры планетарной эпохи имели деревянный корпус с металлической рамой, в котором были укреплены ряды колков. Настройщики вертели их при помощи длинных четырёхгранных ключей, ориентировались при настройке на свой острый слух. В моём арсенале не было таких мощных средств. Но и рояль был уже не тот, что делали раньше.

Корпус из углепластика. Колковая механика управляется электронной начинкой. Рама осталась металлической, но немного изменила форму. Помимо прочего добавились ещё магнитные присоски в ножках на случай пропажи тяготения. Включались они автоматически.

В общем, я запустил программу настройки. Рояль быстро пошевелил клавишами, исторг мощный восходящий поток звука и успокоился. Полагаю, он готов. Всё готово.

Я вышел на середину зала. В последний раз проверил все голографические проекторы. Развернул купол и глянул на время. То, что нужно.

Задрав обсерваторию и завесив дверь куском ткани, я пружинящей походкой довольного собой человека направился в сторону общежития. Было сложно, но в срок я уложился.

Завтра раскрою все свои карты. Лучший подарок для Катлеи, на который я только способен.

Вернее, два лучших подарка.

* * *

Вечер восьмого дня декады. Первого из трёх предстоящих выходных.

Я очень волновался перед зеркалом в своей бывшей комнате. Отглаженная парадная форма сидела идеально, но мне постоянно что-то не нравилось. Сгиб воротника рубашки, узел на галстучке, бантик на шнурках левого ботинка. И моя причёска. Это было самым худшим. Дважды пожалел, что не сходил в автоматическую парикмахерскую на первом этаже общежития. Катлея ведь именно там подстриглась. Но было уже поздно.

Готовился к этому событию целых семь дней. И вот теперь у меня совсем не осталось времени.

Ну что ж, хуже уже всё равно не будет.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. И вошёл в нашу комнату.

– Надевай лучший костюм. Сегодня у нас очень знамена...

Кимоно. Настоящее шёлковое японское кимоно с длинными рукавами. С фигурным бантом на поясе. Ткань была алой и как будто переливалась. А когда Катлея повернулась, чтобы я, отвесивший челюсть от глубочайшего удивления, всё как следует рассмотрел, на спине чуть ниже ворота обнаружилась маленькая аккуратная вышивка – цветок орхидеи.

Так вот чем она занималась всё это время! Кимоно сидело идеально, подчёркивало изящную талию и грудь девушки. Сил в него явно было вложено очень много.

– У меня нет слов, – только и смог промямлить я. – Ты в нём как будто светишься.

– Хи-и-и... Даже удивительно, какую красоту можно сшить из обычных штор всего за неделю.

– Но почему именно кимоно?

– Вспомнила вот, как ты назвал меня дочерью потомка японского дома, – улыбнулась Катля. – Решила тебя удивить. Это тоже в некотором роде фансервис. Наслаждайся.

– Уже наслаждаюсь, – рассмеялся я и нежно поцеловал её, погладив по щеке.

Мягко ответив на поцелуй, девушка обняла меня за шею.

– Так что ты там говорил? Что-то про лучший наряд?

– Точно. Ты мне доверяешь?

– Конечно! – не задумываясь, ответила она.

– Тогда завяжи глаза и идём со мной, – я протянул ей специально подготовленную для этого плотную ленту ткани.

– Что-то странное задумал? – игриво поинтересовалась Катля.

– Увидишь. Только в обморок не падай. И не сбегай без предупреждения.

Она смущённо хихикнула.

– Ладно, постараюсь.

Я вёл её по приюту медленно и осторожно, предупреждая обо всех порогах, лестницах и лифтах. Её босые ступни должны быть в безопасности. Некоторое время я раздумывал над тем, не понести ли её на руках, но потом решил, что время для этого ещё найдётся. Нехорошо будет, если она попортит причёску и свой наряд.

Мы вошли в отсек практических занятий. В молчании прошагали по коридору. Повернули за угол. И наконец, оказались перед дверью в обсерваторию.

– Можешь открывать глаза.

– Хорошо. Марк, что ты всё-таки задумал? Где мы?

– Хочешь узнать? Загляни за штору.

Катля заинтересованно отодвинула полосу ткани, которой я заранее завесил дверной проём. Сунула внутрь носик. Раздались громогласные аплодисменты и овации, в них потонуло всё вокруг. Девушка юркнула назад в коридор и прижалась спиной к стене. Её глаза округлились. Дыхание сделалось частым. На лбу проступила испарина.

– Что? Что происходит? – немедленно поинтересовалась она.

– А на что это похоже? – улыбнулся я в ответ.

– Ну, там очень много людей. Они держат в руках плакаты. На плакатах написано моё имя. И нарисованы сердечки.

– Так, а ещё?

– Еще там рояль из музыкального класса. Над ним микрофон на стойке. Купол развёрнут, и старушка Земля так ярко сверкает!.. А над роялем по бокам сцены длинные красные гербовые флаги с орхидеями... – Катля взглянула на меня. – Марк... Это... Это... Что это?..

Вместо ответа я ухмыльнулся и выбежал на подмости. Выдернул микрофон из держателя и обернулся к толпе.

– Дорогие друзья! Свершилось! Я с гордостью объявляю вам, что прямо сейчас за кулисами звезда этого вечера собирается с духом. Вы знаете её, как прелестный дикий цветок чистого и страстного пламени, выросший на окраине станции. Вы любите её всем сердцем! Так поприветствуйте же от всей души нашу звезду на её первом сольном концерте! Встречайте: Катлея!

С широкой улыбкой я указал ладонью на вход в обсерваторию. Толпа обернулась к нему. А в следующее мгновение шустрая алая молния взлетела на сцену и радостно раскинула руки, словно хотела обнять сразу всех зрителей. Мы потонули в овациях.

– Ты сумасшедший, – шепнула она, дёрнув меня за рукав, и счастливо рассмеялась. – Как ты это всё сделал? Когда?

Вместо ответа я ухмыльнулся и дважды стукнул указательным пальцем по лбу. Многозначительно поднял брови.

А потом вернул микрофон на место и нырнул в толпу, заняв единственное в зале свободное место. Прямо перед её банкеткой, чтобы видеть каждое движение ловких пальцев.

Катлея прижала руки к груди и поклонилась залу в пояс. С широкой улыбкой и прямой спиной пересекла сцену. Овации стихли. Прямо сейчас сотня голографических человек и я – единственный настоящий – не отрываясь и боясь даже вздохнуть, следили за ней во все глаза. Вот она села за рояль, настроила высоту сиденья. Подвинула микрофон поближе к губам. Положила пальцы на клавиши.

Из-под них полились чистые и прозрачные звуки. Сперва еле слышные, но громкость постепенно нарастала. Мелодия становилась всё отчетливее, всё резче и твёрже, в ней слышались отголоски далёкого грома. Я сразу узнал мелодию. Композиция «Дождь» из альбома «Утраченное» современного музыканта Фёдора Мάρьина. В переложении для фортепиано. Рояль под пальцами Катлеи урчал и раскатывался, свистел в ушах и звенел искристыми каплями влаги. Гремел и ревел бурей звуков. На несколько минут обсерваторию объяла земная гроза из далёкого прошлого. Метушася. Яростная. Вызывающая трепет перед неистовой силой стихии.

А когда она ушла, отгремев вихрями нот, зал наполнила душистая свежесть. В последнем звуке слышалось далёкое забытое пение птиц.

Несколько мгновений зал молчал в потрясении. А потом взревел, возбуждённо аплодируя.

Широко улыбаясь, Катлея махала мне рукой. Мне одному.

Следующим был этюд Шопена. Опус двадцать пять, номер пять. Осколок давно потерянной классической музыки, оставившей след в сердцах людей по всей планете. Затем душеспитательный отрывок из музыки к фильму «До Каллисто и обратно». Потом, похоже, Бах. Девушка в кимоно с подвязанными рукавами играла великолепно. Страстно. Чувственно. Светло и мрачно. Яростно, будто гремя железом о железо и

мягко, словно поглаживая поверхность воды. Завораживала. Её звук рассказывал историю. Показывал отрывки чужих воспоминаний, застрявшие в нотах. Взывал к самому сокровенному.

Но главное было впереди.

Исполнив шесть инструментальных композиций, взмокнув, но счастливо улыбаясь, Катлея отдышалась, сыграла коротенькое вступление и запела. Мягко и тихо, осторожно касаясь голосом каждого слова. Так же, как касалась клавиш пальцами. Я узнал мелодию и обомлел. Вступительная песня из «Вайолет Эвергарден». На японском. Голос был чистым и высоким, таким красивым и мелодичным, что я невольно засомневался, та ли это Катлея. Когда мы впервые повстречались, её крик казался раздражающим и неприятным, как скрип ногтя по стеклу. Но не теперь. Эта девушка совсем другая. Та же, но не та. Мы оба изменились до неузнаваемости за декады, что провели вместе.

Мощный и упругий припев с немного грустным и пронзительным мотивом пробирал до мурашек. Я не верил своим ушам.

Звезда сегодняшнего вечера исполнила ещё две незнакомые, но очень красивые песни на японском. Одну на французском. Две на английском. Одну на русском. И ещё одну на всеобщем – романтическую песню из титров «Падшего ангела». Зрители были в восторге. Казалось, даже старушка Земля над её головой тихонько улыбается, морщина каменистые щёки. С глубокой гордостью за дитя космоса, возродившее на один вечер воспоминания, чаяния и мечты давно почивших детей планетарной эпохи. Как же жаль, что кроме меня этого великолепия никто не слышит!

Но это был ещё не конец.

– А теперь я сыграю для вас, дорогие друзья, песню, которую написала совсем недавно, – проговорила Катлея. – Как-то раз я глядела в окно на космос и на наш потерянный дом. Думала о том, как же там жилось. Что чувствовали люди, покидая поверхность. И что чувствовали те, кому было суждено остаться. Как глядели на рвущиеся в небесах ракеты тех, кто не смог спастись, на покореженные обломки металла, падающие в океан... Старушка Земля всегда казалась мне очень грустной. Грустной и одинокой. Об этом моя последняя на сегодня песня.

Всё началось с единственного тихого и тусклого звука. Следом пришло ещё два. Следующие сложились в тоскливую мелодию, механически повторяющуюся, будто её играла сломанная машина.

Голос был тихим, будто шёпот.

Я немного понимал английский. Его преподавали в кадетском корпусе, потому что большинство древних приборов использовало этот язык в качестве основного. Потому слова Катлеи были для меня ясны.

Они оставляли внутри необъяснимое чувство пустоты.

Я видела окна в огне,
сжигающем папки
поблекших воспоминаний.

Я видела уставшие ветряки.
Ничто не совладеет
с песком и ветром.
Я видела опустевшие города.
Когда никого нет вокруг,
они живут своей жизнью.
Наши братья рассчитали бессердечные
мили, которые свет лишь пересекают.
Снарядили плаванье в небеса.
Люди ушли.

На последний слог она яростно ударила по клавишам. Мелодия из вступления повторилась, сделалась тяжёлой, сыгранной будто в исступлении. Волосы на моей голове встали дыбом. Ярость и одиночество. Отчаяние. Глухое и тёмное, будто космос.

Катля продолжала, чеканя каждое слово:

Я видела, как они оставляют города,
как пакуют сумки забытых вещей.
Я видела, как они чертят по небу
Огненными хвостами.
Помню тот день.
Я видела, как металл падает вниз,
чтоб утопить в одночасье
все надежды и веру.
Наши братья оставили мёртвых позади,
Чтоб приручить для себя дикую силу звёзд.
Люди ушли.

И снова та же мелодия. Она делалась всё пронзительней и грубее с каждым повторением, и теперь напоминала яростные и отчаянные удары кулаками по двери, за которой ждёт спасение от неминуемой гибели. Но дверь так и не открылась.

Вместо этого мелодия разрешилась светлым и печальным аккордом.

И вот мы смотрим на звёзды,
живём в грязи,
молим о помощи
холодные небесные огни.
Наш дом погиб,
и мы – всё, что осталось
от старых добрых времён.

Наступила тишина. Отгорал последний звук. А потом, когда казалось, что песня уже окончилась, мелодия заиграла вновь. Катля вторила жалобным вокализмом. Будто плач. Последний плач древней всепрощающей защитницы о покинувших её детях.

О нас.

Песня завершилась мрачным и низким аккордом, гремевшим в гулкой тишине, пока пальцы не соскользнули с клавиш.

Я отключил голограммы зрителей. Овации после такого неуместны. Это был реквием по планетарной эпохе, написанный маленькой девочкой. Маленькой и одинокой. Как сама Земля.

* * *

– Когда это ты успела сочинить такую тоскливую песню?

Катлея поправила чёлку и, улыбнувшись, пожала плечами, лежа у меня на руках. Я нёс её назад к нам домой через весь комплекс. Миниатюрное девичье тело под алым шёлком дышало жаром и влагой. Какие же девушки всё-таки мягкие и нежные на ощупь! Даже такие жилистые.

– Тогда, – просто ответила она. И на этот раз я всё понял.

– Прости.

– Прекрати, – попросила Катлея, уложив голову ко мне на плечо. – Мы оба прекрасно всё понимаем и нам обоим есть за что просить друг у друга прощения. Если бы я тебе всё рассказала с самого начала, ты бы не задержался здесь так надолго. Мы бы не узнали друг друга так хорошо. Не поссорились бы. Не помирились бы. И эта песня так никогда бы и не прозвучала. А если бы ты не накричал на меня, я бы чувствовала свою вину всю оставшуюся жизнь. И никогда бы тебе не смогла открыться.

Я пронёс Катлею через гермовторки общежития и направился к лифту.

– Когда это ты успела так повзрослеть?

Она мелодично хихикнула, прикрыв ладошкой игривую улыбку.

– Девочки быстро растут, ты не знал? Кстати, какой сегодня день?

– Триста пятьдесят восьмой от начала цикла, – ответил я, немного подумав.

– А что?

– Согласно записям из моего приюта, я родилась за пять дней до начала цикла. Катлея, семнадцать лет, есть парень. Приятно познакомиться!

– Так ты ещё и старше меня?!

Девушка громко и победоносно рассмеялась, вскинув руки. Я насупил и вышел из лифта. Эта полутораметровая малявка, сладкоежка, девочка-ракета и любительница аниме старше меня на целых полцикла! Якорь мне в дюзу! Это не может быть правдой.

– И вообще, почему не сказала? Мы бы отпраздновали твой День Рождения как следует. Я бы приготовил тебе подарок...

– Но ведь ты и так приготовил, – улыбулась Катлея, нежно коснувшись моей щеки. – И я тебе очень благодарна. Это был лучший подарок из всех!

– Рад, что тебе понравилось, – я в очередной раз ощутил, как краснею.

– Если честно, думал, что ты очень испугаешься и просто сбежишь.

– Я и правда очень испугалась! Представь себя на моём месте! Ты живёшь семь лет совсем один, а потом сразу попадаешь в огромную толпу людей. Так и свихнуться можно!

– Наверное.

Двери лифта раскрылись, выпуская нас в коридор. Наша комната была совсем близко. А значит, время для второго подарка – тоже. Я старался не подавать вида, но был очень взволнован.

– Потом я вспомнила, где мы с тобой живём, и поразила твоей изобретательности. Ты ведь всё это устроил всего за неделю!

– Так же, как и ты с кимоно. Оно получилось очень красивым.

– Хи-и-и...

– Но знаешь, ты прекрасна в любом наряде, – я улыбнулся, проходя за порог. – Потому что ты – это ты.

– Ты опять бьёшь все рекорды! – рассмеялась Катля. – Эта фраза – неотъемлемая часть лёгких романтических комедий.

– Клянусь, я выучу все заезженные реплики из всех фильмов и в твоём присутствии буду говорить только ими!

– Интересно было бы на это посмотреть!

Смех сделался ещё громче. Я пересёк комнату и усадил её на кровать. Отошёл в сторонку, собираясь с мыслями. Как же волнуюсь! Сосредоточиться совсем не выходит. Я сунул руку в карман. Стиснул носовой платок и маленький кусочек металла, завёрнутый в него. Сейчас или никогда.

Тонкие ладошки поднырнули под моими локтями и сцепились на животе. Округлый лоб упёрся в спину между лопаток.

– Девочки очень быстро взрослеют, – тихо повторила хозяйка ладошек с улыбкой. – Особенно когда рядом есть тот, кто их вдохновляет. Ты ворвался в мой замкнутый мир, Марк, и разрушил его стены. Расширил границы. За это я тебе очень благодарна.

Я обернулся к ней. Взъерошил волосы.

– Чего это ты вдруг, Катля?

Вместо ответа она взмахнула рукой. Свет в комнате погас. Включенным остался только фигурный торшер на тумбочке рядом с кроватью, служивший нам ночником. Рядом с ним я разглядел аккуратно сложенное полотенце. Разве оно было там утром?

– Мне семнадцать. По меркам древних я уже почти совсем взрослая, – в её огромных глазах мелькнула незнакомая искра. – И раз уж речь зашла о моём Дне Рождения, у меня есть желание. Без торта и свечей, просто так.

– Катля...

– Нет, подожди! Я тут вообще-то с мыслями собираюсь.

– Ладно.

– Я оделась сегодня так не просто потому что вспомнила твои слова. После того, как посмотрела уйму романтических аниме с грустным концом, мечтала о том, чтобы кто-нибудь нёс меня в юкате через весь комплекс так, как ты сегодня, – Катля опустила голову и стиснула своими похолодевшими от волнения пальцами мои ладони. – Никогда не думала, что этот день правда настанет. И подумать не могла, что буду такой смелой с тобой, Марк.

Она снова подняла голову. Я заглянул в её глаза, отражающие приглушённый желтоватый свет торшера. Делаящиеся в этом свете такими глубокими и

тёплыми. В этих широко распахнутых омутах космоса таилась бездонная тьма, готовая поглотить меня без остатка. Пылал яростный и жаркий огонь тысячи звёзд.

Увидев всё это, я на мгновение замер. Сердце знало: мы вступили в неизведанное. Оно уже вокруг нас. Внутри нас. В воздухе, который мы вдыхаем. В наших венах колким жаром разливается под кожей. Страх перед новым сковал меня ледяными цепями. Но лишь на мгновение.

А в следующее я поцеловал Катлею, запустив в её волосы растопыренную пятерню. Металлический ободок тихо стукнул о коврик. Она ответила на мой порыв с неистовой страстью. Не успел осознать или хотя бы заметить, как моя ладонь, миновав запахнутые внахлест полы, коснулась нежной бархатной кожи на её спине. Прелестная дева похоти шумно вздохнула, отстранилась и обнажила плечико. Потом руку целиком. А ещё через мгновение весь верх кимоно вместе с рукавами потянулся к земле, повиснув на туго затянутом поясе.

Кусая губы, страстно-голодным взглядом девушка-кошка следила, как я расстёгиваю пуговицы на вороте. Не стерпев, стянула с меня галстук и рубашку через голову. И снова прильнула ко мне, повисла на шее, наслаждаясь близостью наших тел. Её нежная кожа обжигала. Катлея не отпускала меня, пока я на ощупь распутывал узел на её поясе. Продолжала целовать, помогая мне свободной рукой. А когда он наконец сдался, упал на пол вместе с алым шёлком, открыв её изящную талию, плоский живот и крепкие округлые бедра во всем их незабываемом великолепии, она обхватила мои плечи, скрестила лодыжки за моей спиной.

Нужно остановиться, пока ещё не поздно.

Не отпуская сладострастную бесстыдницу, я потянулся к тумбочке. К тайному запасу, который хранил среди носков последнюю декаду. На который давным-давно наткнулся в комнате одного из учителей и с пылающими щеками сунул в карман.

Но Катлея меня остановила.

– Будь со мной в этот раз без остатка, – шепнула она, глотая вдохи. – Доверься мне. Прошу тебя.

И я пропал. Рухнул в её жаркие объятия. Мы стали единым целым, слились, растворились друг в друге без остатка, и...

Да двадцать раз мы растворились! Такое жаркое, страстное, срывающее тепловые заслонки начало и такое невнятное, неуклюжее продолжение! Знаете что, любители посудачить о запретном и неизведанном в общезнании после занятий? Знаете? Горите вы все в термоядерном огне! Пусть ваш прах послужит станции топливом! Хоть какая-то польза будет. Тоже мне, самое знаменательное событие. Тоже мне, врата во взрослую жизнь!

Створки тех самых врат скрипнули на несмазанных петлях, так и не отворившись как следует.

И когда эта паника в темноте наконец закончилась, я уселся на край кровати и в пылающем сотней раскалённых иголок смущении взъерошил себе волосы. Уставился на ворох алого шёлка, лежащий у моих ног.

Это сложнее, чем пилотировать космический дрон. Те, кто считает иначе, – олухи толстокожие. Ведь игра стоит жетона только если любимая тает в твоих объятиях.

Катля тихонько поднялась с постели и обняла меня, прильнув к моей спине и положив подбородок на плечо. Ткнулась носиком в ухо. Шумно выдохнула.

– Дурень, – шепнула она. – Чего расстроился? Я люблю тебя и ни капельки не жалею.

– Не в этом дело...

– Сегодня восьмой день декады, – улыбнулась она. – Впереди ещё целых два дня. Наверстаем.

Я нежно поцеловал припухшие губы. Какая же ты красивая в этом желтоватом свете!

Мы наверстали. На следующий же день. Катля объявила праздник хождения нагишом, запретив прикрываться даже полотенцем. Такие радикальные меры требовали радикальной работы над собой, но вызов я принял, гордо расправив спину. Даже заключил с ней пари. Оба выиграли. И оба получили награду.

Раньше я не замечал, но под правой ключицей у неё небольшой шрам. В форме ключика. Мне было очень интересно, откуда он взялся, но я так и не решился спросить.

Я учился. Внимательно следил за ней, слушал дыхание, её хриплый голос, гладил подёргивающуюся мурашками кожу. Впитывал. Осваивал управление. Учёба медленно приносила плоды.

Прямо говорить об этом мы пока не могли, но я видел всё в бездонных глазах. Замечал, как они подёргиваются сладостной пеленой. Слышал в ритме дыхания. Ощущал в её прикосновениях. В том, как она выгибает спину. В том, как сплетаются наши пальцы.

И ещё в том, как заплетался её язык во время недолгих разговоров. Катля путала местами слова и буквы, временами переходила на японский или русский. Когда это случалось, я запускал пятерню в её волосы, и она замолкала совсем, подставляясь под руку, как кошка. И, кажется, даже негромко мурлыкала.

На второй день мы решили, что неплохо было бы сходить в душ. Спорю, этот приют ещё не видел такого бесстыдства. Чтоб двое учеников разного пола тёрли друг другу спины под струёй воды, а потом забыв обо всем набросились друг на друга, вымазавшись в мыле!.. Да ни в жизнь! Но это было только начало. Мы исследовали общежитие вдоль и поперек. Потом – мягкую зону в парке. Игровые автоматы. Кинотеатр. На школьном отсеке мои запасы подошли к концу, и мы отправились в общежитие для учителей на поиски новых.

Нашли и отправились в обсерваторию. Главное – случайно не включить голограммы с концерта. Это уже будет чересчур.

И мы лежали на принесённом мной матрасе прямо посреди огромного зала. Над нами раскинулся космос во всём своём тёмном и мерцающем

великолепии. Глаза любимой были глубже. Ярче. Она положила голову мне на плечо и тихо сопела, её плечики золотились в сиянии старушки Земли.

Она была так прекрасна.

– Знаешь, Марк, – шепнула Катля, поглаживая пальцами мою грудь. – Я решила, что пойду с тобой. Ну, то есть, я знала, что соглашусь, в ту же секунду, как ты мне предложил, но окончательно поняла, что пора, только недавно.

– Вот как? – улыбнулся я,

– Ага, – девушка тоненько и мелодично хихикнула. – Ты смотрел фильм «Синее пятнышко»?

Я помотал головой.

– Это очень старый фильм. Ему лет семьдесят! Если вкратце, пассажирский космический лайнер терпит крушение в глубоком-преглубоком космосе. Вроде бы на астероид налетают. Капитан и навигатор замечают недалеко крохотную синюю пла... *планету* и решают взять курс на неё. *Бух!* В результате лайнер сгорает *наполовину* и падает в океан. Выживают трое: маленький мальчик, маленькая девочка и... горничная с палубы первого класса. Но она оказывается андроидом. Так вот, к чему это я... – Катля сладко зевнула. – *Все троём попадают на необитаемый остров. Горничная вскоре ломается, и дети остаются одни. Они взрослеют там, учатся ловить рыбу, делать одежду из листьев, строят дом...*

– Милая, ты опять.

– *Правда?* Тьфу ты!.. Прости, о чём мы?.. Они взрослеют, учатся ловить рыбу, одеваться, строят дом... А потом – как мы последние три дня.

– И чем же всё закончилось?

– У них родился сын. Они нашли среди обломков лайнера работающий челнок и отбыли с планеты. В нём и погибли от кислородного голодания.

– Блестяще.

– Так вот, – продолжала Катля, улыбнувшись. – Представь, что будет с нами. Мы здесь совсем одни. *Jeuneetamoureux*, как говорится. Рано или поздно я захочу от тебя ребёнка. Или у нас просто закончатся *запасы*. Выношу прелестного младенца, который будет красив как я и умен... Тоже как я...

Мы рассмеялись.

– Вот... И нам ведь нужно будет вырастить его в любви и заботе, верно? Сделать сильным, как ты, и решительным, как ты, и добрым, и немногословным, и рукастым – тоже как ты, – она нежно меня поцеловала. – Представь, что будет, когда наше с тобой драгоценное дитя выйдет отсюда в большой мир, никогда не видев людей, кроме матери и отца. Понимаешь, о чём я? По сравнению с его страхом и незащищённостью перед опасностями человеческого общества мои – будто свеча против костра.

Голос Катлеи дрогнул, по щеке пробежала слезинка. Я крепче обнял её и погладил по волосам.

– Мы должны вернуться вместе, – заключила она. – Вырастить наше дитя в любви и заботе. Помочь ему стать частью общества. И научить быть счастливым, будучи этой частью. А прежде мы сами должны этому научиться. Все ради него.

– Катля...

– Чего?

– Как же я рад, что повстречал тебя!

– Хи-и-и... А уж я-то как рада! Давай всегда-всегда будем вместе и никогда-никогда больше не расстанемся!

– Слово кадета.

– Слова любимого мне достаточно.

* * *

Мы собрали все важные и памятные вещи, упаковали их в матерчатую сумку, ремень которой я перекинул через плечо. На всякий случай, я захватил с собой немного инструментов. Катля плакала, обнимая свои книги. Свой торшер. В последний раз стёрла пыль с фигурок и флажков. Нежно дотронулась до каждого плаката. Я долго гладил её по волосам и шептал слова утешения. Оставлять эту комнату, эту скромную и укромную обитель, видевшую наше первое чаепитие, наше медленное, незаметное сближение и наши страстные ласки, было очень тоскливо. Мы посмотрели заключительную серию «Вайолет Эвергарден», в последний раз вскипятив чай. Несколько минут стояли, обнявшись, на мягком коврике, обводили взглядом каждый угол. А потом написали прямо на столе несмылаемыми маркерами послание для будущих жителей комплекса. Подробно изложили, как именно собирались его покинуть. А в качестве заключения написали короткую фразу: «В этой маленькой, но уютной комнате счастливо жили Катля и Марк. Пожалуйста, протрите пыль. Удачи вам». И оставили рядом два отпечатка ладоней. Мой, широкий и длинный, тёмно-синий, а рядом – маленькая алая пятерня любимой.

Прощай, наш первый общий дом. Мы навсегда сохраним тебя в своем сердце. Навсегда запомним дни, проведённые здесь. Дни, которые подарили нам друг друга.

И вот наступил тот самый час. Час нашего побега. Если присмотреться к созвездиям в обсерватории, то становилось понятно: мы находимся где-то в районе главной дюзы – в хвосте станции, который в конце цикла смотрит точно от Солнца. Однако как нам добраться по поверхности до ближайшего шлюза – всё ещё большой вопрос. Сеть внутри не ловила, а брандмауэр школьного отсека не разрешал пользоваться картами. Оставалось надеяться, что когда мы окажемся на внешней палубе, скайлинк поймает сигнал, и карты заработают. Потому мы оба немного волновались. Но держа за ладошку своё сокровище, я невольно становился увереннее. Мы выберемся отсюда. Ради друг друга. Вместе справимся с любыми препятствиями.

Мы поднялись на лифте к заветному выходу. Подойдя к гермовторке, ведущей в шлюзовую, я вставил в приёмник турникета билет Леонова.

Толкнул стальную дверцу, покрытую обожжёнными шрамами. И она легко поддалась. Впервые за столько дней. Катлея последовала за мной, вставив свой билет.

Она выиграла его в каруту пару дней назад. Рассказывала, что раньше были и другие автоматы, раздававшие такие пропуска. Например, очень реалистичный симулятор гравитационных маневров. Или викторина по литературе планетарной эпохи. Но ещё до того, как сама девушка оказалась здесь, запас билетов в таких автоматах закончился. Видимо, время, проведённое в невесомости в открытом космосе, считалось здесь особым видом поощрения, и дети из кожи вон лезли чтобы получить дополнительные часы. Или, может быть, они тоже пытались сбежать отсюда по поверхности станции?

Мы оказались в заветной комнате. С одной стороны – шкафчики для личных вещей. С другой – стройные ряды пыльных бесформенных комбинезонов, развешанных на хранение вдоль длинных рельс на потолке. Костюмы защиты от экстремальных температур. Неподалеку у стены стояли круглые кабины около метра в диаметре, очень напоминающие душевые. На их стеклянных дверцах красовались цифры «1» и «2». Шлюз был задраен. Как только я приблизился, чтобы глянуть в иллюминатор, перед гермостворкой высветилась голограмма-предупреждение: «Без скафандра вход воспрещён».

– Знаешь, как этим всем пользоваться? – я обернулся к Катлее и обвёл рукой ряды костюмов.

Та в ответ пожала плечами.

Значит, проведём краткий инструктаж.

– Сперва нужно переодеться в термокомбинезон. Выбери себе по росту, надень на голое тело. Потом становись вон в ту кабину, – я указал пальцем на «душевую» номер один. – Машина подгонит комбинезон по размеру.

Девушка послушно нырнула в гирлянду серебристой ткани. Сбросив с плеча сумку, я присоединился к ней. Мы нашли себе по костюму и в нерешительности замерли посреди комнаты. Где отдельные зоны для переодевания? Почему во время планировки не предусмотрели хотя бы перегородку?

– Отвернись, – попросила Катлея, порозовев щеками.

Сама ведь недавно устраивала день хождения голышом, чтобы побороть смущение. До чего же девушки странные! Хотя, я её отчасти понимал. Даже те достопамятные выходные не смогли полностью вытравить из меня смущение. К тому же, одно дело – дома, и совсем другое – на пороге шлюза в открытый космос.

Я разделся, стоя к любимой спиной, и принялся натягивать комбинезон. После чистки и мойки они принимают исходную форму, делаются очень просторными. Ткань висела на мне мешком. По крайней мере, перчатки и подошвы были по размеру.

– Готова, – подала голос Катлея. – Только немного тесно в груди. И ещё подошвы маловаты.

Этого следовало ожидать.

Она осмотрела меня и рассмеялась.

– Ты выглядишь, как будто сбросил килограммов шестьдесят!

– А ты – как будто попыталась влезть в форму из начальной школы. Заходи в аппарат и стой спокойно. Не бойся.

– Я уже не маленькая, – насупилась девушка.

– Знаю-знаю... Но всё равно, стой спокойно. Ноги пошире расставь, и руки держи как можно дальше от тела. Вон на полу отметки, видишь?

Она находилась в кабине за закрытой стеклянной дверцей всего несколько секунд. Множество роботизированных конечностей подгоняло ткань по фигуре, мелькая так быстро, что уследить за какой-то одной было очень сложно. Комбинезон на глазах поменял форму. Прорезиненные наколенники и подкладки на локтях заняли свои места. Подошвы немного вытянулись. Перчатки – наоборот, съжились, чтобы не стеснять движений пальцев.

Катлея покинула машину, сверкая металлизированными нитями, словно её обернули матовой фольгой. Прошлась, осматривая себя со всех сторон. Встала на идеальный мостик, оторвала левую ногу от пола и вытянула её вертикально. Оттолкнулась правой – и несколько мгновений продержавшись на руках с идеальным шпагатом, снова встала на ноги.

Пожалуй, этот наряд выглядит на любимой ещё откровеннее, чем если бы она была без него. Вот пакость! Не думал, что такое возможно. Лучше сосредоточиться на лице. Скажем, на переносице.

– Я сохранила костюмчик, – шепнула девушка с игривой улыбкой, встав на носочки и ткнувшись носом мне в ухо.

– Хватит.

Мелодично хихикнув, она упорхнула прочь – собирать в сумку нашу одежду. Бесстыдница! А ведь только что сама краснела и просила отвернуться. Без одежды, значит, смотреть нельзя, а в обтягивающей и сверкающей – можно. Всё-таки, девушки и вправду странные. Я пожал плечами и залез в кабину.

Несколько секунд превратили меня из резко похудевшего сладкоежки обратно в себя. Только в формате «Стардаст». Прямо как какой-нибудь эпатажный артист.

– Ладно. Следующий аппарат проверю первым. Отойди подальше.

– Зачем это? – насторожилась Катлея.

– Ну, бывает, искрит немного, – соврал я. – Не волнуйся.

Не хотелось вспоминать, как неисправный автомат по сборке скафандра сломал на моих глазах одному кадету обе руки.

Я вошёл в кабину и поставил ступни на жёлтые отметины. Стеклянная дверца опустилась. На глазах девушки механические манипуляторы надели на меня титановые сапоги. Затем – перчатки. Следом был защитный нагрудник. Потом всё это обернули гибким и эластичным композитом со специальными прочными складками в местах сгиба конечностей. Подогнали по фигуре, спеленали углеволокном в качестве силового барьера и прикрыли тканью-хамелеоном. Накрепко спаяли за спиной и зашнуровали. Нацепили

на это место ранец с запасом воздуха, аварийным маяком и батареей. Последним был металлический шлем, полностью скрывающий голову. Перед глазами зажглись окуляры. Картинка несколько раз мигнула, линзы подстроились под мои глаза.

Готово.

Автомат провёл несколько тестов на герметичность, результат отобразился на экране внутри шлема. Никаких отклонений не выявлено. И всё же риск есть каждый раз.

– Ого! – протянула Катля, восхищённо выпучив глаза. – Кажется, теперь я понимаю, почему мальчикам нравятся такие штуки.

Через несколько минут мы уже стояли посреди шлюза. А там, за иллюминатором гермостворки открывался вечный простор. Бездонный, глухой и холодный. Нестерпимо ярко светило Солнце. Давление в шлюзе понемногу убывало: работали насосы. Ни грамма драгоценного газа космосу! «Протокол работы шлюзовых запоров», принятый десять циклов назад, привёл к огромным энергетическим затратам на откачку воздуха, зато существенно снизил его непосредственный расход. В итоге это оказалось дешевле, чем поднимать сжиженный газ или химикаты с поверхности.

Потому мы ждали. Гигант с титановыми ступнями, внутри которого находилась теперь Катля, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. До чего эти скафандры тяжёлые, а она всё равно не может не шевелиться.

– Ты раньше бывал в открытом космосе? – проговорил голосом девушки динамик в правом ухе.

– Каждую неделю, – ответил я, припоминая расписание. – Нас готовили для разных профессий. Кто-то после корпуса становится инженером-ремонтником. Или строителем. Или прокладчиком трубопровода. Даже пилотам не повредит такая практика. К скафандру лучше всего привыкать с детства. Тогда, случись что, не будешь дрожать от страха, а чётко и быстро примешь меры, чтобы сохранить свою жизнь.

– Я люблю тебя, – выпалила Катля.

– Я тебя тоже люблю, – удивлённо-обрадованно ответил немедля. – Но чего это ты вдруг?

– Ну, ты выглядишь так круто в этом скафандре, прямо как герой из фильма про космос! А говоришь такие неопишуемые вещи таким будничным тоном! Как будто реплика из сценария, но ведь это всё взаправду! Я просто сражена!..

– То есть, раньше я казался тебе обычным скучным парнем из кондоминиума средней руки? – я рассмеялся. – И ты всё равно в меня влюбилась. Дурында!

– Сам ты дурень, если, будучи таким незаурядным, полюбил простую серую мышь, обнимающуюся с пыльными книгами!

– Какая же ты мышь? Скорее кошка. И притом вовсе не простая. Это ведь благодаря тебе мы оба здесь, в конце концов! Ты самая симпатичная, страстная и гибкая книжная кошка во всей станции.

– Хи-и-и... «Книжная кошка». Звучит странно, но принимается, – растаяла Катля. – Надо будет потом изучить архивы на предмет аниме...

– Процесс декомпрессии завершён, – сообщил женский голос в динамиках. – Приготовьтесь к открытию шлюза.

В полной тишине гермовторка медленно отворилась. Я вышел вперёд. Звуки шагов глухим эхом отдавались в костюме, словно где-то очень далеко по бронированной обшивке станции стучали молотком. Ботинок стукнул о внешнюю палубу. Сработали магнитные присоски. Осторожно пригнувшись, насколько позволяла гибкость костюма, я пролез через створку. Пристегнул к поясу страховочный трос.

Даже здесь, в космосе, люди, презревшие планетарного бога, продолжали верить в приметы. «Перешагивай порог с правой ноги. Пристёгивай страховку левой рукой». Я слышал это столько раз, что следование маленьким ритуалам вошло в привычку. А ещё такие высказывания всегда сопровождалось нагоняющими жути байками инструктора. «Вот, помню, была бригада Карлсона, обслуживающая главную дюзу, так там один новичок перешагнул порог шлюза левой ногой. В тот же день всех унесло в открытый космос...» И тому подобные истории. Никто, впрочем, в такое особо не верил, но на всякий случай перешагивал правой и пристёгивал левой. Мало ли что.

– Па-а-а-а... Па-а-а-а... Па-а-а-а!.. ТА-ДА-А-А-А!!! – захрипели динамики. – Это маленький шаг для человека, но огромный – для всего человечества!

Катля! Мы же не на Луне, в конце концов.

Я помог ей выбраться из шлюза и прицепить страховочный трос. Катушек было восемь. Вероятно, шесть – для учеников и две – для инструкторов. И ещё, насколько можно было судить по обстановке шлюзовой, мальчики ходили сюда отдельно от девочек.

– Отрегулируй теплообмен. Пока мы на теневой стороне, снаружи лютый холод. Наверное, придется включить обогрев термокостюма, пока осматриваемся.

– Ясно, – протянула девушка. – А как открыть меню?

– Так же, как и у скайлинка.

Я отошёл на несколько шагов. Над головой сверкающего тканью-хамелеоном гиганта появился маркер: «Ученик #223748. Катля. Статус: в безопасности. Температура поверхности тела: 36,6°C↓. Дыхательная смесь: 4 часа». Привычным жестом я свернул окошко состояния. Теперь на экране было написано зелёными буквами: «Катля (4 ч.)».

– Так, вроде бы разобралась, – она сделала несколько жестов правой рукой. – Всё, готово. Совсем как в играх. Что дальше? Ох, божечки-кошечки!..

– Что? В чём дело? – всполошился я.

Вместо ответа девушка подбежала ко мне и указала вдаль.

Космос.

Прямо перед нами расстилалась сверкающая плоскость палубы. Бортовые фонари освещали её мертвенным сиянием, звёзды отражались в ней, и делалось похоже, будто мы стоим на невидимом мосту, протянувшемся

прямиком к соседнему рукаву Млечного Пути. Огней было столько, что всем словам в книгах Катлеи не охватить их разом. Но сколько бы не было света в этом царстве вечности, каким бы великолепием оно не сверкало, вокруг был только холод. Космос тянул свои невидимые пальцы к скафандру – последнему защитному барьеру между вечностью и трепетной искрой жизни. Опутывал руки вязким и гулким безмолвием. Сковывал. Придавливал своей громадой. Его немое послание вычерчивалось прямо в сердце.

Здесь царит ничто. Всякий огонь со временем отгорит. Даже молодые звёзды охлаждаются и обратятся в тёмные глыбы. И к тому мигу, когда последний луч во Вселенной угаснет, ты уже будешь забыт. Миллиарды миллиардов миллиардов лет тому назад.

Любимая невольно стиснула мою металлическую ладонь.

Палуба вокруг нас была изрисована светящейся разметкой. Чуть вдалеке от выхода из шлюза возвышался какой-то флажок с мерцающим на верхушке красным клотиком. Кажется, там, наверху, тоже катушки страховочных тросов. На противоположной стороне палубы обнаружился вход в безвоздушное хранилище. Неужели спортивный инвентарь? Они здесь что – в мяч играли? Обернувшись кругом, я поискал объективами камер купол обсерватории. Вон он. Закрытый защитным кожухом и почти незаметный. А позади него открывался бездонный провал, опоясанный тянущейся в обе стороны от нас зубчатой кромкой отсеков. Главная дюза.

На самом деле, если смотреть прямо вниз, стоя на кромке, можно разглядеть, что она делится на множество маленьких секций, каждая из которых включает несколько сопел. Огромный двигатель для межпланетных перелётов никогда не работал. Инженеры в машинном кластере каждые четыре декады проводили полную диагностику, поддерживали его в рабочем состоянии. Постоянно что-то налаживали, дорабатывали, ремонтировали, как изнутри, так и снаружи. Зачем? Может быть, у учёных и навигаторов назрела какая-то идея? В чём же она заключается? Как её воспримут люди? Никто не знал ответа. А может быть, все его знали, но рассказать детям никто не посчитал нужным. И этот колоссальный потомок смрадных ракетных двигателей продолжал оттягивать дни своей кончины. В него вдыхали жизнь, но, когда требовалось сменить орбиту, всегда пользовались вспомогательными и маневровыми.

Приглядевшись к знакомым рисункам альфа и бет, я заметил в них некую необъяснимую странность. Млечный Путь тоже выглядел необычно. Я принялся по одному выискивать созвездия, сверять с картами, опечатавшимися в моей голове. Чтобы дело пошло быстрее, подключил базу данных скайлинка в режиме дополненной реальности.

– Что тебя беспокоит? – с заботой спросила Катлея.

– Не могу понять. Все звёзды на своих местах. Да как они вообще могут на них не быть? Это же космос, в конце концов! Даже если в созвездиях что-то меняется, с первого взгляда не заметить.

Я продолжал смотреть и отмечать про себя каждое созвездие. Большой Пёс, Орион, Близнецы... Рак, Лев, Гидра... Телец, Возничий... Секунду. Альфа Большого Пса. Сириус. Одна из самых ярких видимых звезд. Вон там, прямо у него на груди, как серебряная медаль... Почему такая тусклая?

Просигналив жестом дать увеличение, я уставился на Сириус не отрываясь. Что-то чёрное вдалеке загораживало его! Космический мусор? Обломки какого-нибудь старого спутника на орбите захоронения? Но ведь тогда они должны ярко сверкать в солнечном свете.

Я зашагал в сторону, по-прежнему наблюдая Сириус. Трос медленно разматывался, тянулся за мной змеиным хвостом. Так вот же она, потерянная альфа. На своём законном месте. Не сделал и десяти шагов.

Странно это всё.

А потом над кромкой палубы, прямо за зубчатым абрисом кормового кластера станции с бездонным провалом главной дюзы посередине показала свою светлую щёку старушка Земля. Поймав за хвост неожиданно промелькнувшую догадку, я глянул на неё, увеличив изображение насколько возможно. Попробовал вручную настроить резкость. И спустя несколько долгих секунд поймал перед камерой дрожащую картинку.

Расплывшаяся перед глазами поверхность планеты делилась на шестиугольные ячейки. Дальномер показывал двести с лишним метров. Столько же было до края палубы. Нетерпеливым, обеспокоенным жестом я вызвал голограмму скайлинка. Связи нет.

Сердце стиснула железная пятерня.

– Мы под куполом, – мрачно проговорил я. – Похоже, нам не оставили шансов.

* * *

Но мы отказались признать поражение. Игровое поле было огромным, и мы принялись прочёсывать его в поисках каких-нибудь зацепок. Может быть, удастся найти вход в инженерный отсек. Или потайную дверь, ведущую за пределы купола. Хоть что-то! Разве зря мы так старались сюда попасть? Зря прощались с нашим домом? Зря писали то послание на столе?

Мы должны выбраться!

Я пошёл осматривать склад. В нём и вправду оказались мячи. С электронной начинкой, гироскопами и магнитными колесами. Наверное, чтобы не искать их потом по всему полю. Помимо них были ещё складные круглые корзины, забранные сеткой из металлических тросов. Какие правила были у этой игры? Зачем было тренировать детей таким способом?

Помимо инвентаря в помещении нашлась панель управления подвижными частями поля. Похоже, некоторые блоки обшивки можно было выдвинуть и устроить нечто вроде лабиринта. Но меня это мало интересовало. Куда полезнее был рубильник освещения. Я дёрнул его, и расположенные в рёбрах купола лампы зажглись, затмив собой звёзды и старушку Землю. Теперь всё пространство вокруг нас было забрано сверкающими шестиугольниками.

Катлея вскарабкалась на флагшток и принялась оглядывать окрестности. Я пошёл обходить периметр. Изредка мы переговаривались, чтобы не потерять друг друга. И чтобы не было так одиноко и тихо в эфире.

– Вижу пробоину, – доложила любимая спустя полчаса. – Похоже, та самая...

Я вспомнил погибших детей в кабинете домоводства. Верно. Мы ведь находимся снаружи отсека практических занятий.

– Поставь маркер. Пойду посмотрю.

Дождавшись наводки, я пометил место у стены, на котором остановился, и двинулся прочь. Плыл над палубой, отталкиваясь подошвами ботинок. Страхочный трос, закреплённый у верхушки флагштока, сматывался в катушку, чертя в пространстве причудливые изгибы. Глянув вверх, на клотик, я разглядел в свете ламп сверкающий панцирь Катлеи. Девушка висела вниз головой и махала мне руками. Маркер подтверждал: всё в порядке.

Приблизившись к дыре в обшивке с неровными, оплавленными краями, я заглянул внутрь. Темно. Включил фонарь и в его свете разглядел вторую – в полу отсека. Внешняя броня станции была в толщину не меньше полуметра. Строительство велось прямо на орбите – можно было развернуться, не опасаясь сделаться слишком тяжёлыми, чтобы оторваться от земли. Пылинка размером не больше яблока прошла её насквозь и пробила пол, застряв где-то на нижнем уровне. Чудовищный, страшный удар.

Искусственный интеллект костюма построил траекторию и указал точку на куполе.

– Сейчас проверю, что там, Марк, – сразу отозвалась Катлея. – Не уходи далеко.

– Хорошо. Осторожней там.

Я отключил отображение траектории и увеличил масштаб, наблюдал за тем, как девушка ловко переворачивается в воздухе, отталкивается от флагштока и плывёт к месту пробоя. Она грациозно вытянулась стрелой и была похожа на воздушную гимнастку. Ну, насколько это было возможно в огромном, тяжёлом и негнущемся космическом скафандре. Спустя несколько минут сверкающий гигант достиг маркера и принялся обследовать поверхность.

– Одно ребро сломано, – доложила Катлея. – Купол немного промят. Но пролезть не удастся. Слишком узко.

– Якорь мне в дюзу! – не сдержался я. – Это был очень хороший шанс.

– Подожди-ка... – взволнованно перебила она. – Там снаружи человек! Его трос запутался вокруг разломанного ребра. Марк! Лети сюда, срочно!

Не помня себя, я примерился и прыгнул, выключив магнитные присоски. Человек! Первый человек кроме Катлеи за четыре с лишним декады! Может быть, ему удастся позвать на помощь! Или он сам поможет нам выбраться, расширив пробоину! Вперёд, нужно скорее с ним поговорить!

Минуты, проведённые в невесомости без всякой опоры, показались мне вечностью. Но, в конце концов, я достиг купола, ловко развернулся,

оттолкнувшись руками, и встал на него подошвами, намертво прилипнув. Подбежал к размахивающей рукой девушке.

Там и вправду был человек. Его скафандр мерцал в отражённом от палубы свете ламп и далёких бортовых огней. От пробоины к нему тянулся обрывок троса, застрявший в щели между разбитой кварцевой пластиной и металлическим ребром, на которое пришёлся удар пылинки. Фигура медленно поворачивалась вокруг пупка и плыла куда-то вправо, но трос не давал ей отдалиться. На животе скафандра и ранце с запасом воздуха можно было разглядеть знак инженера – зубчатую шестерню, заключённую в круг. Запросив у компьютера статус его аварийного маяка, я не получил ничего. Здесь, возле пробоины, сигнал должен был проходить!

– Внимание, инженер! Говорит кадет Маркус Вольфганг Фробишер! Сигнал с вашего скафандра не поступает! Доложите статус! Повторяю: кадет Маркус Вольфганг Фробишер неизвестному инженеру! Доложите статус!

Тишина. Глухая и гулкая.

Схватившись за трос, мы изо всех сил дёрнули и потянули. Инженер развернулся и поплыл к нам. Я понемногу выбирал трос, а Катля уже готовилась схватить несчастного через пробоину. Он не шевелился. Просто беспорядочно вертелся, раскинув негнущиеся руки.

Я уже знал, что человек внутри этой тонкой скорлупки оконечел. Угас давным-давно, может быть, годы назад. А запутавшийся трос никак не позволял ему молча раствориться в вечности.

Катля дрожащими руками стиснула карабин на его поясе. Я поймал его правую руку, открыл на перчатке неприметную крышку. Сунул внутрь отверстия указательный палец и надавил. Перед глазами появился отчет.

«Инженер-ремонтник третьего класса Артур Азимов. Статус: мёртв. Причина смерти: гипоксия. Время смерти: 22:26:44, 127.156».

Одиннадцать с половиной циклов назад.

Никто не знает, что за череда трагических событий привела к такому исходу. Может быть, маяк несчастного вышел из строя задолго до того, как кончилась дыхательная смесь. Поэтому он никак не мог позвать на помощь; медленно холодел и задыхался здесь, пока замороженные пальцы космоса не вытянули из него жизнь без остатка. А может, разом отказали все системы жизнеобеспечения, мгновенно убив инженера. Так или иначе, его пропажу никто не заметил. И он остался здесь на долгих одиннадцать оборотов вокруг солнца, ещё одним онемевшим напоминанием об опасностях мира, в котором мы теперь живём. О жутком в своей безмятежности лике Вселенной.

Мы с любимой взяли за руки. Сделали один на двоих глубокий судорожный вдох.

Не уходи безропотно во тьму,
Будь яростней пред ночью всех ночей,
Не дай погаснуть свету своему!
Хоть мудрый знает – не осилишь тьму,

Во мгле словами не зажжёшь лучей –
Не уходи безропотно во тьму,
Хоть добрый видит: не сберечь ему
Живую зелень юности своей,
Не дай погаснуть свету своему.
А ты, хватавший солнце на лету,
Воспевший свет, узнай к закату дней,
Что не уйдёшь безропотно во тьму!
Суровый видит: смерть идёт к нему
Метеоритным отсветом огней,
Не дай погаснуть свету своему!
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей –
Не уходи безропотно во тьму!
Не дай погаснуть свету своему!

Он остался здесь немым напоминанием о том, в каком мире мы теперь живём. О том, что окружает нас каждое мгновение каждого дня. О том, чему остатки человечества силится противостоять, терпя поражение за поражением, и каждый раз вновь поднимаясь с колен. Космос вечен. Все огни пред ликом Вселенной слабы и бессильны развеять вечную тьму. Всякая жизнь хрупка и эфемерна в её ладонях. Но даже зная, что рано или поздно будем повергнуты, раздавлены, иссохнем и обратимся в прах; с сердцами, объятами первобытным ужасом перед глухой и гулкой бездной, мы продолжаем драться. Яростно. Отчаянно. Отказываемся верить в неизбежное.

Он остался здесь напомнить, что нас ждёт, если опустим руки.

И сохранил для нас ключ к свободе.

– Прощай, инженер-ремонтник третьего класса Артур Азимов, – проговорили мы дрожащими голосами. – Твой бой окончен. Уходи теперь в объятия Вселенной.

Катля выпустила заклинивший карабин. Я перекусил трос силовым болторезом. Мы вместе оттолкнули тело почившего прочь. И молча наблюдали, как он, медленно вращаясь, уплывает по млечному пути в далекий космос.

Наблюдали, пока его мерцающий во тьме скафандр не растворился среди огней.

* * *

Мы покинули купол через неприметную дверь в его фундаменте. Допуск Артура Азимова открыл её для нас. Сменили точку крепления и двинулись к следующей на пути в инженерный отсек. Впору было чувствовать себя теми самыми покорителями лунных равнин, первыми людьми на Марсе, но мы ощущали лишь облегчение. Мы выбрались! Мы снаружи! Всё же – игра стоила жетона.

Скайлинк поймал чёткий сигнал сети. Я сразу же вошёл в свой аккаунт в «Лицах» и написал короткий пост с единственной фразой: «Мы живы!»

Прикрепил координаты и множество фотографий себя и Катлеи, сделанных в комплексе. Первые двадцать минут сеть молчала, но потом на меня обрушился шквал сообщений. Я даже не успевал их читать.

Вскоре с сигналом пришлось распрощаться – воздух заканчивался. Мы слишком долго искали выход из-под купола, и теперь следовало посетить станцию обслуживания. Ближайшая находилась в инженерном отсеке, шлюз которого находился в пятидесяти метрах ближе к оси станции. Мы преодолели расстояние в несколько длинных прыжков. Я предъявил на входе цифровую подпись инженера третьего класса. Шлюз медленно отворился, пропуская нас внутрь.

Что ж, путешествие к окраинам станции временно откладывается. Но теперь люди знают, где нас искать, и даже если что-то пойдет не так...

– Декомпрессия завершена. Приготовьтесь к открытию шлюза.

В нос ударил резкий запах химикатов. Машинного масла. Металлической стружки. Похоже, все инженерные отсеки на станции пахнут одинаково. Перед нами открылась точно такая же шлюзовая, как в отсеке практических занятий с одной лишь разницей. Она была немного просторней и в её левой части всё же предусмотрели перегородку.

– Как же тут пыльно... – протянула Катлея.

– Как и везде, – я пожал плечами. Скафандр при этом не шелухнулся. – Вот, поддержки.

Девушка взяла у меня ремень сумки. Внутри шлюзовой она снова сделалась тяжёлой, как и наши панцири. Двигаться было трудно.

– Я первый, проверю машину. Потом переоденем тебя – и в путь.

– Ага, – ответила она с улыбкой. – Даже не верится – скоро я вернусь в большой мир! Да ещё вместе с тобой!

Я улыбнулся в ответ. И вправду. Конец этой странной, местами жуткой, но всё же полной живой теплоты и нежности главы нашей истории уже совсем близко. Там, на станции, мне снова придётся ходить на занятия. Учиться водить боевые корабли. Командовать экипажем. Рассчитывать длительные гравитационные маневры. Катлея наверняка станет знаменитой благодаря своему голосу. Множество людей будет видеть её нежным и прекрасным цветком, и только я буду знать, что на самом деле она сумасбродная босоногая сладкоежка. Никто больше не посмеет обзывать или издеваться. А если всё же рискнут, будут иметь дело со мной. Мы видели такое, что им и не снилось. Выбрались из смертельной ловушки. Вместе пережили столько всего!

– Внимание! Обнаружены ученики! Доступ в инженерный отсек закрыт!

Что за?!..

Механические руки вцепились в предплечья будто клещи. Стеклопанель дверца кабины мгновенно опустилась. Катлея по ту сторону испуганно пригнулась в свете аварийных красных огней. Я с огромным трудом вывернулся из захвата. В манипуляторах остался оторванный клочок композита

и ткани-хамелеона. «Тревога! Нарушение герметичности. Выход в открытый космос невозможен». Дурень! Но сокрушаться уже поздно. Изо всех сил я ударил по дверце титановой подошвой ботинка. Она разлетелась вдребезги. Вывалился обратно в шлюзовую в вихре мелких осколков.

– Внимание! Обнаружены ученики! Произвожу задержание.

Пол ушёл из-под ног. Меня закрутило и приложило о потолок. А потом в ушах раздался протяжный и мерзкий низкий гул, и тело перестало меня слушаться. Рядом в окружении мерцающего как звёзды стеклянного крошева повисли сумка с пожитками и обездвиженная Катлея. Костюмы на вешалках замерли, причудливо изогнувшись, как будто кто-то поставил видео на паузу. Неподалеку висела одинокая резиновая перчатка.

– Задействована гравитонная ловушка. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Дежурный по шлюзовой и служба безопасности оповещены. Дождитесь прибытия конвоя.

Ага. Дождёмся. Вряд ли сюда кто-нибудь заглянет, даже чтоб прибрать останки. И надо мне было повести нас именно сюда! Могли бы вернуться в отсек практических занятий! Голова моя чугунная...

– Не могу двинуться... – простонала Катлея. – Марк! Что нам теперь делать?

– Я думаю!

Взломать терминал. Обесточить гравитонные платформы. Отключить питание в шлюзовой. Что-нибудь из этого должно нас спасти. Нужно собраться. Мои программы достаточно хороши. Я потратил целых две декады на усовершенствование их алгоритмов! Замки дверей по-прежнему не поддавались – ими по защищённому каналу управлял удалённо центр безопасности. Но если ударить прямой наводкой в узел охранных систем, должно сработать. Нужно только отдать приказ.

Я выдохнул и изо всех сил напряг мышцы правой руки. Заскрипел зубами от напряжения. Связки заныли, воздуха не хватало. Но понемногу, сантиметр за сантиметром перчатка поползла в нужную сторону. Я нашёл помутневшим от натуги взглядом компьютерный щиток на стене. Ещё немного! Мой указательный палец уже почти занял нужную позицию.

– Не шевелитесь! – гремели динамики.

Я не обращал внимания.

Наконец, металлическая пятерня заняла правильное положение. Переведя дух, я стиснул кулак. Оттопырил указательный палец. Вздёрнул вверх большой, взвёл невидимый курок. А потом стукнул его титановым концом по фаланге среднего. С указательного сорвалась тоненькая голографическая трасса. Её конец ударил точно в терминал.

– Пр-проток-колы бе-безопасности переписаны. Кадет Маркус Вольфганг Фробишер получил права первого уровня.

– Объявляю охранные протоколы недействительными! – закричал я сквозь забрало. – Отключи все гравитонные платформы! Открой доступ к обслуживающей станции шлюзовой!

– Выполняю, – равнодушно ответил компьютер.

Сковывающие пути пропали. Мы облегчённо выдохнули. Любимая сразу же схватила ремень сумки, подплыла ко мне и крепко обняла.

– Ошибка. Обслуживающая станция повреждена. Сборка скафандров невозможна.

– Якорь мне в дюзу! – я стукнул себя по забралу. – Катля, ты говорила, что в инженерном отсеке есть выход, верно?

– Да! Здесь располагается стыковочный рукав, ведущий к станции. Через него новый персонал прибывает.

– Отлично. Компьютер! Открыть все межблочные двери! Подсветить путь к стыковочному рукаву!

– Выполняю.

Дверь в лифтовую шахту отворилась. Прямо перед нами в воздухе возникла сверкающая белая линия. Стрелки отмечали направление.

Оставалось только одно.

– Замри, – попросил я Катлю.

Я развернул гиганта спиной к себе. Пошарил на ранце сбоку и подцепил пальцами незаметную рукоятку. Дёрнул. Скафандр немедленно распался на составные части. Нагрудник разъединился на две половинки. Девушка вынырнула из него, сбросила бесполезные ботинки и перчатки, грациозно изогнулась и замерла у стены, держась рукой за рельсы для термокостюмов. Сняла шлем и запустила его в полёт. Тепло мне улыбнулась.

Проделав с собой ту же операцию, я подплыл к ней и крепко обнял. Она тоненько пискнула, прижавшись щекой к моей. Вот так гораздо лучше. Без всяких шлемов и толстеного композита. Её нежная кожа под тканью термокостюма. Её ароматные волосы, висящие в невесомости круглой шапкой!

– Испугалась?

– Немного. Я знала: ты что-нибудь придумаешь.

– А вот у меня чуть сердце не остановилось! – воскликнул я, глядя в её огромные глаза. – Если бы мои программы не сработали, мы бы тут навсегда остались!

– Но ведь не остались, верно? – хихикнула Катля. – Мы всё ещё можем выбраться. Теперь выход даже ближе! Да и к тому же, ты ведь отправил то сообщение. Нас бы нашли.

– Точно, – смутился я. – Совсем об этом забыл!

Мы ещё немного покружились в объятьях друг друга. Любимая положила голову мне на плечо, ткнулась носом в шею. Обнимать её в невесомости было так приятно! В моей голове сами собой рождались разные мысли, от которых перехватывало дыхание, а под ложечкой рождался электрический разряд. Но я сразу отгонял их, ведь дело ещё не сделано. Для них будет время, когда мы сбежим отсюда.

– Всё-таки, ты – настоящий герой космоса, – ворковала Катля у меня на плече. – А в этом костюме такой статный! Так бы и набросилась на тебя прямо здесь!

– И ты туда же?! Всё, хватит обниматься. Пошли уже к выходу!

– Как скажешь, – сладко пропела она. – Но не думай, что тебе удастся так просто отделаться, когда мы пересечём тот стыковочный рукав.

* * *

Мы плыли мимо длинных рядов нумерованных дверей. Мимо окон, за которыми располагались ремонтные конвейеры. Механические руки, вооружённые инструментами, давно замерли, никому больше не нужные. Мы проплыли насквозь огромный зал столовой, мимо двери к реакторному отсеку, где дремало потухшее термоядерное пламя, мимо множества складских помещений, доверху забитых инструментами, материалами и деталями систем комплекса. Здесь хватило бы ресурсов, чтобы содержать этот приют ещё не один десяток циклов. Почему же всё это просто бросили? Неужели и впрямь забыли? Или попросту не смогли сюда пробиться?

Вряд ли. Наверное, на то была другая причина.

Теперь, когда мы уже приблизились к самому концу главы нашей жизни, под названием «Великий исход», я начал ощущать в обстановке комплекса некую странность. Задумывался над этим и раньше, но забыл или отбросил, как несущественное. Почему лифт для новоприбывших вмещал только одного человека? Зачем люди, уходя из комплекса, оставили работающим отсек гидропоники? Почему не отключили электроэнергию и переработку отходов? Такое ощущение, будто все в одночасье просто испарились одиннадцать с лишним циклов назад. Что же стало тому причиной?

И ещё мне не давал покоя тот мёртвый инженер. Будь я на его месте, первым делом залатал бы пробоину в палубе, чтобы герметизировать кабинет домоводства. И тогда, если бы у меня в скафандре возникли неполадки, приведшие в конце концов к смерти, меня бы нашли внутри купола, а не снаружи. Может быть, пылинка ударила в тот момент, когда он что-то налаживал снаружи купола? Это объяснило бы положение тела. Хоть вероятность для человека попасть под космический мусор крайне мала, такое всё же случается. Но ведь его скафандр остался целым! Неужели метеоритом просто перебило трос? Вот уж совпадение из совпадений!

Все эти крохотные детали, многие из которых позволили маленькой и одинокой девочке дожить до нашей судьбоносной встречи, были совершенно необъяснимыми и складывались в картину сомнительной правдивости. Всё это время я был слишком занят. Сперва попытками выбраться. Потом – Катлеей. И теперь, когда выход был в двух шагах, инженерный отсек был под моим контролем, а любимая – в безопасности, они снова поднялись из глубин бессознательного, чтобы заявить о себе.

Что же здесь, всё-таки, происходит? Действительно ли то, чем оно кажется?

Мы пересекли отдел регистрации персонала. Прошли через контрольный пункт. Не спеша проплыли через дверь, ведущую к стыковочному блоку.

Окна. Огромные окна, защищённые автоматическими гермоставнями. Сквозь них лился звёздный свет. И мерцание бортовых огней соседнего

отсека. Обжитого. Населённого. Пусть и окраинного. Остатки человечества там, за этой бронированной стеной. Примут ли нас?

Я подошёл к терминалу и вызвал стыковочный рукав. В глубокой и напряженной тишине цилиндр с остеклёнными стенками начал выдвигаться навстречу устью комплекса. Неужели это всё взаправду? Неужели выход действительно прямо перед нами?

Верно.

Прошло несколько долгих секунд. Затем раздался глухой удар. Шипение насосов.

– Декомпрессия завершена. Подтвердите открытие диафрагмы.

Я надавил на дисплей. Пластинчатая створка стыковочного рукава раскрылась. Дрогнула. И молниеносно захлопнулась обратно. Гермостворки на окнах медленно опустились.

Катля испуганно вскрикнула.

– Ошибка! – безразлично объявил компьютер. – Сбой стыковочного терминала. Требуется ручное управление.

– Да что за день сегодня!

Глубокий вздох. Ладно. Это ещё не конец. Аварийные рычаги никогда не отказывают.

Сорвав защитный кожух, я дёрнул рычаг. Диафрагма снова открылась.

– Катля! Заходи внутрь и сделай, как я. Ты должна держать диафрагму открытой, чтобы впустить меня, иначе не выйдет.

– Но я не знаю, что делать, Марк! – в замешательстве воскликнула она.

– Я ни разу не пользовалась даже стыковочным терминалом!

– Ты справишься! Справа от диафрагмы дверца с надписью «ручное управление»! Открой её и потяни на себя красный рычаг. Быстрее, пока ещё что-нибудь не сломалось!

Несколько мгновений она колебалась, в смятении глядя на меня. Но потом в глубине её глаз вспыхнула решимость.

– Ладно. Подожди немного, любимый!

Всё-таки, я в ней не ошибся.

Девушка, вытянувшись, выплыла в стыковочный рукав. Громыхнула дверца.

С громким скрежетом и шипением диафрагма захлопнулась. Послышался громкий глухой удар.

Внутри что-то оборвалось.

– Катля! – я стучал кулаками по створке. – Катле-е-я-а!!!

Я дёргал ручку гермостворки снова и снова, но та и не думала поддаваться.

Любимая не оставит меня, я знал это. Она позовёт на помощь, приведёт инженеров, и вместе с ними вытащит отсюда титановой хваткой перчаток скафандра. А потом крепко обнимет, обзовет дурнем и разрыдается.

Но что если нет? Что если прямо сейчас рукав рвётся на куски, испуская последние глотки воздуха в пустоту? А она висит в вихре стеклянных звёзд и угасает. Холодеет в объёмах космоса. Меня найдут. Спасут. Может, не сразу. Через день. На следующей декаде. Или ещё чуть-чуть позже.

Ведь я отправил то сообщение. Но она будет там, медленно уплывая в бесконечную мерцающую бездну.

Маленькая и одинокая.

Почему ставни опустились? Почему именно сейчас?!

Вдруг раздался глухой удар. Громко зашипела пневматика.

– Марк! Быстрее заходи!

Поднял взгляд. Диафрагма была распахнута, а из-за неё высунулась Катля. Целая и невредимая. С дорожками слёз на щеках. Живая. Тёплая! Я сразу же стиснул её так, что рёбра затрещали. Беспорядочно вращаясь, мы вместе влетели в рукав. Моя спина упёрлась в его закругленную стену.

– Что случилось?

– Рукав отстыковался и начал задвигаться назад, но я ему не позволила, – гордо ответила любимая. – Я никому не позволю так с тобой поступить! Пусть только попробуют!

– Как же я за тебя испугался!.. – голос дрогнул.

– Дурень! – счастливо рассмеялась она. – Лучше бы за себя боялся.

Мы держали друг друга в объятьях ещё несколько минут. Словно виделись в последний раз не минуту назад, а целую вечность. С этого дня мы всегда будем вместе. Каждый день. Каждую ночь. Никому не разлучить нас. Если уж мы сумели сбежать из этого приюта, то справимся теперь с любыми трудностями! Я верил в это. Как и Катля.

Взявшись за руки, мы пересекли стыковочный рукав. Мост через великое звёздное море. Только вёл он не в дальние неизведанные глубины космоса, а назад. Домой. К братьям и сестрам.

Створка открылась. Мы ступили внутрь станции. И потонули в слепящих огнях. Потонули в возбуждённых криках множества голосов. Слепли. Оглохли на несколько мгновений. Крепче стиснули руки друг друга.

– Это он! Это Фробишер!

– Маркус! Пожалуйста, посмотрите сюда! Делаю снимок!

– А кто это с ним? Что за девушка? Какая-то актриса?

– Мисс! Позвольте несколько вопросов! Для еженедельной сводки!

– Каково это было – жить в изоляции? Всего пару слов!

Чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулся. Рядом со мной стоял человек в идеально отглаженном костюме с галстуком. На лацкане был прикреплен миниатюрный микрофон. Его расчерченное морщинами лицо, очки и идеально уложенные волосы, чуть тронутые сединой, невозможно было не узнать. Ведущий вечерних шоу по выходным. Видел его голограмму каждую декаду, только в этот раз он был настоящим. Никак не мог запомнить его имя.

– Здравствуй, Маркус! – поставленным голосом проговорил ведущий.

– Меня зовут Михаил Давидович Леттерман. Я счастлив сообщить: ты – знаменитость! Целых шесть декад вся станция наблюдала за тобой через наши трансляции. Все очень переживали за тебя и поддерживали! Ты стал героем шоу «Выжить в космосе»! Вместе с твоей очаровательной

спутницей Катлеей, конечно же. Ей удалось прожить в изоляции целых семь циклов, никем не замеченной – мы никак не ожидали такого поворота! Ваша встреча поистине была предначертана самой Вселенной!

Чего?..

Я остолбенел, вперив невидящий взгляд в толпу репортеров и летающих над их головами дронов трехмерной видеосъемки.

– Понимаю, ты озадачен и потрясён. Но тебе не о чем волноваться! – продолжал Леттерман, сверкая белозубой улыбкой. – Тебе дали увольнение длиной в цикл. Со следующего ты сможешь восстановиться в лётном училище и стать пилотом. А твоего гонорара за участие в шоу хватит чтобы покрыть стоимость обучения целиком четыре раза! Недурно, да? – широкая ладонь несколько раз хлопнула меня по плечу, но я не чувствовал. – Ну же, Маркус! Не молчи! Тебя сейчас видит вся станция. Хочешь что-нибудь сказать людям, которые смотрели на тебя, переживали и поддерживали все это время?

Я снова обвёл взглядом стыковочный блок. Репортеров. Дроны. Леттермана. Взглянул на Катлею, потрясённо распахнувшую глаза. Жмушуюся ко мне в ужасе, не знающую, куда деться от всех этих вспышек. От беспокойных папарацци и бесконечных вопросов. Её плечи дрожали. Бережно обхватив их, я уложил голову любимой к себе на плечо. Глянул на поднесенный микрофон. Потом в лучащиеся добротой и снисхождением глаза ведущего.

– Нелюди. Уроды бессердечные.

* * *

Мне задавали много вопросов. Глупых. Однотипных. Раздражающих. Повторяющихся. Проводили разные тесты, а на ночь клали в одноместную палату с мягкими стенами. Доброжелательная женщина-врач успокаивающим голосом объясняла, что это просто формальность на пару дней. Тем не менее, ни мать, ни Катлею сюда не пускали. Когда я спрашивал о любимой, мне лишь говорили, что она тоже обследуется. Что ей нужно пройти углублённую диагностику, чтобы психиатры смогли понять, как сказалось на её здоровье взросление вдали от общества.

Лично мне Катлея казалась гораздо более здоровой, чем те, кто выдумал шоу «Выжить в космосе». И те, кто без задней мысли его смотрел.

Один из организаторов посетил меня лично. Крепко сколоченный приземистый мужчина за сорок в строгом деловом костюме. Он несколько раз представлялся, но имени я так и не запомнил. Поздравил меня с завершением путешествия. Осведомился о самочувствии, хотя, наверняка и без меня всё знал. Простая, формальная вежливость, за которой не стоит ни доброго расположения, ни заинтересованности.

Я задал ему несколько вопросов, волновавших меня больше всего.

Конечно же, те статьи, из-за которых мы с Катлеей поссорились, были написаны специально для того, чтобы мотивировать меня к действию. Интервью были чистой воды выдумкой. Всё, что попадалось нам в

сети пока мы были в комплексе, тщательно отфильтровывалось перенастроенным брандмауэром, чтобы мы случайно не прознали про шоу с нами самими в роли главных героев. А тех двоих подговорили засунуть меня в лифт, пообещав заплатить.

Однако это не объясняло ровным счётом ничего. Если даже организатор ничего не знал о Катлее, а её история – не выдумка, то всё произошедшее сводится к череде необъяснимых, невозможных совпадений. Сперва из-за непонятной поломки весь персонал покидает комплекс, оставив рабочими почти все системы. Потом данные о комплексе теряются. Спустя четыре цикла исчезает сама любимая, бывшая в то время маленькой замкнутой сиротой. Камеры и трекер скайлинка наверняка отследили её путь до самого лифта. Но никто, ни единая душа на всей станции, и пальцем не пошевелили, чтобы отыскать девочку. Ни служба энергоснабжения, ни служба переработки отходов не замечают утечек в течении одиннадцати циклов. А ведь они трясутся над каждым киловатт-часом, над каждым граммом биологического сыра!

Разве всё это не выглядит надуманно? Разве не похоже на первый писательский опыт помешанного на девушках подростка? Со мной и Катлеей в качестве главных героев.

Что-то здесь явно не так.

Я примеривался к загадке то с той, то с другой стороны, но распутать её не получалось. Если братья, исходя из строгости и неукоснительности исполнения протоколов автономного существования, получалось, что любимая и организатор говорили неправду. Если же принимать за истину их слова, выходит, на окраинах полно таких вот заброшенных комплексов, в каждом по маленькой девочке-отшельнице, и никто этого не замечает!

Мёртвый дрейф.

На третий день мне пришло сообщением видео от матери. Самому связываться с кем-либо мне не разрешали, зато передавали послания извне. Она плакала и просила прощения. Говорила, ей не объяснили, что всё будет взаправду, обещали помощь, если моей жизни будет угрожать опасность. Я её не винил. Перспектива обеспечить себя на долгие циклы вперёд мне самому казалась огромной удачей. Но если бы мне предложили пройти через такое только ради денег – отказал бы, не раздумывая. Я снял для неё короткое видео и отослал в почтовый ящик больницы. Доктор обещала, что его непременно передадут по адресу.

Катлея писала каждый час. Говорила, что строчила бы каждую минуту, но не разрешают. Рассказывала о странных вопросах тестов. О докторгах и о консультанте с глазами дохлой рыбы. Говорила, что он её пугает. О проверке координации, вестибулярного аппарата и общего физического здоровья. К ней приходили журналисты, но их не пустили даже на порог. Скорее бы увидеть её! Скорее бы снова обнять!

После отбоя я смотрел в окно. Конечно же, оно не было настоящим, но голограмма звёзд передавалась сюда прямым с камер снаружи. Созвездие

Большого Пса сияло прямо посередине чёрного прямоугольника. Прямо перед его носом что-то мерцало. То ярко и чисто, то снова тускнело и терялось среди холодных огней. Помню, как любимая рассказывала мне о новой звезде, открытой совсем недавно в этом секторе.

Я ощущал нечто необъяснимое, когда глядел на неё. Интересно, видит ли Катля? Может быть, мы смотрим на звёзды в один и тот же миг?

В такие часы я слышал невнятный шёпот. Где-то на границе слуха и мыслей. Тихий-тихий. Он шептал мне незнакомые слова.

Если бы я мог писать стихи, какими бы они были? Понравились бы любимой?

«Я вижу твои глаза в сверкающих небесах.

Я знаю, твоё сердце полно теплых огоньков.

Не молчи, позволь услышать твой шёпот в темноте».

Слова медленно складывались в строки. Строки сходились в строфы. Открыв словарь со всеобщего на английский, я искал рифмы. Глупо, да? Кто станет так делать?

Катля говорила, что песни на всеобщем – скучные. Песни на русском – пронзительные и душевные. На японском – странные, но очень красивые. На французском – страстные и нежные. А на английском – мелодичные и складные. Сама она писала только на английском, потому что кроме всеобщего это был единственный язык, который на станции знают многие.

Как ей это удаётся? Голова уже перегревается!

«Возьми мою руку и отведи в свой дом...»

Как дальше?

Я взглянул на Сириус. Снова нашёл взглядом то мерцающее пятнышко у носа Пса.

«Возьми мою руку и отведи в свой дом.

Зажги звезду, чтоб указать путь среди теней.

Не стесняйся. Я вернусь к тебе, чтобы снова услышать твои песни».

Как же хочется снова её обнять!

* * *

– Здравствуй, Марк.

В палату вошёл высокий и шуплый блондин с короткой стрижкой. Его глаза из-за стёкол круглых очков глядели доброжелательно, но, казалось, пронизывали насквозь. Наверное, дело было в их цвете. Светло-серые, будто серебристые, а по краям радужек тёмные кольца. Именно они, кстати, и напоминали о карасях, которых отец так ловко разделявал и жарил на сковороде.

Носил этот тип настоящие кеды, как в кино. Со звёздами на бортах. Будто бы их подняли прямым с поверхности далёкого прошлого. А под расстёгнутым халатом можно было разглядеть футболку с пиксельным инопланетянином.

– Это вы – тот самый консультант с глазами дохлой рыбы? – поинтересовался я.

– Чего? – рассмеялся блондин. – Неужто Катля тебе рассказала? Да, я тот самый. Меня зовут Василий Кубкин. И я здесь психоаналитиком от компании «Яблоко». Но ты называй меня дохлой рыбой, если тебе так удобнее! Выписываешься?

– Выписываюсь, – я продолжил деловито собирать пожитки, не обратив никакого внимания на шутку.

Их было не так много. Всего-то: тюбик с дента-жвачкой от матери, пара исписанных листов бумаги да Ботинок. Тот самый.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Простите, Василий, но у меня нет времени. Катля уже выписалась и ждёт встречи. Меня обещали проводить.

– Так я здесь как раз за этим, – поднял брови аналитик. – Доставлю тебя прямиком в её объятия. А по пути немного расспрошу, если ты не против.

Я вздохнул. Как же мне всё это надоело!

– Как хотите.

– Ну тогда идём, если ты уже готов. Прошу за мной.

Мы пересекли коридор и спустились на лифте на первый этаж больницы. Все вокруг не сводили с меня глаз. Это уже порядком надоело. У стойки регистратуры медсестра попросила снимок со мной. Я вяло улыбнулся в глазок камеры. Чтоб им в спальни пылинка ударила! Если уж так охота было снимать шоу, пусть бы лучше сами в нём участвовали!

– Раздражает, верно? – поинтересовался Василий, когда мы отошли подальше. – Почему бы нам не прокатиться на вагонетке? Ни одного лишнего человека. Никто не станет тыкать пальцем и просить снять твою физиономию.

– Я думал, Катля лежит в этой больнице, – насторожился я.

– Ты был неправ, – пожал плечами аналитик. – Она на другой стороне станции. В психиатрической клинике «Росток». Под моим крылом. С ней всё в порядке, я лично навещал её этим утром. Она ждёт тебя с большим нетерпением.

Выйдя из больницы, мы пересекли высоченный многоярусный зал с подвесными террасами. На некоторых вольготно разместились раскидистые дубы. С перил других свисали вьющиеся растения. А посередине, между висячих улиц, бил огромный фонтан. Сколько же стоит жить в таком месте? И сколько уходит на обслуживание? Где же меня держали?..

Нижняя площадь была полна людей. Я набросил капюшон толстовки. Слава инженерам, все слишком заняты своими делами, чтобы глазеть по сторонам. Деловой кластер в самом центре станции, не иначе. Остановка монорельса в двух шагах. Вон указатель.

Но Василий повёл меня другой дорогой. Спустившись вниз, к тоннелю, с потоком людей, мы незаметно свернули и юркнули в боковой коридор. Дверь нам открыл рослый и крепкий охранник. А когда мы прошли мимо, запер её за моей спиной.

– Не пугайся, – улыбнулся Василий. – Просто у меня есть некоторые привилегии. Грех не пользоваться.

Странный тип. Не вызывает доверия, как бы ни старался.

Вскоре мы вышли на небольшую платформу. Автоматическая вагонетка уже дожидалась нас. Как только мы вошли внутрь, мой провожатый сразу же рухнул на мягкий диванчик с обивкой глубокого синего оттенка. Я присел неподалеку, на красный.

Вагонетка тронулась и начала набирать скорость. Бесшумно, но ощутимо.

– Ты интересный парень, Марк, – заметил аналитик, разглядывая подошву ботинка. – Любой на твоём месте был бы несказанно рад свалившимся на голову деньгам и славе.

– Какой с них прок? – я неприязненно поморщился. – Эти проклятые деятели довели мать до слёз, а Катлею до панической атаки. Даже если они и вправду о ней не знали, то могли бы по крайней мере отнестись с пониманием.

– Тут они дали маху, ты прав, – вздохнул Василий. – Резкие изменения в окружении всегда вызывают сильный стресс.

– А ещё они сделали всеобщим достоянием нашу жизнь, – внутри начал закипать гнев. – Каждую секунду! Как мы вместе пили чай в её комнате. Наши занятия спортом. Ссору. То, как мы помирились. Даже те три дня! – меня начало трясти. – Скажите, если знаете, сколько за это видео без цензуры заплатили хозяева нелегальных порнографических хостингов?

– Точно не знаю, – пожал плечами мой собеседник. – Я всегда был против его продажи.

– А причем тут вы? Там ведь моё лицо! И лицо моей любимой девушки, которую теперь наверняка вожделеет каждый малолетка! Как ей теперь вообще из дома выходить?

– Успокойся. Эту проблему уже решают взрослые и мудрые люди. Не чета нам с тобой, в общем. Со временем вы с Катлеей сможете стать полноценной ячейкой общества и приносить пользу. В конце концов, у вас ведь столько талантов... Ну, помимо...

– Не продолжайте, – железным голосом оборвал я.

– Прости. Не удержался.

– Так, о чём вы хотели поговорить? – нежно было срочно сменить тему.

– Ты знаешь, почему вода в океанах на Земле цвета ржавчины?

Я поднял брови. Он отвлёкся от работы только ради гипотез и умозрительных экспериментов?

– Учитель из корпуса, которого я об этом спросил, не вдавался в подробности. Ответил лишь, что из-за каких-то бактерий.

– Верно, – кивнул аналитик. – Но бактерии эти непростые. Их люди вывели в специальной лаборатории.

– Зачем было выводить нечто настолько опасное, что оно уничтожило жизнь на Земле? – изумился я.

– Ну, замысел, как всегда бывает, заключался совсем в другом, – он пожал плечами. – Наверное, даже в противоположном. В давние времена океаны были очень грязными. Вымирали целые виды рыб и моллюсков,

огромные млекопитающие, одноклеточные водоросли, а всё из-за того, что кое-кто сбрасывал в море слишком много отходов. Думал, оно бездонное, и продукты переработки нефти и прочий органический мусор будут в нем лишь каплей, – Василий ухмыльнулся удачной фигуре речи.

Я молча ждал продолжения.

– Так вот. Давным-давно, когда океаны были цвета ультрамарин, а равнины и холмы сплошь покрывали травы, названия которых уже никто и не вспомнит, один учёный вывел в своей лаборатории хитрых бактерий. Они были способны разлагать нефть и пластик до простых соединений. Грубо говоря, питались ими. А когда пища заканчивалась, быстренько вымирали. Бактерий выпустили для пробы в залив, где сел на мель танкер. Уже через месяц от загрязнения не осталось и следа. Все были страшно рады!

– А потом что-то пошло не так, – понял я. – Как в старых фильмах про конец света.

– Именно, – рассмеялся мой странный собеседник. – Под воздействием внешних факторов – до их пор не известно, каких именно, – штамм мутировал. И новые бактерии начали пожирать всю органику. Белки. Целлюлозу. Хитин. Другими словами, тех самых рыб, которых учёные хотели спасти. Моллюсков. Одноклеточные водоросли. Огромных млекопитающих. Людей, рискнувших поплескаться в море. А потом они добрались до лесов. До лугов. Выкосили под корень всю зелень на планете. Антибиотики вскоре стали бесполезны. Ничто не смогло их остановить, даже купола и шлюзы. Даже ядерные взрывы. Мы вымирали из-за собственной глупости. Из-за того, что решили поиграть в богов. По правде говоря, на поверхности теперь даже машинам приходится туго: для микробов смазка на основе нефтепродуктов как деликатес. Но эта проблема уже решена. Мы сбежали в космос, оставив Землю нашим детям. Они расплодились в океанах, заняли собой всю доступную площадь. И принялись эволюционировать. Совсем как миллиарды лет назад. А мы теперь вынуждены искать себе новый дом. Но с этим дело обстоит весьма скверно. Что ты знаешь о колонизации Марса? – улыбнулся Василий, поправив очки.

– То, что с текущими средствами она не представляется возможной. Нам не хватит воды для двигателей. Не хватит металла для колонии. И главное – нам не хватит рабочих рук.

– Верно подмечено, – покивал аналитик. – Но лишь на треть.

– То есть?

– Воду можно поднять с поверхности Земли. У нас есть гравитонные захваты. Поднимем её, заморозим – благо, те бактерии в космическом холоде не выживают – и на привязи доставим к Марсу. Ты об этом не думал? – он добродушно усмехнулся. – С металлом сложнее. Его придётся выплавлять прямо здесь, на станции и только потом прессовать и выбрасывать в космос для транспортировки. Но, в конце концов, проблема решается тем же путём, а там можно будет и добычу наладить. Со временем. А вот вопрос рабочих рук так просто не решить. Нас слишком мало. Станция

огромна. В этом одновременно и плюс и минус. Мы не сможем поддерживать её в рабочем состоянии, если хотя бы треть специалистов отправится строить город на Марсе. Вариант с демонтажем части отсеков в носовом кластере и спуском с геостационарной орбиты тоже рассматривался. Но в этом случае если миссия колонизации провалится, нам будет уже не выжить. Мы будем вертеться вокруг красной планетки, пока не кончится воздух. Потому что, как ты справедливо заметил, нам не хватает воды, чтобы вернуться назад. И рук, чтобы поднять её с полярных шапок Марса. Замкнутый круг.

Вагонетка начала замедляться.

Я думал над его словами. Вспомнил, как рассказывал Катлее о главной дюзе. Её поддерживают в рабочем состоянии – уж не за этим ли? Мы и вправду собираемся на Марс?

– Прошу на выход, – Василий поднялся с дивана и театральным жестом указал на дверь.

Остановка вагонетки располагалась прямо под зданием больницы. Странно? Действительно. Сколько бы ни ломал голову, никак не мог понять, зачем. Тем не менее, мы вошли в кабину лифта. Аналитик нажал кнопку на голограмме. Кабина тронулась.

– Ты знаешь, чем занимается компания «Яблоко»?

– В первый раз слышу о ней, – ответил я.

– Как печально, – вздохнул Василий. – Ну так слушай. Мы пытаемся решить проблему номер три. Рабочие руки. Они ведь не растут на деревьях! Да и деревья в космосе попробуй, вырасти!..

– Вы хотите меня завербовать? – предположил я.

– Ну, в каком-то смысле, – он покивал, глядя куда-то мимо меня.

Кабина лифта замерла. Дверцы отворились. Положив руку мне на плечо, мой провожатый обвёл рукой просторное помещение, в котором мы оказались.

– Вот моя обитель. Добро пожаловать, Марк. Смотри, любуйся!

– Вы ведь обещали отвести меня к Катлее, – настороженность перерастала в тревогу.

– Именно это я и сделал, – улыбнулся Василий. – Проходи.

С левой стороны комнаты было широкое и высокое окно в космос. Смотрело оно в сторону от Солнца. Огромный чешуйчатый бок станции золотился в его свете, нестерпимо хлеща по глазам бликами на стенах бронированных отсеков. Шпиль, возвышавшийся над ними, отбрасывал длинную чёрную тень. Внутри него мы сейчас и находились. Старушка Земля взирала на меня из-за хвостового кластера. Медленно проплывала мимо.

– Видишь ли, Марк, я немного солгал тебе, – продолжал между тем Василий с добродушной улыбкой. – Я никакой не психоаналитик. Я – профессор, глава учёной группы передовых разработок. Вот такой вот, щуплый любитель старья, очкарик с глазами дохлой рыбы. Забота моей команды – решить «Проблему номер три». И знаешь, мне кажется, мы уже держим решение за жабры. Посмотри сюда.

Я обернулся. У другой стены стояли стеклянные цилиндры. На их постаментах были выбиты номера от одного до семи. От лифта вглубь зала, справа налево. Я подошёл ближе к колбе-хранилищу, на которую указал «профессор». По щелчку его пальцев зажёгся свет.

Внутри была молодая женщина. На вид лет двадцать пять, не больше. Слишком низкая для своего возраста. Её бережно завернули в тунику из синтетического шелка, белую, как нежная и гладкая кожа. Под рёбра и основание черепа её поддерживали металлические обручи, прикреплённые к потолку хранилища. Маленькие ладони. Ступни чуть длиннее, чем следовало бы. И лицо. Взглянув в него, я замер, не в силах пошевелиться. Внутренности будто скрутило узлом.

Это лицо. Эти огромные глаза. Они принадлежали Катлее. Только повзрослевшей. Такой она была бы через десяток циклов.

Что здесь происходит?!

– Не пугайся, это всего лишь муляж, – успокаивающим тоном попросил Василий. – Очень реалистичный. Образец номер пять. Я сам моделировал. Правда, красавица?

– Что это все значит? – только и смог выдавить из себя я. Связки мгновенно высохли.

– Мы – то есть, «Яблоко» – занимаемся созданием синтетических людей. Вот и всё, – улыбнулся «профессор». – Катлея – наше дитя. Моё, если быть точным.

Что за чушь?

– То есть, вы хотите сказать, что семь лет назад...

– Не-е-ет, – расстроено помотал головой Василий. – Я думал, ты сам догадаешься. Неужели тебе не казалось странным, что люди вот так просто взяли и оставили целый комплекс? Это был наш комплекс, подвергшийся бомбардировке космической пылью десять декад назад. Дети, погибшие в кабинете домоводства – наши синтетические люди. Очень жаль их... Но они послужили другой цели. А как же то, что маленькая девочка девяти лет от роду, выросшая в приюте и не знавшая толком, что такое «книга», превратилась за семь лет в такую всезнайку без всякого постороннего вмешательства? Ты ведь наверняка задумывался, каким бы стал, если бы прожил столько один в замкнутом пространстве. Всё было бы совсем наоборот.

Но вернёмся к главному. Комплекс устроен так, чтобы держать объекты наших экспериментов взаперти. Чтобы о них никто не узнал, пока мы сами не сдёрнем покрывало, но чтобы объекты при этом получали знания о «большом мире». Мы спускали туда подопытных по одному в бронированной кабине лифта через бронированную же шахту, которая, как ты мог заметить, надёжно блокировалась после этого специальной дверью. А единственный вход для персонала располагался в инженерном отсеке. Самом защищённом отсеке комплекса с самыми современными биометрическими сканерами на каждом шагу. Разумеется, мы несколько

ослабили защиту, чтобы совсем уж не усложнять вам задачу. И оставили ключ на теле бедняги-инженера. Внутри скафандра, кстати, был муляж, но парень, который его носил, умер на том же самом месте. Ещё одна печальная история.

Затем, мы обставили окружение так, словно комплекс пустует уже одиннадцать циклов. Подобрали обстановку соответственно сроку. Игровые автоматы. Мебель. Записи учителей и дежурных. Мёртвый инженер над куполом. Всё, вплоть до мельчайших деталей! Над комнатой Катлеи пришлось потрудиться больше всего. Она ведь любит безделушки. И ленточки. И яркие наклейки, и плакаты, и флажки. Создавать атмосферу обжитого всегда сложно, но она сама нам очень помогла. Мы вырастили её тело, в тайне от всех – даже от организаторов – загрузили воспоминания, поместили в комнату и оставили жить там две декады. А потом появился ты.

– Вранье, – выдохнул я, судорожно сглотив. – Разве такое возможно?..

– Я жила в приюте, – с улыбкой проговорил Василий. Его глаза были холодны. – Таким же, как этот, только нам было разрешено выходить. Меня не любили. Постоянно обзывали «Голлумом». Никто не знал, кто это, но все считали обидным. Я носила большие шерстяные носки и длинную челку. Тогда начали дразнить гномом. У меня не было своих игрушек. Только маленькая подвеска в форме ключика. Один раз я поскользнулась в душе и ключик впечатался мне в грудь, оставив шрам. Помнишь его, Марк?

Мне стало ещё холоднее. К горлу медленно подступала тошнота. Сердце пустилось в галоп.

Этот шрам был самой милой её чертой. Я никогда не спрашивал о нём. Только иногда касался кончиком пальца, пока любимая тихо засыпала у меня на плече.

Он не мог об этом знать.

– Я написал её биографию, – наблюдая за моей реакцией, продолжал «профессор». – Всегда хотел быть писателем. Но так даже интереснее. Ты спросишь – зачем было втягивать в эту игру тебя, простого кадета, и утравить глупое шоу? Ответ прост. Чувства.

Он принялся прогуливаться взад-вперёд, на ходу жестикулируя.

– Изначально мы планировали строить машины, чтобы они работали в сложных условиях за нас. Прокормить множество людей не так просто. Их нужно одеть. Им нужно место, чтобы жить. А чтобы работать, нужна идея. Или хотя бы стимул. Но если сделать всё как следует, плоть оказывается прочнее металла. Я в это верю. И моя вера подтверждается прямо сейчас.

Мы должны были найти лучших из нас, проанализировать каждый аспект их характера, каждую мелочь вплоть до цвета шнурков, а потом попытаться воспроизвести всё это внутри искусственно выращенного человеческого мозга. Неудача за неудачей. Дети сходили с ума. Теряли контакт с реальностью. Даже пытаясь вырастить их вместе, чтобы у них было «нормальное детство», как говорится, мы терпели крах. Да ещё эти

ускорители роста! Взросление идёт быстрее, чем накапливается опыт, и в итоге мы получаем того же ребёнка, но в теле, например, мужчины.

В конце концов, мы собрали все крохи данных, полученные в ходе бесчисленных моделирований и экспериментов и вложили их в мозг одной-единственной маленькой девочки. Грудного ребенка. Попытались её «настроить» на определённую модель развития. Она росла совсем одна в огромном комплексе. Мы не подпускали к ней других детей, ограничили контакты с лаборантами, насколько было возможно. Только вызвали в ней желание познавать. Неуёмное. Ненасытное. Она черпала знания отовсюду, понемногу взрослея. Набивала шишки. Получала желанную награду за успех. И знаешь, каким-то чудом она выросла и стала той Катлеей, которую ты знаешь. Ну, почти той. Можно сказать, это была наша первая дочь. И пока я наблюдал за ней, заносил в журнал каждое событие, меня осенило! – Василий восторженно всплеснул руками. – Детали. Хронология. Эмоциональные временные вехи. Вот что важно. Нельзя просто взять и вырастить тело, наполнить его мозг воспоминаниями и отправить колонизировать Марс. Воспоминания не приживутся. Мозг человека, как журнал исследователя, должен заполняться постепенно. Самые яркие моменты сохраняются и становятся частью характера. Любая деталь из детства накладывается на последующий опыт и оказывает огромное влияние в будущем. Этаким эффектом бабочки.

Мы поменяли подход. Углубили. Теперь каждый из синтетических людей с самого раннего возраста получает порции воспоминаний, пока его тело растёт в банке с питательным бульоном. Если у ребёнка был неудачный опыт поездки на велосипеде, мы наносим ему травму и заживляем. Если он в воспоминаниях носил часы всегда на левом запястье, мы учитываем это при стимуляции мышц. Они спят, смотрят вещие сны и взрослеют много быстрее обычного. Результат потрясает. Люди приходят в себя и даже подумать не могут о том, что они – подделки! У них есть любимая еда. Любимые фильмы и книги. Есть сердца. Есть чувства. Они влюбляются. Ненавидят. Добиваются своих желаний.

Но как думаешь, станут ли люди, рождённые традиционным способом, считать их равными себе? Ни за что. Они будут унижать их. Бояться. Ненавидеть за то, что, например, отняли рабочее место. Или женщину. Или элементарно купили последний пакет печенья. И чтобы этого не произошло, мы устроили глупое шоу «Выжить в космосе». Чтобы показать другим: подделка не хуже оригинала! Обычный парень вроде тебя может полюбить подделку, а она будет отвечать ему взаимностью.

А напоследок как в дешёвом фильме планетарной эпохи, у меня есть для тебя загадка.

«Профессор» снова щёлкнул пальцами.

В дальнем конце зала открылась дверь. На пороге стояла Катля. В изящном белом платье. С убранными металлическим ободком волосами. От её красоты захватило бы дух, будь она одна.

Но их было пятнадцать. Совершенно одинаковых. В совершенно одинаковой одежде. С совершенно одинаковой походкой. С совершенно одинаковым грустно-подавленным выражением на лицах. В их глазах застыло отчаяние. И трепетная искорка надежды.

Они все смотрели на меня. И от этого сердце пропускало удары. Спина ощущала холодные пальцы космоса.

– Вот, видишь? – добродушно улыбнулся Василий. – Я не солгал. Они все – Катлея. Каждая помнит всё, что произошло в том приюте. Каждая любит тебя. Безумно. До сумасшествия. И каждая надеется, что выберут её. Так сделай же свой выбор, Марк. Не мучай их. Только одна девушка действительно была с тобой всё это время. Мы не подменяли её во время шоу. Найди её. И я вас отпущу, не смея больше занимать ни секунды времени. Вы будете вместе до конца ваших дней. Даю слово. Вот только о счастливой семье придется забыть: все подделки бесплодны, – он грустно развел руками. – Мы так и не смогли решить эту проблему.

Я глядел на него и на Катлей, снова и снова переводил взгляд с одной на другую. Всё происходящее и сказанное настолько потрясло, внушало такой ужас и отвращение, что эмоциональный процессор будто перестал отвечать на запросы мозга.

Как можно было додуматься до такого бесчеловечного поступка?!

– Я понимаю, – проговорил между тем учёный. – Ты напуган. Тебе противна сама мысль о выборе. Всё происходящее вызывает отвращение. Но ты должен выбрать. Если не можешь сделать это прямо здесь и сейчас, у нас есть для тебя уединённая комната. Ты можешь осмотреть каждую из этих девушек, вместе или по отдельности. Оценить их всеми доступными способами. Или ты можешь выбрать всех. Но тогда, боюсь, тебе придётся туго, – он глупо усмехнулся и сунул руку в карман джинсов.

Пистолет.

Старый, сверкающий потёртостями на выступающих углах. Без сомнения, всё ещё смертельно опасный.

– А если ты не станешь выбирать, так и останешься на месте, мне придётся тебя мотивировать.

Дуло уперлось в висок ближайшей Катлеи. Её плечи задрожали, она пригнула голову и зажмурилась, закусив губу. По щекам побежали струйки слёз.

– Каждые две минуты я буду убивать одну девушку, – всё с той же доброжелательной улыбкой объявил этот умалишённый профессор. – Последняя оставшаяся в живых – твоя. Сможешь выдержать смерть любимой полтора десятка раз? Время пошло.

Как до этого дошло? Что здесь происходит?! Хотелось кричать, рвать на себе волосы и бежать отсюда как можно дальше. Но я не мог. Их взгляды не давали мне. Если верить словам Василия, одна из них – настоящая. А есть ли разница? Если они все помнят наши дни в приюте, все любят меня и готовы пожертвовать жизнью... Если у каждой её нос,

её глаза, её ладони, её ступни... Её привычки... Её голос... Её шрам в форме ключика под правой ключицей...

Да ни в жизнь! Нет! Увольте!

У первой нос смотрит чуть вправо.

У второй родинка на подбородке.

У пятой шербинка на нижней губе.

У двенадцатой совсем другой разрез глаз.

Кто знает, сколько ещё отличий можно найти, если осмотреть каждую внимательнее? Какая же из них? Рассматривая лица девушек, я окончательно запутался. Черты смешались перед глазами. У Катлеи точно не было родинки на подбородке. Это заметно с первого взгляда. И глаза у неё не такой формы. И нос смотрит прямо. И губы совсем другие. Но какие? Какие у неё глаза? Какой нос?

Фотографии должны помочь. Но даже если сравнивать со снимком, сделанным в комплексе, как две капли воды на него похожи по меньшей мере девять из пятнадцати девушек.

Я отвернулся и глянул в окно. На Сириус. На маленькую точку у носа Пса, всё так же мерцающую и переливающуюся среди огней. Судорожно вдохнул и выдохнул, стараясь успокоиться.

Снова подошел к шеренге белых платьев.

– Сколько языков знаешь?

– Семь, – ответила первая Катлея дрогнувшим голосом.

– Когда я спросил тебя об этом в первый раз? – поинтересовался, подойдя ко второй.

– В спортзале на третий день, – не задумываясь сказала она.

– Какое аниме твоё любимое? – спросил у третьей.

– Я люблю их все одинаково...

– Из-за чего мы поссорились?

– Я пыталась тебя присвоить и не пустить домой, – четвёртая.

– Как мы помирились?

– Играли в каруту... – пятая.

– Потом целовались... – шестая.

– А потом пили чай, болтали о звёздах и легли спать... – седьмая.

– Ты обнимал меня той ночью... – восьмая.

– Мне было так тепло! – девятая.

Мёртвый дрейф. От того, как они говорили, перебивая друг друга, холодело нутро. Каждая тщиалась показать, что помнит больше остальных. Что она – та самая, а остальные – подделки. Но даже так, каждая из них не верила сама себе.

Они тоже висели сейчас посреди бескрайней мерцающей бездны. В холодной и гулкой тишине, выгибающей наружу барабанные перепонки.

– Ты говорила, мы болтали о звёздах, – продолжал я, с трудом прочистив горло.

– Да, – ответила десятая. – Я рассказывала тебе о недавно открытой звезде в нескольких градусах южнее альфы Большого Пса.

Я остановился как вкопанный.

– Южнее?

– Да, – подтвердила одиннадцатая. – Между передними и задними лапами. Её не видно невооруженным глазом.

Я снова глянул в окно. Развернул звёздную карту. На голограмме действительно значилась новая звезда, прямо посередине пустого пространства между Сириусом и Адарой. А что же тогда за мерцающая точка прямо возле его носа? Я ткнул в неё пальцем. «Космический мусор».

Внезапно меня пронзила догадка.

Василий уверял, что Катлею не подменяли в приюте. Клялся, что все эти девушки помнят меня, как своего возлюбленного. И просил найти настоящую. Он ни разу прямо не сказал, что она в этой комнате. И пообещал убить любимую полтора десятка раз. Именно так. Не четырнадцать.

Ответ в вопросе. Прямо как на экзамене по логике.

Глянул в окно снова. «Зажги звезду, чтоб указать путь среди теней». Готов поклясться: когда смотрел на Сириус из-под купола в приюте, этой точки там не было и в помине. Как же странно, смешно и грустно все совпало!

– Ну что? Есть мысли? – поинтересовался профессор, по-прежнему держа пистолет у виска пятнадцатой Катлеи. – У меня, знаешь ли, уже рука устала так стоять.

– Я выбрал.

– О? И кого же?

Я бросил последний взгляд на холодные огни, медленно пятясь к лифту.

– Звезду.

– Звезду? – брови Василия поползли вверх. Улыбка медленно сползала с лица.

Он набрал в лёгкие воздуха, чтобы что-то крикнуть, но дверцы лифта закрылись и заглушили его слова.

– Скайлинк! – я поднёс правую ладонь ко рту. – Проложи маршрут к ближайшему стыковочному шлюзу со стороны хвостового кластера!

Передо мной всплыло оповещение: «Выполнено!»

Лифт тронулся и почти мгновенно спустился ниже на восемнадцать этажей. Я выбежал из кабины и ринулся вперёд по коридору. Указатель мелькал впереди. Не пробежав и двадцати шагов, налетел на охранников. Прорвался мимо, пока те не опомнились, и побежал дальше, чувствуя спиной их взгляды.

Угораздило же в такой момент!..

– Эй, ты! – крикнул один, заставив меня прибавить темп. – А ну стоять!

– Ты что? – осадил товарища второй. – Профессор велел его не трогать!..

Обрывок фразы потонул в гомоне где-то за углом.

Почему это меня нельзя трогать?

Не важно. Так даже лучше.

Мимо меня пронеслись коридоры, залы, какие-то комнаты, огромные офисные помещения... Навстречу мне попадалось очень много людей.

Они носили белые халаты и отглаженные костюмы, строгие платья или рубашки, заправленные в классические длинные юбки. Я не успел как следует рассмотреть ни одного из них, пронсясь мимо на предельной скорости. Вперёд! Пока чокнутый хозяин лавочки не догнал и не пустил пулю в затылок!

Я должен вызволить Катлею! Ведь этого он от меня хочет, верно? Потому и запретил охране останавливать.

Я толкнул дверь к аварийной лестнице. Вниз на семь пролётов. Налево, в служебный тоннель. Направо, мимо подсобки. Вдоль по коридору.

«Вы прибыли в пункт назначения».

Снова окна с автоматическими гермоставнями. Снова диафрагма. Новенький стыковочный терминал. Я подбежал к нему и несколькими движениями вызвал окно дальномера. Направил голографический указатель на мерцающую точку. Два километра. За три дня она улетела от станции на два километра. Ещё немного, и дроны до неё бы уже не добрались.

Всё верно. Они подменили любимую именно в тот злополучный момент, когда вышел из строя терминал. Больше не было возможностей. Катлея находилась в стыковочном рукаве. Формально, уже не внутри приюта. И это был единственный раз, когда я потерял её из виду, пока мы вместе искали выход. На станцию вместе со мной поднялась одна из тех пятнадцати девушек, что показал мне Василий. Или, может быть, ещё одна. И что самое смешное, для этого им даже не потребовалось сильно напрягаться. Ведь стыковочные блоки устроены как барабан револьвера. Чтобы каждый раз при пробое не латать рукава. Нажал кнопку – повреждённый отстреливается, а его место занимает новый.

Я выслал дронов, и по бокам окон раздалось шесть выстрелов. Сверкающие огнями дюзы машины направились в сторону фальшивой звезды.

Пусть подделка. Пусть выращенная в колбе. Пусть вся её история – плод больных фантазий. Тёплая. Живая. Настоящая! Вот моя рука. Забрать любимую космосу – не позволю!

Машины достигли цели. Передо мной появилась голограмма, изображающая сигарообразный объект. Беспилотники заняли позиции с торцов и с четырёх сторон цилиндра посередине. Погасили беспорядочное вращение. Затем включилась тяга. Медленно, но верно объект приобретал ускорение, корректируя курс при помощи боковых двигателей. Минуты шли. Я вглядывался во тьму, наблюдал, как растёт среди звёзд длинный остеклённый цилиндр. Как дрон на его переднем конце гасит скорость. Как герметизированный диафрагмами с двух сторон стыковочный рукав подходит вплотную к шлюзу. Сквозь его окна я разглядел блеск и переливы термокомбинезона.

Дрожащие руки легли на рычаг и кнопку тяги. Как на экзамене. Сложнейшей процедурой среди всех в космосе считается именно стыковка. Тогда, шесть декад назад, я провёл её идеально. Но это была всего лишь симуляция. А сейчас от крепости моих рук и точности глазомера зависит жизнь любимой.

Я справлюсь.

Повинуясь жесту, дрон на передней диафрагме отцепился и вернулся в гнездо слева от окна. Я медленно покачал рычаг, проверяя вес рукава. Дюзы машин давали короткие импульсы, легко подстраиваясь под мои движения. Глядя на экран внешней камеры, я примеривался для захода. На лбу появилась испарина. Закушенная губа отзывалась резкой болью, но я не обращал внимания. Медленно и осторожно подходил все ближе и ближе, корректируя положение рукава. Осталась всего пара сантиметров. Нажал кнопку тяги.

Глухой и гулкий удар.

– Стыковка прошла успешно, – равнодушно проговорил компьютер. – Выравниваю давление... Готово. Открываю шлюз.

Я бросил рукоятку и ринулся к раскрывшейся диафрагме.

Вот она. Висит, неподвижная, прямо посреди рукава. На лице – кислородная маска. Не видя ничего кроме её побледневшего лица, я втащил Катлею внутрь станции. Бережно придержал, когда на её неподвижное тело подействовало тяготение. Прижал палец к жилке на горле.

Слабое биение.

Живая!

Стиснул её, прижал к себе изо всех сил.

Катлея вздохнула и закашлялась. Я отпустил её и усадил к себе на колени. Голову уложил на плечо. Аккуратно снял не нужную больше кислородную маску. Веки огромных глаз дрогнули и приподнялись.

– Дурень, – шепнула она, глядя мою руку. – У тебя мог бы быть целый гарем из... меня! Сколько захочешь. А ты взял и спас единственную, самую невезучую.

– Откуда узнала про других тебя? – удивлённо спросил я.

– Увидела в окно, пока прочь уносило. Из отсека выдвинулся такой же рукав, а внутри – я. Как будто спящая. Тогда и поняла. А потом со мной связался какой-то тип, назвался Василием, рассказал, что может ввести меня в гибернацию и посоветовал надеть маску. Мол, у него есть на меня планы, и если ты не дурень, то обо всем догадаешься. Вот только он неправ. Дурень ты! Такой шанс упустил!..

– Молчи! Сама дурында! Если бы я так поступил, всю жизнь бы себя ненавидел! Пусть они все – как ты, пусть память у них одинаковая, но только с одной тобой мы и правда пережили всё, о чём вспоминаем...

– «Любовь в открытом космосе», – улыбнулась Катлея. – Фильм девятый.

– ...И тогда, когда мы с тобой впервые увиделись, я уже выбрал себе девушку. И теперь она должна выбрать меня.

– «Аватар» Джеймса Кэмерона.

– Кончай выдумывать названия! – вспылил я.

Любимая беззвучно рассмеялась.

– Знаешь, что мне сказала другая ты, когда открыла диафрагму? Что никогда никому не позволит оставить меня позади. Так вот, теперь я тебе

это говорю! Ведь если другая ты так чувствуешь, то ты настоящая – и подавно!

– Какая я, оказывается, романтичная и смелая, – восхитилась Катля.

Я улыбнулся, сглотив комок ржавчины, застрявший в горле.

– Знаешь, я написал для тебя стихи на английском.

– Ты шутишь.

– Шучу, – конечно же, у меня ничего не вышло. – Я думал сложить текст песни, чтобы ты сочинила музыку. Но дальше первого куплета и припева дело так и не зашло. Но вот что забавно. Лучшую строчку я написал, глядя на тебя. Когда ты летела над станцией в этом рукаве. Я тогда не знал, что это ты. Думал, звезда. Новая, незнакомая. Ты – моя звезда.

– Хи-и-и... Вместе допишем, – пообещала Катля с широкой улыбкой.

– Впервые кто-то написал для меня стихи. Я так тронута!

Как же стыдно будет их тебе показывать!

А потом я вспомнил ещё кое-что. Сунул руку в карман и достал носовой платок.

– Хотел отдать тебе в тот вечер после твоего концерта. Знаешь, его посмотрел весь большой мир! Ты – настоящая поп-дива.

– Правда? – изумилась девушка.

– Правда, – нос заложило. Глаза уже были на мокром месте, но я мужественно терпел. – Ты – самая лучшая, самая весёлая, самая сумасбродная и прекрасная на всей этой станции! И я хочу подарить тебе это, потому что считаю достойной.

– Что? Свой носовой платок?

– Да нет же!

В складках платка хранилось самое дорогое, что у меня было. Кольцо. Я выточил его из гайки, чтобы вручить Катлее в тот самый день. Но она опередила меня и преподнесла мне себя. С тех пор я так и не смог выбрать подходящий момент. А потом настал этот день.

Увидев полированный кружок металла в моих руках, Катля выпучила глаза и залилась румянцем, насколько это было возможно при её бледности. Поднесла к губам сжатые кулачки, потеряв дар речи.

– Я не имею в виду, что ты должна выйти за меня во что бы то ни стало. Или что мы должны пожениться как можно скорее. Просто мне хочется, тебе сказать: я считаю, ты была бы лучшей женой из всех... Эй!

Не говоря больше ни слова, любимая выхватила кольцо из платка и сразу же надела на безымянный палец.

– Я люблю тебя! Сильно-сильно люблю! Дурень! Если бы могла, бросилась бы к тебе на шею!

– Я тебя тоже очень люблю, Катля!

Я склонился над ней и поцеловал. Нежно и осторожно. Запустил пятерню в её волосы. Теперь мы никогда больше не расстанемся. Больше этого не позволю! Не отпущу от себя ни за что на свете! Мы привяжем себя друг к другу всеми возможными путями, скуем вместе мою ладонь и

её ладошку. Плевать, что подделка. Плевать, что выращена в колбе. Настоящая. Живая. Тёплая!

Моя. А я – её. Навсегда.

* * *

Василий Кубкин смотрел на голограмму и довольно ухмылялся. Он ни секунды не сомневался в том, что перспективный подопытный обо всём догадается. Вопрос был лишь в том, насколько быстро. И результат превзошёл все его ожидания. Эта часть шоу «Выжить в космосе» вышла наиболее удачной.

А потом процедура стыковки. Сложнейшая из всех, ведь объект был таким лёгким! Почти невесомым по сравнению с моделью космического корабля на экзаменах. Самая блистательная ручная стыковка в истории космонавтики! Даже Генма не справился бы лучше.

Но ликование Василия Кубкина было самым неподобающим образом прервано.

– Что за цирк ты тут устроил, чёртов учёный импотент?! – ревел от дверей начальник. Двое широкоплечих и совершенно одинаковых на вид охранников семенили следом. – Пятнадцать девчонок! Пятнадцать! Ты что совсем из ума выжил? Я согласился на это идиотское шоу только из-за того, что оно принесло бы нам немного денег! А ты потратил столько на бесполезных марионеток! Да ещё этот твой кадет! Ты говорил, что он запутается, чем ещё раз подтвердит качество технологии, а он обвёл тебя вокруг пальца! Взять этого паршивца. Вышвырнуть его прочь!

Василий Кубкин в ответ грустно вздохнул. Молча поднялся навстречу охранникам. Воздел к потолку правую руку. В свете ламп блеснуло золотое кольцо на указательном пальце.

– Ащназгдурбатулук, – произнес он.

Охранники замерли, испуганно отступив. Один из них схватился за переносицу.

– Ащназггѣмбатул.

Коленки широкоплечих детей затряслись. Они судорожно хватали ртом воздух.

– Ащназгтракатулук, агбузрум-ищѣкрѣмпатул!

Они перестали дрожать. Выпрямились. Развернулись и молча надвинулись на своего бывшего хозяина.

– Вы знаете, Виктор Харитонович, от чего умер изобретатель первых в мире боевых роботов? – с доброжелательной улыбкой поинтересовался Василий Кубкин. – Не знаете. Вижу по глазам. Отравился суши. Но он был бы трижды олухом, если бы не предусмотрел в программе своих детишек лазейку для себя. Никто на этой станции не говорит на чёрном наречии! Уж я об этом позаботился.

– Что ты несёшь? – выдохнул начальник, съезжая по стене.

– Присядьте на пол и выслушайте. Когда я закончу, вам всё станет ясно. Видите ли, шоу нужно было для того, чтобы показать истинную любовь.

Двое подростков встречаются в опустевшем учебном комплексе. Живут вместе. Постепенно становятся ближе. Чем не сюжет для мелодрамы? Станция смотрела на них не отрываясь, потому что видела: всё по-настоящему. И станция обманулась. Всех людей обвел вокруг пальца мой перспективный подопытный. И не только их. Он сумел надуть даже вас.

– Этот парень? Но разве ты не нашёл его во время своей программы поиска кандидатов?

– Нет. Я провёл её для отвода глаз. Чтобы все решили, будто парень настоящий. Будто я его нашёл. И это подтверждалось его поступками. Тем, как он стремился выбраться, выучиться и обеспечить свою мать. Катлея нужна была лишь для того, чтобы посеять в его душе зерно сомнения. Ну, и для того, чтобы подогреть интерес публики любовной интрижкой. Но даже тогда мой перспективный подопытный не ударил в грязь лицом. Он склонил девочку на свою сторону, и, в конце концов, они вместе покинули комплекс. Пользуясь знаниями моего перспективного подопытного. И навыками Катлеи тоже. И в итоге мы убили двух зайцев! Посмотрите сами: станция её обожает!

– А как же фарс в конце? Пятнадцать подделок! Мои деньги!

– Последняя проверка. Мы создавали перспективного подопытного по образу и подобию одного героя, бывшего шестнадцатилетним юнцом всего каких-то тридцать циклов назад. Геннадий Маринин. Генма. Он известен тем, что даже в самой жаркой битве, даже в самых ужасных условиях сохранял трезвый рассудок и принимал правильные решения. А ещё тем, что был лишён тяги к продолжению рода. Что поделать?.. Такие пилоты рождаются раз в двести циклов. Если не реже. Но мы хотели не просто воссоздать его в этом юноше. Мы хотели вырастить лучшего человека в истории! – Василий Кубкин воздел к потолку руки в одухотворенном жесте. – Мне нужно было показать ему часть правды. Надавить на него так, чтобы наружу вылезли все изъяны. Я хотел убедиться. Поэтому вырастил шестнадцать Катлей, наделив общими воспоминаниями и незначительными различиями во внешности. Родинка на подбородке. Щербинка на губе. Сразу и не заметишь. Они будут казаться одинаковыми, но если присмотришься – поймёшь, что это не так. И окончательно запутаешься, пытаясь вспомнить, с которой из них целовался. Будь их три или четыре – куда ни шло, но их было пятнадцать. Целая толпа близняшек! Мы отправили одну из девушек в наш старый комплекс, транслировали её воспоминания пятнадцати другим. А потом подстроили поломку стыковочного терминала. Фокус с подменой! Ловкость рук и никакого обмана. Разве что самую малость. Этот, как вы говорите, фарс вызвал смятение. Заставил на несколько мгновений перестать верить самому себе. Но даже всё это, в конце концов, не сломило моего перспективного подопытного. Только подстегнуло.

Василий Кубкин снова взглянул на голограмму. Довольно улыбнулся.

– Скажите, может ли подделка превзойти оригинал, Виктор Харитонович? Я думаю, может. Возьмём для примера песню "Hurt" группы "Nine Inch

Nails". Слова и музыка принадлежат им. Песню любили, любили и группу. А потом появился Джонни Кэш. Поменял аранжировку. Немного подправил мелодию. Записал на студии, а через несколько дней – скончался. Если брать в расчёт текст, пропитанный глубочайшими сожалениями и фигуру самого Кэша, эффект был колоссальным! Все просто сошли с ума! Проходит несколько лет, и песню уже считают целиком и полностью его детищем, а про "Nine Inch Nails" никто и не вспоминает.

Так о чём это мы? Верно: о Генме, великом герое. Чтобы вырастить Генму, нужны мать Генмы и отец Генмы. А ещё – товарищи Генмы. Учителя Генмы. Книжки, которые он читал. Фильмы, которые ему нравились. Каждая мелочь важна. Мы собрали их по кусочку и вложили в сосуд. Чуть-чуть дополнили. Знаете, почему мой перспективный подопытный превзойдёт Генму? Потому что кроме матери Генмы и отца Генмы, кроме его товарищей, учителей и книжек у него есть вот эта девчонка. Нечто настолько иррационально важное, что в сравнении с этим меркнет даже сама жизнь. Вот почему.

С минуту в комнате стояла гробовая тишина. Довольный эффектом Василий Кубкин снова расплылся в дружелюбной улыбке. Поддал руку начальнику и поднял его с пола. Отряхнул спинку костюма и предложил кресло.

– А как же мать кадета?..

– Наняли актрису. Пожизненно. Под подписку о неразглашении.

Начальник всплеснул руками.

– Как же я ненавижу твой характер! – проворчал он, потирая вспотевший лоб. – Мнишь себя богом. Соришь моими деньгами. А всё ради чего? Ради двух сопливых юнцов! Клянусь, если бы не твои успехи и мои прибыли, давно бы уже тебя отправил к звёздам в плаванье! Да и вообще, если ты говоришь правду, им обоим осталось не больше половины цикла!

– О, это ненадолго.

Василий Кубкин развернулся обратно к своему столу. Вызвал голограмму скайлинка и позвонил своим лаборантам.

– Эксперимент прошёл успешно. Снимите ограничители. И откройте шампанское.

12.03.2019 23:14

Литературно-художественное издание

АГЕЕВ Семён Артёмович

П О Д Д Е Л К А

Повесть

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой и четвёртой страницах обложки –
рисунки Юлии Гукасовой (Новокузнецк)
(специально для данного издания)

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»